
**Страницы
незримых
поединков**

Издается во Всероссийской серии
«И вновь продолжается бой»

Страницы незримых поединков

Челябинск
Южно-Уральское книжное издательство
1989

ББК 67.99(2)116.2
С83

Составители В. С. Сидак, кандидат юридических наук,
П. И. Выприцкий

Страницы незримых поединков: [Очерки о чекистах] /Сост. В. С. Сидак, П. И. Выприцкий. — Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1989. — 224 с. — (Всерос. сер. «И вновь продолжается бой»).

В документально-художественной книге рассказывается о чекистах Оренбуржья, их самоотверженной борьбе с врагами советского государства в разные периоды — от становления Советской власти до наших дней. Она учит любви к Родине, верности долгу, мужеству и находчивости, бескомпромиссности в политической позиции человека.

В основе очерков — подлинные события, лишь в отдельных из них по различным причинам изменены фамилии действующих лиц.

Издание второе, исправленное, дополненное, адресуется молодежи.

ISBN 5-7688-0312-2

© Южно-Уральское книжное издательство, 1986.

© Южно-Уральское книжное издательство, 1989, с исправлениями и дополнениями.

От редакции

Наш молодой читатель, ты только что взял в руки эту книгу и задумался: стоит ли ее читать, о чем она?

О чекистах. Кто из нас не знает славных дел этих людей, которым партия и народ доверили государственную безопасность, охрану Советской Родины от ее врагов? Чекистов называют солдатами незримого фронта. И это правильно: в смертельной борьбе с коварным врагом не принято афишировать свою работу. Порой проходят десятилетия, а о людях этой опасной и очень важной профессии, о их героических делах не знают не только в городе и стране, но даже близкие, родные. Таковы суровые законы чекистской работы.

Этот сборник посвящен оренбургским чекистам: участникам гражданской, Великой Отечественной войн и сегодняшним работникам. Ты познакомишься с людьми разными: погибшими и ныне здравствующими, юными и умудренными жизненным опытом, но объединенными общей заботой, одним делом — защитой Страны Советов от врагов.

Сборник документален, в его очерках и рассказах речь идет о реальных людях и подлинных событиях. Законы жанра разрешали авторам реконструировать события, но исключали любой домысел, каким бы он красивым и правдоподобным ни был.

Знакомясь с героями очерков, ты, безусловно, отметишь, насколько ярче, глубже и сложнее обычная жизнь в сравнении с литературной выдумкой. Какой наполненной и целеустремленной жизнью жили наши отцы и деды!

Читая очерки и рассказы, ты не сможешь не заметить зоологической злобы и ненависти, коварства и хитрой изворотливости врагов нашего строя, безуспешно стремящихся уничтожить его.

Новое всегда утверждается в борьбе — это закон диалектики. Но становление Советской власти и социализма в нашей стране не знает аналогов в истории. За время существования СССР наши враги ни на день не прекращали явной и тайной борьбы в надежде реставрировать власть имущих.

На Западе очень не любят говорить о том, что советским людям в восстановлении народного хозяйства практически дважды пришлось начинать с нуля: после кровопролитной гражданской войны и в 1945 году, после победы в Великой Отечественной войне. И однако наш народ выстоял, преодолел невероятные трудности, вывел страну в число могущественных государств мира.

Не сумев уничтожить новый социалистический строй силой оружия и экономических блокад, враги СССР возлагают надежду на идеологическую войну.

История развития человеческого общества учит нас, что настоящего и будущего не бывает без прошлого. От поколения к поколению передается эстафета моральных и материальных ценностей. Советским людям выпала особая историческая миссия: нести дальше эстафету революционных завоеваний, мирного созидательного труда, идей великого Ленина.

Если ты внимательно прочитаешь эту книгу, ты поймешь, что в ней речь именно об этом, о преемственности. Нам нельзя забывать тех, кто отдал свою жизнь за наше благополучное сегодня. Нам есть с кого делать жизнь. Мы всегда должны помнить, что только от нас, от каждого лично зависит будущее социалистической Родины.

РОЖДЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЕЙ

Героический путь прошла наша страна за годы своего существования. Все это время советский народ не только строил новый, социалистический мир, он должен был проявлять максимум героизма и самоотверженности, чтобы защищать свое государство от посягательств внутренних и внешних врагов.

После прихода к власти перед большевиками во весь рост встала нелегкая задача строительства новой жизни, однако русская буржуазия сразу же после победы Октябрьского вооруженного восстания развернула кровопролитную борьбу против молодой Советской власти, используя широко террор и заговоры. На Петроград были двинуты казачьи части под командованием генерала Краснова, на Дону поднял антисоветский мятеж и создал контрреволюционное областное «правительство», поддерживаемое английскими и германскими империалистами, генерал Каледин. На Украине центром контрреволюционного восстания против Советской власти явилась буржуазно-националистическая Центральная рада. Формировала полки для борьбы против Советской России по указанию военных миссий США, Англии и Франции Белорусская рада. В Оренбургских степях поднял мятеж ставленник английского империализма атаман Дутов.

В этих исключительно тяжелых и сложных условиях молодая Советская Республика должна была организовать ответные меры. Необходимо было создать не только вооруженные силы, но и специальные органы, способные твердо и решительно поддерживать революционный порядок, своевременно обнаруживать и пресекать вражеские вылазки.

Эти функции на первых порах выполняли военно-революционные комитеты, опиравшиеся на широкие массы трудящихся, созданные во многих городах страны. Они организовывали работу по наведению порядка, подавлению врагов революции в городе и деревне, вместо старого государственного аппарата создавали органы Советской власти.

В Оренбурге военно-революционный комитет был создан 14 ноября 1917 года на заседании Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Возглавил его С. М. Цвиллинг, член Коммунистической партии с 1905 года, участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Военно-революционный комитет утвердил приказ № 1 о переходе всей власти в его руки. Однако Дутов арестовал исполнительный и военно-революционный комитеты и разоружил солдат. Через несколько дней арестованным членам комитета удалось бежать из тюрьмы. В январе 1918 года, когда Оренбург был освобожден отрядами Красной гвардии, С. М. Цвиллинг вновь был избран председателем военно-революционного комитета, и он возглавил борьбу с контрреволюцией в Оренбурге.

Белое офицерство рассыпалось по казачьим станицам и стало сколачивать вооруженные отряды для борьбы с Красной Армией. Один из таких отрядов был создан атаманом станицы Изобильной Ямшиковым и белыми офицерами Донецковым, Ершовым и Рожковым. Возглавил отряд полковник Донецков. Чтобы разобраться в сложившейся обстановке, Оренбургский военно-революционный комитет в марте 1918 года направил в станицу Изобильную председателя Соль-Илецкого Совета Персиянова с отрядом в 16 человек. Персиянов провел в станице собрание, на котором жители вынесли постановление о признании Советской власти. Белобандиты решили уничтожить отряд Персиянова на обратном пути в Соль-Илецк. Они направили в станицы Буранную и Ново-Илецкую гонцов с провокационными слухами о том, что отряд красных якобы занимается грабежом. Собрав свои силы из всех соседних станиц, белобандиты окружили отряд Персиянова в районе станицы Ветлянской и полностью разгромили его. Многих, в том числе Персиянова, порубили, а некоторых бросили живыми под лед в реку Илек. Такая же участь постигла вскоре в районе станицы Изобильной и отряд рабочих-железнодорожников Оренбурга под командованием С. М. Цвиллинга, который к тому времени уже являлся председателем губисполкома.

Дальнейшее обострение классовой борьбы, активные вооруженные выступления врагов Советской власти на окраинах России, в том числе в Оренбуржье, усиление подрывной деятельности шпионов, заговорщиков, бандитов, спекулянтов и других преступных элементов — все это вынудило Совет Народных Комиссаров создать специальный орган для проведения решительных мер по подавлению внутренних и внешних врагов, своевременному выявлению и пресечению их тайных замыслов.

В протоколе СНК № 21 о создании ВЧК от 7(20) декабря 1917 года определены задачи Всероссийской чрезвычайной комиссии при Совете народных комиссаров «по борьбе с контрреволюцией и саботажем... 1) пресекать и ликвидировать все контрреволюционные и саботажные попытки и действия по всей России, со стороны кого бы они ни исходили; 2) предание суду революционного трибунала всех саботажников и контрреволюционеров и выработка мер борьбы с ними; 3) комиссия ведет только предварительное расследование, поскольку это нужно для пресечения...» («Из истории ВЧК». — М.: Госполитиздат, 1958, с. 78).

Однако Чрезвычайная комиссия в Оренбуржье, как и в некоторых окраинных районах России, была создана позднее, ее функции еще долго выполнял ВРК. Дело в том, что здесь одной из главных задач было военное подавление открытых вооруженных антисоветских выступлений, которые, как правило, увязывались контрреволюцией с борьбой против Советской власти на фронте. Обстановка в губернии была напряженной. Лишь 1 июня 1918 года губисполком и губернский военно-революционный штаб утвердили постановление о создании губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. Она разместилась в бывшем купеческом особняке (ныне угол улиц Гая и Маврицкого). Ф. Э. Дзержинский с самого начала работы ВЧК придавал самое серьезное значение подбору ее кадров и связи их с трудящимися. В записке в Президиум ВЦИК в апреле 1918 года он писал: «Приняв на себя большую и ответственную работу борьбы с врагами революции и всякого рода вредителями ее, Всероссийская чрезвычайная комиссия, в лице своих работников, по мере сил и возможности твердо и неуклонно шла по пути выполнения поставленных перед нею задач...»

Отечественная контрреволюция при содружестве и почти открытой поддержке мирового империализма, с одной стороны, с другой — капиталисты и спекулянты также как отечественные, так и иностранные... наконец, недобросовестное, преступное отношение к своим обязанностям со стороны некоторых должностных лиц, примазавшихся... к Советской власти, — вот основные факторы... делающие работу ВЧК не только значительной по объему, но и крайне важной в общегосударственном смысле. От полноты, интенсивности и своевременности мероприятий, принимаемых ВЧК, зависит, может, самое бытие Советской Республики. Работники Комиссии, уже перегруженные работой, в течение нескольких месяцев оторваны ввиду своей занятости от какого бы то ни было общения со своей партией, Советами и массами. Связь же эта необходима и для успешности работ Комиссии и для привлечения самих масс к этой работе, без чего труды ВЧК не могут быть плодотворны...» В заключение Ф. Э. Дзержинский просил дать ВЧК пополнение в лице наиболее идейных, ответственных товарищей «...для тяжелой, но необходимой работы — по защите революции» («Из истории ВЧК». Госполитиздат, 1958, с. 112).

Исходя из этих установок, создавая Оренбургскую губернскую ЧК, губисполком направил туда на работу надежных

товарищей из числа партийных и советских работников. Возглавил губчека известный в Оренбурге революционер-подпольщик Иван Федорович Лобов (в 1918 году умер от туберкулеза, похоронен в Оренбурге).

Между тем обстановка в городе и губернии по-прежнему оставалась острой. Чекистами были разоблачены и обезврежены много численные антисоветские заговорщицкие группы и вооруженные банды, но на фронте дела шли все хуже. Летом 1918 года под напором превосходящих сил атамана Дутова пришлось оставить Оренбург и отступить в район Актюбинска. Начались тяжелые оборонительные бои. Находясь в войсках, чекисты вели борьбу с контрреволюционными элементами в Красной Армии, способствовали поддержанию высокой воинской дисциплины, боеготовности частей, вели разведку в тылу врага. Осенью 1918 года Красная Армия перешла в решительное наступление и в январе 1919 года освободила Оренбург. Губком партии и губисполком приняли меры к воссозданию губчека и укреплению ее надежными кадрами. Возглавил Чрезвычайную комиссию большевик с дореволюционным стажем Петр Романович Бояршинов. Немало славных дел на счету оренбургских чекистов в тяжелые годы гражданской войны. Широко используя помощь населения города, они получали необходимые сведения о контрреволюционерах, саботажниках и спекулянтах, проникали в белогвардейское подполье, обезвреживали диверсантов, шпионов и террористов. Благодаря самоотверженной работе чекистов, контрреволюционным силам в городе так и не удалось объединиться и выступить единым фронтом одновременно с дутовцами, вновь появившимися весной 1919 года у стен Оренбурга. С апреля по июнь 1919 года длилась осада города белоказачьими войсками генералов Дутова и Белова. Однако красноармейцы и рабочие Оренбурга под руководством М. Д. Великанова, впоследствии видного советского военачальника, отразили все атаки и удержали Оренбург. Битва эта вошла в историю как Оренбургская оборона.

Оренбургский губком РКП(б) высоко оценил деятельность чекистов в этот период, отметив, что они надежно обеспечили охрану тыла.

После разгрома банд Дутова, с переходом к мирному хозяйственному строительству, оренбургские чекисты активно участвовали в борьбе с бандитской деятельностью остатков белогвардейщины.

В результате чекистских операций на оренбургской земле нашли свой бесславный конец крупные бандитские формирования Сапожкова, Охранюка, Серова, Сарафанкина, Аистова и других, которые зверски расправлялись с теми, кто помогал установлению Советской власти в деревне.

В борьбе с жестоким и коварным врагом выросло немало талантливых чекистов, проявивших в своей деятельности творчество, инициативу, высокий профессионализм. Это, как правило, были смелые и решительные люди.

Многие из них геройски пали в борьбе с контрреволюцией и бандитизмом. В истории оренбургских органов госбезопасности навсегда записаны имена Д. И. Клейменова, Т. Е. Перевезенцева, К. Т. Иванова, П. А. Ткачука, Е. Ф. Пярых, П. Д. Селиванова, А. Ф. Силина и многих других героев, погибших в боях и замученных бандитами.

В конце тридцатых годов, когда стали появляться первые успехи в строительстве социализма, методы, диктуемые периодом борьбы с враждебным сопротивлением эксплуататорских классов, были механически перенесены на период мирного строительства, когда условия изменились кардинально.

«Мы не вправе забывать и то время, — говорил Ю. В. Андропов, — когда политические авантюристы, оказавшиеся у руководства НКВД, пытались вывести органы госбезопасности из-под контроля партии, изолировать их от народа, допускали беззаконие, что нанесло серьезный ущерб интересам нашего государства, советских людей и самих органов госбезопасности»¹. Репрессиям подверглись многие члены партии и беспартийные. Были репрессированы тысячи опытных и честных чекистов, в том числе тех, кто на своих плечах вынес всю тяжесть борьбы с контрреволюцией в годы гражданской войны и в послевоенный период. В нашей области от беззакония погибло более сорока чекистов, отказавшихся заниматься фальсификацией дел на «врагов народа».

Коммунистическая партия Советского Союза провела огромную работу по укреплению социалистической законности. Были ликвидированы извращения и в работе чекистских органов, установлен повседневный партийный, государственный контроль за их деятельностью, созданы надежные политические и правовые гарантии социалистического правопорядка. Многие обвинения с незаконно репрессированных лиц были сняты. Органы безопасности очищались от сотрудников, запятнавших свою репутацию участием в массовых репрессиях. Процесс восстановления справедливости продолжается и в настоящее время.

Важно отметить, что ошибки и отступления от принципов социализма в тридцатые годы не свернули нашу страну с того пути, на который она встала в октябре 1917 года. Народ продолжал решать свои созидательные задачи. Органы госбезопасности не ослабляли борьбу с происками империалистических разведок.

Суровым испытанием для органов госбезопасности явилась Великая Отечественная война, но одновременно и величайшей школой боевой деятельности. С самого начала войны и до ее победоносного окончания наряду с вооруженной борьбой шла ожесточенная тайная война советской разведки и контрразведки с абвером и другими фашистскими спецслужбами. Против Советского государства вели подрывную работу 130 разведывательно-диверсионных и контрразведывательных органов. Более 60 школ осуществляли подготовку шпионов и диверсантов.

С учетом этого органы госбезопасности проводили сложную и напряженную работу.

Чекисты проникали в органы и школы фашистской разведки, в различные звенья оккупационной администрации, выявляли шпионов, диверсантов и террористов, засылаемых в действующую армию, тыл страны, к партизанам. В результате фашистские спецслужбы, по существу, не выполнили ни одной из поставленных перед ними основных задач: подорвать мощь Советских Вооруженных Сил, дезорганизовать тыл страны, ликвидировать партизанское движение.

Неувядаемой славой овеяны имена чекистов военного времени Н. И. Кузнецова, В. А. Молодцова, И. Д. Кудри, В. А. Лягина, Ф. Ф. Озмителя, С. И. Солнцева и других. Многие чекисты стояли во главе партизанского движения. Всем известны имена Д. Н. Медведева, М. С. Прудникова, С. А. Ваупшасова, Е. А. Прокопюка, Д. В. Емлютина. Оренбуржцы могут гордиться тем, что славный партизанский командир Герой Советского Союза и Герой Социалистического Труда К. П. Орловский с января 1939 по июнь 1940 года жил и работал в нашем областном центре помощником ректора агрозоветинститута. Наш земляк, уроженец г. Орска, чекист А. П. Максименко возглавлял специальную группу «Неуловимые», действовавшую в тылу немецко-фашистских войск, затем являлся заместителем командира по разведке партизанской бригады имени К. С. Заслонова. За мужество и храбрость Максименко награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Кутузова и Отечественной войны, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями.

Выполняя свой священный долг перед Родиной, немало советских чекистов в борьбе с врагами отдали свои жизни. Их имена живут и вечно будут жить в народе.

1 Ю. В. Андропов. Избранные речи и статьи. М.: Политиздат. 1984. — С. 90.

Определенный вклад в победу над врагом внесли и сотрудники Оренбургского областного управления госбезопасности. Оказание всемерной помощи Красной Армии, усиление охраны тыла стало главной их заботой. Свыше ста оперативных сотрудников ушли на фронт — в военную контрразведку, в распоряжение штабов партизанского движения, в отряды специального назначения. Оставшийся личный состав бдительно нес свою суровую службу. В течение военных лет, опираясь на активную помощь трудящихся, партийных и комсомольских организаций, чекисты разоблачали и обезвреживали агентов противника, изменников Родины, пособников фашистских палачей. Дважды они участвовали в ликвидации парашютных десантов — немецких диверсионных групп, которые гитлеровцы пытались забросить в районы, прилегающие к Оренбургской области.

Оренбургские чекисты совершили боевые подвиги и далеко за пределами нашей Родины. В военные годы Иван Васильевич Рябов, находясь во Франции, активно участвовал во французском движении Сопротивления, формировал партизанские отряды из числа русских военнопленных и французских граждан. Отряд, в котором он был заместителем командира, наносил удары по базам и складам горючего гитлеровцев, взрывал железнодорожные коммуникации, вел открытые бои с фашистами. За проявленную храбрость И. В. Рябов награжден орденами и медалями Советского Союза и Французской республики². В жестоких боях с немецко-фашистскими захватчиками пали смертью храбрых многие чекисты Оренбуржья. В их числе И. В. Бзырин, С. Г. Мальгин, Г. В. Перепелица, Н. А. Симонов и другие.

Успешно действовали на фронтах Великой Отечественной войны в составе контрразведывательных подразделений СМЕРШ оренбуржцы А. В. Вострокутов, А. Г. Гуськов, В. М. Жердев, Н. Я. Левин, П. Ф. Половинкин, Я. С. Седых и другие. Возвратись с войны, продолжили борьбу с врагом уже на невидимом фронте И. П. Акимов, В. Д. Авдеев, П. Е. Гусак, Е. Г. Массь, Н. М. Огородников, Ф. И. Полухин, В. Н. Першин, К. А. Смирнов, А. А. Семенов, И. Я. Тарасов, Н. А. Целуйко и другие. За успешную чекистскую работу Е. Г. Массь и Н. М. Огородников удостоены высокого звания «Почетный сотрудник органов госбезопасности СССР».

После победоносного окончания Великой Отечественной войны советский народ, восстановив в короткие сроки разрушенное войной народное хозяйство, осуществляет планы дальнейшего развития экономики и подъема благосостояния советских людей. Однако воинствующие империалистические круги развернули в крупных масштабах антисоветскую деятельность и «холодную войну» против СССР. Они активно использовали монополию США на владение ядерным оружием. Ядерный удар мог обрушиться на нас в любой момент. У Советского Союза не было иного выбора, кроме создания в кратчайший срок ядерного оружия и военной техники. И вновь чекисты были на переднем крае. Ими принимались меры к тому, чтобы исключить внезапность нападения на нашу страну, пресечь попытки противника разведать наш оборонный и экономический потенциал, создать на нашей земле глубоко законспирированное антисоветское подполье, при активной помощи населения ликвидировать бандитские гнезда в западных районах страны, разыскать и обезвредить лиц, помогавших фашистским оккупантам проливать кровь советских граждан во время Великой Отечественной войны. Чекисты с честью справились с заданием партии. Ими были обезврежены сотни вражеских агентов и эмиссаров, добыты важные материалы о планах и замыслах НАТО против СССР. На счету оренбургских чекистов в этот период пресечение разведывательно-подрывных действий разведчиков и агентов западных спецслужб из числа дипломатов, иностранных специалистов, находившихся на шефмонтажных работах на строительстве газоочистительного комплекса, эмиссаров сионистских, клерикальных и других зарубежных подрывных центров. Разысканы и преданы суду скрывавшиеся на территории области особо опасные государственные преступники Гусев, Эккерт-Неведомский, Проничкин и другие.

КПСС и Советское правительство продолжают последовательно проводить курс на ослабление международной напряженности. Однако реакционные империалистические круги не отказываются от планов военного сокрушения социализма. Трудность, с которой правящие классы капиталистического мира приходят к пониманию реальности, объяснима — появилась реальная угроза баснословным прибылям военно-промышленного комплекса. Целенаправленность нашей страны к миру, демократическим ценностям и гуманизму отвечает насущной необходимости. Выступление М. С. Горбачева на 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН — новое тому подтверждение. Призывая мировое сообщество к сотрудничеству, обмену всем тем, что создается каждой нацией самостоятельно, Михаил Сергеевич высказал такую мысль: «В ходе такого обмена пусть каждый доказывает преимущества своего строя, своего образа жизни, своих ценностей — но не только словом и пропагандой, а реальными делами. Это и есть честная борьба идеологий»³. Из лексики политиков исчезают понятия типа «империя зла». Но зарубежная пропаганда продолжает дискредитировать моральные ценности социализма.

«Спецслужбы США, ряда других стран НАТО, — говорил в своем выступлении на XXVII съезде член Политбюро ЦК КПСС В. М. Чебриков, — предпринимают настойчивые попытки компрометации внутренней и внешней политики СССР, осуществления акций, направленных на подрыв советской экономики. Они рвутся к нашим политическим, военным, экономическим и научно-техническим секретам, стремятся проникнуть в государственные учреждения, на важные оборонные объекты и в научно-исследовательские институты. Используя расширение международных связей, империалистические разведки ищут в нашем обществе социальных перерожденцев, политически незрелых и морально разложившихся людей, путем подкупа должностных лиц пытаются получить от них информацию, составляющую государственную или служебную тайну. В последнее время в некоторых министерствах и ведомствах разоблачен ряд агентов империалистических разведок, отщепенцев, продававших иностранным организациям важные служебные секреты. Указанные лица, вставшие на путь совершения государственных преступлений, понесли в соответствии с законом суровое, но справедливое наказание. Такой бесславный конец ждет всех, кто пойдет на предательство интересов Родины»⁴.

Апрельский (1985 года) Пленум ЦК КПСС, XXVII съезд партии ознаменовали начало революционной перестройки во всех сферах советского общества. М. С. Горбачев подчеркивает: «Разумной альтернативы революционной, динамичной перестройке не существует. Альтернатива ей — консервация застоя. От успеха перестройки зависят судьбы социализма, зависят и судьбы мира. Ставка слишком велика. Время диктует нам революционный выбор — и мы его сделали. От перестройки мы не отступим и доведем ее до конца»⁵.

Дальнейшее развитие советской демократии, широкое внедрение в нашу жизнь гласности создали условия для более полного осуществления конституционных прав и свобод советских людей, повысили их общественную активность, усилили

2 См.: *Н. Пронин*. Французские тетради лейтенанта Рябова // *Сб Бойцы сопротивления*. М.: Мол. гв., 1984.

3 *Горбачев М. С.* Выступление в Организации Объединенных Наций. // *Правда*, 1988, 9 декабря.

4 *Правда*, 1986, 1 марта.

5 *Горбачев М. С.* Перестройка и новые мышления для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1987. — С. 55.

стремление принять непосредственное участие в государственных делах. В связи с этим несколько изменилась тактика спецслужб и зарубежных антисоветских центров. В подрывной деятельности против нашей страны слышны призывы отказаться от руководящей роли Коммунистической партии. Западные «советологи» стремятся показать бесперспективность перестройки, доказать, что успех может быть достигнут лишь в том случае, если СССР сойдет с социалистического пути и примет за основу обновления экономические, политические и моральные ценности капитализма.

В этих целях спецслужбы и зарубежные антисоветские центры стремятся устанавливать контакты с негативно настроенными к КПСС и социалистическому строю советскими гражданами, объединять их на антисоветской, антипартийной платформе, склонять к преступным действиям, разжигать национализм.

Особенно пристально они следят за деятельностью возникающих на патриотической основе неформальных объединений и групп, выявляют в их составе экстремистски настроенных лиц и через них пытаются разложить объединения в идеологическом плане. Их устремления все больше концентрируются вокруг перестройки, демократизации и гласности.

Спецслужбы противника и связанные с ними центры идеологической диверсии не оставляют без своего внимания и Оренбургскую область. Отмечены факты провокационных действий в отношении наших жителей, выезжающих в капиталистические страны в качестве туристов, специалистов, по частным делам, попытки получить от них разведывательную информацию, обработать в антисоветском духе. Разведчики, агенты спецслужб, эмиссары зарубежных подрывных центров и организаций используют расширение экономических, научно-технических и культурных связей с нашей страной и для посещения Оренбуржья. Они приезжают к нам в числе дипломатов, специалистов, членов различных делегаций и групп. Не хотелось бы внедрять в сознание наших жителей излишнюю подозрительность и шпиономанию, но факты свидетельствуют о том, что процессы укрепления взаимопонимания идут болезненно, крайне правые делают ставку на сохранение напряженности. И вот некоторые из зарубежных посетителей используют свое пребывание у нас для сбора сведений об оборонном и экономическом потенциале области, об отношении советских людей к деятельности КПСС и правительства, обрабатывают в антисоветском духе собеседников, пытаются найти в них сторонников для привлечения к подрывной работе. Сотрудниками Оренбургского управления КГБ принимаются необходимые меры по своевременному выявлению и пресечению враждебных акций таких «гостей».

Следует особо подчеркнуть, что вся эта работа проводится органами госбезопасности при активном участии советских людей.

Высокая оценка деятельности органов КГБ, данная на XXVII съезде КПСС, обязывает оренбургских чекистов работать в условиях проходящей в стране перестройки еще лучше, полностью используя свой опыт, знания, силы, быть стойкими политическими бойцами, принципиальными и правдивыми, критично оценивать свою работу, постоянно оберегать чистоту своих рядов, строго соблюдать социалистическую законность. Ленинские идеи о необходимости защиты завоеваний революции, о бескомпромиссной борьбе с врагами социализма являются для чекистов тем эталоном, по которому они сверяют свои практические дела. Обеспечивая безопасность Советского государства и общества, они берегут и развивают традиции, заложенные В. И. Лениным и Ф. Э. Дзержинским, в сохранение и развитие которых неоценимый вклад внес Ю. В. Андропов.

В предлагаемом читателю сборнике очерков и рассказов авторы на основе действительно имевших место фактов и событий попытались показать нелегкий труд оренбургских чекистов на протяжении всей истории существования органов госбезопасности, отдававших все свои силы делу защиты завоеваний Великого Октября, делу становления и укрепления Советской власти. В сборнике рассказывается о первых чекистах Оренбуржья: Лобове, Бояршинове, Богородском, Клейменове, — чья деятельность в ЧК пришлась на трудные и суровые годы гражданской войны. Другим оренбургским чекистам пришлось бороться с врагами нашей Родины не только здесь, в своем краю, но и за его пределами. Об этом рассказывают очерки В. Альтова «Именем Республики Советов», И. Борисова «На стратегическом направлении», Г. Саталкина «Поздней осенью в Польше». Несколько рассказов и очерков посвящено большой, кропотливой работе чекистов по розыску предателей, занимавшихся карательной деятельностью на временно оккупированной фашистами советской территории в суровые дни Великой Отечественной войны, обогривших руки кровью своих сограждан. В рассказе В. Лукатина «С двойным дном» показана работа сотрудников Управления КГБ по Оренбургской области в недавние дни. По известным причинам фамилии сотрудников госбезопасности в ряде очерков и рассказов изменены. Цель этого сборника, выходящего вторым изданием, заключается в том, чтобы отдать дань истории нашей страны, частицей которой является Оренбуржье, истории органов госбезопасности, постоянно готовых вступить в борьбу за святое дело защиты завоеваний Великого Октября, социалистического строя, призвать всех людей к сохранению высокой политической бдительности.

В. А. Логунов,
начальник Управления КГБ СССР по Оренбургской области

Г. САТАЛКИН, С. СТЕЦЮК Заговор будет раскрыт

I

— Лобов! Иван! К телефону!

Лобов быстро вышел из комнаты и по коридору прошел к дежурному.

— Иван Федорович? — услышал он хриловатый неторопливый голос члена коллегии ВЧК Фомина. — Быстренько давай ко мне. Да, есть для тебя новость. Какая? Хорошая новость. Ты завтракал? Вот и хорошо, жду.

Что могло случиться? За три месяца работы в Московской ЧК вызовы были всякие — и такие, как сегодня, ранним утром, и по ночам поднимали; с работы приходишь, жуешь отрешенно оставленную тебе пайку хлеба, слушаешь, как гудят от усталости ноги, и вдруг: «Лобов! На выход!..» Но сегодня что-то такое было в голосе Василия Васильевича, что-то скрывалось за обычной его неторопливостью, вот хотя бы это «быстренько» — вырвалось словечко это у него, явно вырвалось. «Быстренько», а говорить стал еще медленнее, а? Что бы все это могло значить?

Через полчаса, соскочив с подножки весело перезванивающего трамвая, Иван Лобов, показав свое удостоверение часовому, почти бегом взбежал по лестнице и постучал в дверь кабинета Фомина.

— Можно?

— Как нельзя? Жду, входи давай.

Василий Васильевич, выйдя из-за стола, крепко пожал руку Ивану, с какой-то особой, тревожной лаской вглядываясь в худое, изжелта-серое лицо своего сотрудника, товарища младшего своего, которого он любил суровой и такой нежной любовью, от которой во сне по ночам глухо болело сердце.

Нет, московский климат явно ему не пошел впрок. В каком году они познакомились? В десятом? Нет, кажется, в двенадцатом, в Оренбурге. Крепкий, быстрый, в сущности, совсем еще мальчишка, но дважды уже привлекавшийся за участие в Иваново-Вознесенской социал-демократической организации. Затем год ссылки в Туркестан, откуда Лобов и попал в этот губернский пыльный, на самом краю Европы, городишко. Да, тогда щеки у него были свежее, губы, как у девушки, припухали... Как быстро, как стремительно летит время!

— Н-ну, выглядишь ты вроде бы вполне, — проговорил Василий Васильевич, отпуская наконец руку Ивана. — Опыта поднабрался, да? Хватка оперативная, кругозор, профессиональная наблюдательность... Мне говорили о тебе товарищи. Рад, Иван Федорович, за тебя. Располагайся, разговор у нас с тобой будет серьезный.

— А говорили — хороший, — улыбнулся совсем как-то по-детски Иван.

— Серьезный и есть, Ваня, хороший. Томить не буду, скажу сразу: тебе нужно возвращаться в Оренбург.

— Когда?

— Сколько тебе надо на сборы?

— Пяти минут хватит.

— Значит, немедленно. Документы твои уже готовы. А теперь слушай внимательно...

Поезд летел на юго-восток. Уголь был плохой, паровоз отчаянно дымил, гудел тонко и пронзительно. Скорее бы Оренбург! Обстановка там назревает крутая, можно сказать, чрезвычайная. После контрреволюционного мятежа белочехов вновь подняла голову дутовщина. Город наводнен вражеской агентурой, дутовскими шпионами, саботажниками, разномастными спекулянтами и просто грабителями и бандитами. Убийства из-за угла, нападения на советские учреждения. Какие люди погибли, какие друзья и товарищи! Уничтожен отряд Персиянова в Илецкой защите, у Изобильной попал в засаду Цвиллинг со своими бойцами. Лобов вспомнил, как они сидели в губернской тюрьме все вместе с Цвиллингом, как объявляли голодовку. Тогда все обошлось благополучно. Ивану удалось бежать из тюрьмы, остальных товарищей освободили наши.

Нет, прав Фомин: борьба ужесточается, принимает все более изощренные формы, и в Оренбурге оказались не готовы к изменившейся обстановке. Полгода тому, назначенный комиссаром военно-народной охраны, он издал приказ, в котором говорилось об упразднении старой городской милиции. Вместо нее при военно-народной охране был создан отдел уголовной разведки, преобразованный впоследствии в отдел уголовного розыска. Вопрос об укреплении органов по борьбе с контрреволюцией и бандитизмом никогда не сходил с повестки дня. Сегодня он приобрел особую остроту.

Об этом свидетельствуют материалы специального заседания губисполкома в мае 1918 года, которое рассмотрело мероприятия, направленные на предотвращение готовящегося переворота в городе. Было прямо сказано, что постановка разведывательной и контрразведывательной работы не соответствует военному положению, на котором фактически находился город, да и вся Оренбургская губерния.

В отдел контрразведки, созданный при военно-революционном штабе, привлекались сотрудники без достаточной проверки. Чего только стоит случай с Матвеевым, который оказался дутовским агентом. Допускались случаи грубого нарушения революционной законности, самоуправления. Да, отдел контрразведки не решал сложнейших на него задач. Дело дошло до того, что в частях Красной Армии допускается преступная провокационная агитация, «ведущаяся врагами народа с целью подрыва в войсках революционной дисциплины».

Выходя на станциях из душного вагона, покупая на станционных базарчиках кое-какие харчишки, Лобов все думал и думал о предстоящей работе, о том, что нужно реорганизовать штаб по борьбе с контрреволюцией и ее

отдел контрразведки. Нужны более жесткие организационные формы, нужен порядок, строжайшая дисциплина. Ведь это же курам, а точнее, врагам, на смех: сам комиссар штаба Самойлов участвует в патрулировании города! Нет, так больше нельзя. Нужны профессионалы, а не дилетанты. Хватит и мягкотелости, хватит под честное слово отпускать на волю своих врагов.

Вот уже и Волга, за нею распахнулись бескрайние, всхолмленные слегка оренбургские степи. Дорога заканчивалась, заканчивалось время размышлений, анализ своей трехмесячной работы в Московской ЧК. С какими замечательными товарищами свела там его судьба!

II

1 июня 1918 года на базе штаба по борьбе с контрреволюцией и отдела контрразведки была образована Оренбургская губернская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. Возглавил ее Иван Лобов, и было ему в ту пору двадцать шесть лет.

Иван Федорович хорошо знал город. Впервые он сюда приехал, отбыв ссылку в Туркестане, в одиннадцатом году. Здесь, после очередного разгрома охранкой, налаживалась работа местной группы РСДРП. Заметную роль в возрождении организации играл политический ссыльный Василий Васильевич Фомин, — вот еще откуда пошла их дружба!

Первое время он еще часто вспоминал те удивительные дни, когда он устроился работать приказчиком в мануфактурный магазин, а все свои вечера, частенько даже и ночи, отдавал партийной работе. Последующие события, оперативная работа, которой он посвящал всего себя без остатка, отодвинули эти воспоминания в самый далекий уголок его души. Полузабытые, а то и вовсе забытые, они все-таки продолжали невидимыми родничками питать его, придавать ему силы.

Возглавив губчека, Иван Федорович попытался нарисовать себе общую картину контрреволюционного подполья в Оренбурге. Для этого он потребовал себе все имеющиеся материалы, которые накопились в штабе по борьбе с контрреволюцией, следственной комиссии ревтрибунала, а также в военно-революционном штабе. Нередко он сам выходил на городской рынок, на Зеленый базар, на привокзальную площадь, смотрел, слушал, вступал в обычные разговоры. Он и своих сотрудников учил слушать, наблюдать, делать безошибочные выводы с помощью совершенно обыденных каких-то мелочей, невзначай оброненного слова, походки, выражения глаз...

Ему нужно было ощутить живое, разнообразное дыхание города. В каком бы глубоком подполье ни находилась контрреволюция, сколь бы ни были опытны дутовские эмиссары, они обязательно должны оставить след «на поверхности». Тем более, если это подполье активизируется. Тут неурочный скрип двери, мелькнувшая в преддверии сумраке серая тень могут сказать очень многое.

О том, что подполье активизируется, говорили и другие факты. По городу поползли дикие, совершенно провокационные слухи, но обыватель им охотно верил. На заборах, в лавках, магазинах, на стенах домов, где размещались советские учреждения, стали появляться антисоветские листовки и воззвания. Одну такую листовку Иван Федорович содрал со стены, идя утром на работу в губчека. Он кожей, всем своим существом ощущал приближение грозы.

— Мы должны себе сегодня задать вопрос, — говорил на оперативке Иван Федорович, — и получить на него максимально точный ответ. Суть вопроса в следующем: нам известно, что в городе имеется белогвардейское подполье. Нами приведена в порядок патрульная служба, мы стали больше арестовывать вражеских агентов, дутовских разведчиков, связанных и других лиц, работающих на контрреволюцию. Разрозненный зачастую прежде саботаж принял в последнее время целенаправленный характер. Дальше. Мы имеем множество побочных, косвенных примет, деталей, признаков усиления белого подполья: слухи, толки, листовки, активизация уголовного элемента. Все это нам говорит: подполье готовится к выступлению. На основании этого мы можем также сделать заключение о том, что и дутовские войска склонны к решительным действиям. Когда? — вот в чем для нас с вами суть вопроса. Чтобы ответить на него, мы должны нанести по подполью упреждающий удар.

Но времени на подготовку хорошо продуманной и организованной операции жизнь чекистам не отпустила. События нарастали стремительно. Началось все с вполне ординарного, может быть, даже и случайного ареста. Неподалеку от базара был задержан невзрачный на вид мужичишка. («Уж больно он высматривал кого-то», — так потом объяснял причину внимания к нему сотрудник губчека.) Документов у него не оказалось. Назвался Семеновым, Иваном Лукичом, проживающим якобы неподалеку от Оренбурга, в деревне Сергиевке. Но на допросе он назвал другую деревню, перепутал отчество. На самом деле это был связник. Шел он в Александровскую больницу на связь с фельдшером Червяковым.

В это же время в губчека поступило анонимное письмо, в котором говорилось о том, что на квартире доктора Крыловича по вечерам собираются какие-то подозрительные люди — не пьют, песен не поют, женщин не приводят. За квартирой доктора было установлено наблюдение. И оно дало неожиданные, прямо-таки ошеломляющие результаты. Совершенно отчетливо, во-первых, проявилась связь между Крыловичем и братьями Червяковыми («Семенов» о втором Червякове ничего не знал). Во-вторых, у доктора оказалось подозрительно много пациентов. Их взяли «на поводок», и они привели к другим явочным и конспиративным квартирам. Особенно много этих гнезд оказалось в Форштадте, казачьей окраине города.

Между этими центрами подполья шла интенсивнейшая связь: приходили какие-то подозрительные люди, под гражданской одеждой которых угадывалась строевая выправка, приезжали подводы — то с сеном, то с дровами...

В губчека принимается решение: удар наносить немедленно. Силами чекистов тут не обойтись. К операции следует привлечь военно-народную охрану, бойцов Челябинского отряда и личный состав Первого Уральского полка.

В ночь на 17 июня операция началась.

...Ночь была теплой, пасмурной. Сирень в этом году зацвела поздно — в мае долго держались холода. В темноте грозди цветов казались дымом — тонким, пепельным, одуряющим. Где-то неподалеку страстно, самозабвенно бил, выводил свои трели соловей. Иван Федорович, переложив наган в боковой карман пиджака, тихонько отворил калитку, вслушался в тишину и, уже не таясь, озабоченной деловой походкой направился к крыльцу докторской квартиры. Сначала он дважды дернул за ручку звонка и только потом, через несколько секунд, три раза стукнул костяшками пальцев по двери.

— Кто там? — раздался настороженный негромкий голос. Свет в комнатах не зажигали, окна были темны.

— Я от Червякова, Валериана, — так же тихо сказал Иван Федорович. — Откройте, доктор.

Человек, стоявший за дверью, затаился. Тогда Лобов сказал:

— У моей жены высокая температура...

Должен был последовать вопрос: «Какая?», на что Лобов должен был ответить: «Тридцать восемь и три», но за дверью продолжали молчать, тишина наступила какая-то провальная, даже соловей почему-то перестал выводить свои трели, и в груди у Ивана Федоровича похолодело.

— Я понимаю, — быстрой офицерской раздраженной скороговоркой проговорил он, — пароль на эту ночь сменили. И, как всегда (это он уже наобум), у нас не потрудились поставить в известность всех, это ч-черт знает что такое! Прошу вас в таком случае завтра к десяти утра — и чтобы без опозданий! — быть у Никифора Семенищева.

Лобов (опять наугад, на арапа — его уже, что называется, несло) назвал фамилию хозяина форштадтского подворья, вокруг которого особенно густо вилась всякая подозрительная «мошкара».

— Что вам угодно? — наконец глухо проговорили по ту сторону двери.

— Болваны! — бешеным шепотом закричал Лобов. — К-конспираторы! Вы держите меня на крыльце черт знает сколько! Рискуете сами и меня подвергаете страшному риску!..

Сердце страшно колотилось, в горле от доцветающей, тленной сирени першило, откуда-то из глубины груди поднимался кашель, и он не выдержал, закашлял глухо, мучительно и сквозь приступы его услышал, как щелкнул английский замок и хрустнула дверная цепочка. Дверь отворилась.

— Входите же... быстрее, — услышал он недовольный голос. — С кем имею честь?

Шагнув в пахнущую лекарствами темную прихожую, Лобов, подавляя кашель, тихо сказал:

— Председатель губчека Лобов... Ваш дом, Крылович, окружен. Так что давайте без шума и без паники. Посторонние в доме есть?

В открытые двери уже бесшумно входили чекисты.

Крыловичу был предъявлен ордер на обыск и арест, привели понятых. У хозяина квартиры долго был такой вид, будто его только что оторвали от сладкого сна и он никак не может понять, что вокруг него происходит. Жена Крыловича, кутаясь в шаль, оцепенело смотрела на абажур подвесной керосиновой лампы. Лицо ее казалось зеленым.

Обыск провели быстро и тщательно. В тайнике обнаружили списки части заговорщиков, адреса неизвестных чекистам явочных квартир. Тотчас же по ним были отправлены группы захвата. К утру в губчека стали стекаться сведения о проведенной в эту ночь операции. Обыски и аресты провели по всему городу, в том числе и у братьев Червяковых. Особенно богатый «улов» дал Форштадт: арестовано свыше сорока человек, изъята переписка с дутовским и другими белогвардейскими центрами страны, обнаружено офицерское снаряжение, около шестидесяти винтовок, личное оружие, шашки, гранаты, взрывчатка и другие боеприпасы.

В эту ночь и потом весь день Иван Федорович так и не сумел выкроить несколько часов для сна. Началось следствие, шли допросы, вырисовывалась картина белогвардейского, белоказачьего подполья в Оренбурге.

Контрреволюционная организация стала сколачиваться в первые же дни установления Советской власти в городе. Основным поставщиком «кадров» было белогвардейское офицерство. Бывшие профессиональные военные бывшей царской армии так и называли себя — «организация господ офицеров Оренбурга». Вербовка велась интенсивно; новобранцев принимали из числа тех, кто укрывался, оставшись в городе; пополнение шло прямоком из частей дутовских и других белогвардейских армий.

Вот одно из свидетельств. Допрашивался штабс-капитан Крашенинников.

— Когда вы прибыли в Оренбург? С какой целью?

— В Оренбург я прибыл в начале февраля 1918 года. Мне поручено установить связи с офицерскими организациями, мы знали, их в городе немало.

— Кто вам давал такое поручение?

— Задание мне дал бывший командир корпуса генерал Келлер. Одну из офицерских организаций я нашел довольно-таки быстро. В городе у меня были товарищи, давние мои знакомые, офицеры, — бывшие теперь, конечно, — братья Костелевы. В соответствии с инструкциями, полученными мною, мы установили контакты с другими группами, координировали наши действия, вовлекали в нашу работу проверенных, надежных людей...

Следственные материалы показали, что в городе складывалась благоприятная обстановка для проникновения и укрытия белогвардейцев. Этому способствовали родственные связи форштадтских казаков с дутовскими белоказаками, плохо поставленная до сих пор контрразведка, недостатки в службе патрулирования, проверки и

установления подозреваемых личностей. Несомненно, все это было на руку врагу.

Использовали дутовцы и такой прием. Под видом раскаявшихся в Оренбург вернулась целая группа казаков. Они заявили о своей приверженности Советской власти. Возглавлял эту группу Никифор Семенищев, у которого в пригороде был свой дом.

Кроме офицеров и белоказаков в подполье входили различные чиновники, представители карательных органов, бывшей царской охранки, буржуазная интеллигенция. Кроме того, монархисты, кадеты, правые эсеры и прочие «социалисты» — всех их объединила лютая ненависть к Советской власти. У правых эсеров, например, боевая группа насчитывала около 50 человек.

— Словом, — подвел на одном из оперативных совещаний предварительные итоги Лобов, — контрреволюционная организация в нашем городе создала вполне дееспособную боевую структуру, хорошо продуманный план действий, запасы оружия, отлаженную связь с дутовскими подразделениями. Из всего этого нам нужно извлечь и хорошенько запомнить урок, который состоит, пожалуй, не столько в том, чтобы «взять» подполье накануне его выступления, сколько в том, чтобы не дать возможности ему организовать, сплотиться, окрепнуть.

Суровое было время, беспощадное. Гражданская война разгоралась. Работать приходилось на износ, сутками. Кашель все больше и больше одолевал Ивана Федоровича, появилось кровохарканье. Для того, чтобы поправить как-то здоровье, его направляют в Ташкент. Но и здесь было не до себя. Чуть-чуть подлечившись, Лобов активно включился в формирование и организацию Туркестанской ЧК. Принимает он непосредственное участие в раскрытии заговора английского разведчика Бейли и в подавлении эсеровского мятежа Осипова. После чего Лобов направляется для чекистской работы в подразделения Красной Армии. Он становится начальником особого отдела Ташкентской группы войск, а затем начальником особого отдела Актюбинского фронта.

Здесь под его руководством и при непосредственном участии проводится ликвидация опаснейшей авантюры бывшего командующего фронтом эсера Колузаева. Он был снят за развал фронта, но не подчинился решению Военно-революционного совета республики, нового командующего фронтом признать отказался, колузаевцы стали проводить провокационную работу в армейских частях. При аресте и разоружении мятежников Лобов едва не был зарублен, только выдержка, хладнокровие и немалый уже опыт оперативной работы помогли Ивану Федоровичу избежать смертельного исхода.

В непрерывной работе, в открытых сражениях, в стремительных схватках с затаившимся врагом, готовым из-за угла нанести удар в спину, в ночных анализах событий, ситуаций, следственных материалов промелькнуло лето. Сил порою уже не хватало. Он держал себя только железной своей волей, спешил сделать для революции, для победы Советской власти как можно больше.

К осени 1919 года получен новый приказ, из которого следовало, что И. Ф. Лобов переводится в Оренбург на работу в особый отдел при РВС Первой армии. Горячо, энергично, умно берется он за дело на новом месте. Но силы его тают. Товарищи с беспокойством и тревогой следят за состоянием его здоровья.

Тревожные вести о самочувствии Ивана Федоровича долетают и до Москвы. Василий Васильевич Фомин обратился с письмом к начальнику особого отдела Первой армии Чибисову: «Он очень равнодушный к себе человек. Работать ему ни в коем случае нельзя. Я его хорошо знаю с 1912 года по тюрьме. Для нашей партии он человек безусловно дорогой и нужный».

Лобову был предоставлен отпуск, оказана материальная помощь, но туберкулез легких продолжал прогрессировать. Он еще работает. Побывал с докладами о событиях в Ташкенте и на Актюбинском фронте в Москве, в ВЧК. Он еще бодрится, держит себя в руках. Но возвратился в Оренбург уже по сути дела безнадежно больным человеком.

17 января был день его рождения, а 19 февраля, прожив еще чуть больше месяца, он умер.

И было Ивану Федоровичу Лобову 28 лет.

Всю свою короткую, яркую жизнь он отдал революции.

М. НОВОХАТСКИЙ

Из записок чекиста

Всматриваюсь в фотокарточку Клейменова и ловлю себя на мысли, что уже видел этот пронзительный взгляд, щеголеватые ухоженные усы, лихо подкрученные вверх. Он очень похож на Чапаева. Ну вот, теперь вспомнил. Тогда, в 1934 году, в здании совпартшколы на улице Ленина, нас, босоногих огольцов, много набивалось в небольшом зале, где по воскресным дням слушателям показывали фильмы. Малышей пропускали сюда бесплатно, но с условием, что мы не будем занимать стулья и скамейки и, главное, свистеть и кричать. Именно в этом зале я впервые увидел кинофильм о Чапаеве. Рассказывать о том, с каким чувством все мы, и взрослые и дети, выходили из зала на улицу, не буду. Словами эти чувства не передать.

А на следующий день мы с Витькой Логиновым под крыльцом дома Трофимовых занялись любимым делом: просмотром стеклянных фотопластинок, которых тут было несметное количество. Михаил Михайлович Трофимов был известным в Оренбурге фотографом. По непонятным нам с Витькой причинам использованные пластинки фотограф не выбрасывал, а складывал под крыльцо, между полом веранды, стоящей на столбиках, и землей. За десятки лет этих пластинок накопилось видимо-невидимо, многие из них были поколоты, от других фотослой отстал и легко шелушился под нашими пальцами.

Витька, мой закадычный дружок, тайно надеялся найти негатив своего отца — начальника штаба 1-й

Оренбургской дивизии, умершего год назад от туберкулеза и многочисленных ран, полученных в боях за Оренбург. Мне же было просто интересно рассматривать пластинки, где, как я знал от других, черное на фотографии выглядит белым. И вот на одной из них я увидел Клейменова. Нет, тогда я был глубоко убежден, что это Чапаев, и доказывал Витьке, что Василий Иванович мог свободно приехать в Оренбург и сняться у Трофимова. Меня тогда уже поразил строгий взгляд, направленный на мое левое плечо, будто он — Чапаев-Клейменов — видел что-то очень важное за ним. Но больше всего запомнилась шинель, из-под которой виднелась еще одна, такая же толстая и серая.

— Это чтобы не прорубила беляцкая шашка, — убежденно сказал Витька. Я ему поверил.

Теперь-то я точно знаю, что тогда на фотопластинке видел Дмитрия Ивановича Клейменова, отважного комиссара и чекиста.

Удивительными бывают переплетения жизненных путей. В этом я еще раз убедился, будучи в командировке в Красногвардейском районе. Я собирал материал для радиопередачи об обманутых людях, уехавших в Западную Германию за жар-птицей, а теперь в письмах к родственникам оплакивающих свою судьбу. Бывший колхозный бухгалтер, а ныне пенсионер Петр Карлович Н., с горечью пересказывал мне письмо своей сестры, поверившей сладкоречивым западногерманским радиоголосам, а теперь умоляющей брата помочь ей вернуться на Родину.

Рассказывая о мытарствах своей сестры, Петр Карлович сокрушенно закончил: «Вы не представляете себе, как мне стыдно односельчанам в глаза смотреть. Будто не Анна, а я предал нашего отца и дядю, отдавших жизнь за революцию, за Советскую власть в Оренбуржье». У меня почему-то невольно вырвалось:

— А ваш отец не с Дмитрием Клейменовым вместе воевал?..

— Да, — удивленно ответил мой собеседник, — а вы откуда его знаете?

— Но он же из Ивановки. Волость-то одна.

Петр Карлович посмотрел на меня испытующе, а затем сказал:

— Вы знаете, у меня есть тетрадь с воспоминаниями моего дяди Якова. В ней немало написано о Клейменове и других оренбургских чекистах. Эта тетрадь — наша семейная реликвия, мы ее очень бережем, но, честно говоря, не убеждены, что в ней все правда. Дело в том, что дядя Яков был человек с буйной фантазией.

Стоит ли говорить о том, что через несколько минут я уже держал в руках сшитую из разрозненных, порой разного формата листов, довольно прилично сохранившуюся тетрадь, на титульном листе которой каллиграфическим почерком было выведено: «Из записок чекиста».

Воспоминания Якова мною были прочитаны залпом здесь же, в горнице дома Петра Карловича. И тогда уже меня поразила дотошная педантичность автора в указании дат, фамилий, улиц. Здесь же были ссылки на официальные документы, протоколы заседаний губернской ЧК. Обвинения Якова в буйной фантазии были явно необоснованны.

Да, хорошо, что есть еще люди, которые бережно относятся к семейным реликвиям. Эти альбомы, дневники, памятные вещи помогают хоть в малой доле восстановить давно ушедшее время. Сколько бесценно дорогого уходит в небытие из-за нашего незнания, равнодушия, нелюбопытства! А ведь в этих свидетельствах прошлого заключена огромная воспитательная сила.

Двадцатые годы. У кого из современников не дрогнет сердце от прикосновения к событиям героическим и романтическим. Молодая республика защищает себя от бесчисленных врагов, смело ломает старую государственную машину, старую классовую мораль и провозглашает новые ценности.

Впрочем, это для нас далекие годы кажутся романтическими, а для участников они были тяжелыми и голодными. Следы разрухи и запущения были видны всюду. Губернский город Оренбург, как и Орск, и Бугуруслан, жил тревожно, в ожидании предстоящих перемен. Среди обывателей ползли слухи о новом наступлении Дутова, о зверствах карательного отряда прапорщика Сальникова, об антисоветском перевороте Сапожкова в Бузулуке... Каждый уезд имел своего атамана. Порой в банде насчитывалось с десятков головорезов, никакой идейной платформы у них не было. Было желание пограбить. И грабили, и убивали.

Неспокойно было в казачьих селах. Большинство казаков, которые не ушли с Дутовым, считали, что Советская власть должна оставить за ними прежние привилегии. Казачьи земли, лесные угодья — неделимы. Кацапам, то есть пришлым, неказакам, здесь ничего принадлежать не может.

А тут еще неурожай. В 1921 году собрали всего по 60 килограммов с десятины. Где голод, там тиф, туберкулез, беспризорщина.

В Оренбургском губкоме партии приходилось оперативно решать многие проблемы. Однако из сотни больших и малых дел главным было укрепление Советской власти на местах, защита Оренбуржья от классового врага. Губком партии стягивал в Оренбург наиболее зрелых коммунистов, имеющих опыт организаторской работы. Из Шарлыкского района был отозван командир отряда ЧОН Клейменов.

Май. 1921 год

(Из записок Якова Н.)

Май в наших краях — лучший месяц. Сочная зелень радует глаз, всюду буйство красок от соцветий сирени, шиповника, черемухи. Но такого, как этот, я не помню. Печет, как в июле, южный горячий ветер гонит пыль. Старики говорят, что таким был май в голодном 1911 году.

Ко всем несчастьям, председатель волисполкома приказал мне встречать на станции все поезда и не разрешать снимать с них тифозных больных. Пусть везут в Оренбург или Бузулук: там им могут помочь, а у нас один исход —

в ящик. Как не огнекивался, вручили три мотка выстиранных бинтов, немного корпии и бумажный фунтик хины. Тоска и только. От невеселых дум отвлек станционный колокол: прибывал со стороны Сорочинска состав теплушек. Из первой на ходу выскочил коротконогий красноармеец и, увидев мою повязку, требовательно крикнул:

— Врача надо! Командир наш занедужил. Может, тиф или другая какая зараза.

Я объяснил красноармейцу положение дел на станции, а сам тем временем решил посмотреть на больного. И кого, вы думаете, я увидел? Димку Клейменова, геройского нашего друга. Лежал он иссиня-мраморный — под кучей шинелей, глаза закрыты, скрипит зубами, а сам трясется.

— Вчера был в форме, смеялся, — рассказывал красноармеец, — а сегодня, видишь, как разрисовало, не иначе, тиф.

— Сам ты тиф, — возразил я. — Не видишь, что ли, лихоманка трясет его.

— Откуда ты так точно знаешь? — обрадовался коротконогий.

— От верблюда. Командир ваш — Клейменов Дмитрий, ивановский он. С ним мы вместе от дутовцев в восемнадцатом прятались. Вот с тех пор и мается он этой лихоманкой, — сказал я. И, пока окружившие нас красноармейцы приходили в себя от удивления, достал хину и отсыпал из фунтика на спичечный коробок.

— С водкой ее пользительнее принимать, — сказал кто-то с уважением.

Я согласился. И через несколько минут тесаком разжали Димкину челюсть и влили ему нашу суспензию. Смотрю, глаза не открывает, а кадык ходит — значит, нормально.

Вот так и уехал с Клейменовым в Оренбург и стал сотрудником губЧК. Не скажу, что мне поручали ответственные операции, но и не без пользы для дела революции находился там.

Аппарат ЧК был небольшой, а дел невпроворот. Особо беспокоило нас наличие контры в городе. Были случаи, когда ночью стреляли в патрулей, в окна губкома партии и даже нашей ЧК. Вот в те беспокойные дни и произошла накладка, в которой, кроме меня, виноватых не было. Мог попасть и под трибунал, да Клейменов заступился. А дело было так. Писал я протокол допроса, который проводил Клейменов с задержанным на рынке последышем Елатомцева — Сергеем. Чтобы было понятно, расскажу о нем поподробнее. В 1917 году по ранению Дмитрий вернулся в Ивановку. А тут самая горячая пора выборов в Учредительное собрание. Местные богатеи своих делегатов хотят протолкнуть, ходят по дворам и уговаривают, а где и грозят крестьянам, чтобы голосовали за их избранников. Но не тут-то было. Клейменов, мой брат Карл и еще несколько фронтовиков такую агитацию повели среди односельчан, что нашим богатеям пришлось исходить злобной пеной. Слух даже пустили, что Клейменов получил от большевиков взятку в двадцать миллионов. Не помогло. Народ за Димкой пошел, а в восемнадцатом избрал его председателем волисполкома.

В июне восемнадцатого пошли дожди. Что может быть радостнее события для нашего оренбургского хлебопашца?! Все по селу ходят радостные, друг друга табачком угощают. А тут под утро в Ивановку ворвались наметом дутовцы. За главного у них прапорщик Сальников. Молодой, а кровопиец из кровопийцев. Чуть что — шашкой так и полоснет человека. По его приказу в этот день перед зданием волисполкома расстреляли 14 башкир, которых пригнали из Старо-Юлдашева.

Схватили дутовцы и Димку Клейменова. Заталкивая нашего председателя в амбар, хозяином которого был церковный староста, рыжий есаул пригрозил:

— Не бойсь. К вечеру догонишь краснопузых башкир.

Крутившиеся при этом разговоре деревенские мальчишки тотчас разнесли страшную весть по домам. Село забурило, и все ивановцы двинулись к дому, где остановился Сальников. Тот не заставил себя ждать: вышел осоловелый от водки на крыльцо, а с ним хуторянин Елатомцев, известный в крае скупщик хлеба.

— Чего базарите, чего спокойно отдохнуть не дадите защитникам нашим?! — зло закричал Елатомцев. — Вишь, кого нашли защищать!

— Ты не шуми на нас, Иван Сергеевич, не пужай, — шагнул из затихшей толпы дед Афанасий, человек степенный, уважаемый. — Скажу тебе и господину атаману только одно: Клейменов — человек честный, на селе нет на него обиженных. Расстреляете его, в Ивановке вам делать будет нечего.

— Правильно! — закричали в толпе.

И вот тут-то произошло самое загадочное. До сих пор не знают ивановцы, что заклинило в пьяной башке кровопийцы Сальникова. Он уперся руками в перила крыльца и заплетающимся языком спросил:

— Это что, так думают все? Народ весь?

— Да, да!! — зашумела толпа.

— Ну, хорошо, — заключил Сальников, — отпустим мы вашего Клейменова, — тяжело развернулся и шагнул в избу.

Потом к вечеру, когда отрезвел Сальников и спохватился, дутовские казаки зашастали по домам, искали нашего председателя, но найти его было непросто. Так и уехал Сальников со своими головорезами не солоно хлебавши.

Вот теперь вы знаете, кто такой Елатомцев. А младший сын его Сергей был гаденыш из гаденышей. Весь в отца своего.

Веду, значит, я протокол, а тут Дмитрия Ивановича председатель губЧК вызывает к себе.

— Я мигом, — бросил мне Клейменов и стремительно, как всегда ходил, вышел из кабинета.

Описывать подробно всю гадость, которая произошла за эти пять минут, у меня нет желания. Такого позора я никогда раньше не переживал. Словом, сбежал от меня Елатомцев. До сих пор понять не могу, почему решил дать ему закурить? Вот и дал. Он меня в брюхо как саданул кулаком, я так и согнулся: ни вздохнуть, ни выдохнуть. А он

в окно — и как не было. Часовой говорит, никого не видел, да и прохожие, кого удалось спросить, тоже руками разводят.

Отстранили меня от оперативной работы. Вот в эти дни бездействия, когда пришлось наводить порядок в документах нашей комиссии, и узнал я о настоящих чекистах. Об Авдееве, например. В январе 1922 года из Самарской губернии прорвались к нам потрепанные в боях остатки одной банды. Сабель восемьдесят насчитывалось. А возглавлял их бывший старший унтер-офицер Серов. Тот самый, который поддержал Сапожкова в Бузулуке. Ничего не скажешь, отчаянный рубака. Рассказывают, силы необыкновенной, ловкий, как черт. Свободно один против пятерых отбивался. Сам он из наших оренбургских краев. Знал, что прошлогодний голод пошатнул многих в сознании, породил недовольство, особенно среди казаков. Вот и надеялся пополнить свою банду за счет недовольных и тех, кто временно попрятался от Советской власти. Крупных сел, где ему отпор могли дать, Серов избегал, а обычно на рассвете врвался с криком и пальбой в маленькие хутора и станицы и начинал разбой. Всех, кто, на его взгляд, мог симпатизировать Советской власти, тут же расстреливал, дома их грабил, а затем сжигал.

Вред банда Серова наносила большой, а главное, была неуловима. Чуть что, уходила в казахские степи и там в известных только Серову припойменных зарослях Большой Хобды отсиживалась неделями. А затем вновь разбойничала.

Вопрос о поимке Серова был поставлен на губисполкоме, и там поручили ЧК в месячный срок покончить с бандой. Для ликвидации Серова выделили чоновцев и часть регулярных войск.

Вот тут в ЧК и была разработана операция по засылке в банду чекистов, под видом бежавших от преследований Советской власти кулаков и недовольных казаков. Нужно было узнать, где отлеживается банда, кто ей тайно помогает, каким вооружением она располагает. С заданием блестяще справился чекист Авдеев...

Тут автор вынужден прервать запись Якова. Это отступление необходимо. Во-первых, все факты, о которых говорилось выше, автором проверялись по немногочисленным архивным документам. Они скупы, лаконичны. Даты, фамилии и бесстрастно описанные события. В частности, о чекисте Авдееве, к сожалению, не названном по имени. О нем записано буквально следующее: «Чекист Авдеев имел при себе документы за «подписью Серова». Собрал полные сведения о банде и доставил их в губЧК. Они использовались при планировании операций против банды».

Теперь, спустя многие десятилетия, мы можем только предполагать, как внедрялся Авдеев в банду, как узнавал все, доставил данные в Оренбург.

Мы сегодня, начитавшись современных детективов, порой свысока судим о наших теперь уже далеких предшественниках. Нам кажется, перенеси нас во времена революции или гражданской войны, мы потрясли бы всех своими знаниями, умением распутывать самые хитросплетенные тайны. Увы, наши деды обладали не менее острым умом, чем мы. Количество знаний не заменит природного ума, сметки. Вот почему, дорогие читатели, надо отбросить нашу снисходительность по отношению к тем, кто разработал и осуществил операцию по внедрению контрразведчика в банду. Чекисту Авдееву, безусловно, пришлось проявить выдержку, смелость, умение проникнуть в психологию врага. Следует напомнить, что перед Авдеевым была поставлена задача не просто собрать данные, но и вести разложеческую работу среди членов банды.

Еще несколько строк из архивной справки:

«В феврале банда из села Уил была выбита и отступила в направлении Акбулака и Соль-Илецка. На путях отхода банды командование войск ВЧК расположило сводный отряд курсантов Оренбургских 18-й пехотной и 3-й кавалерийской школ (командир отряда товарищ Ковалевский, комиссар Алексеев). По линии железной дороги были созданы заслоны из частей ВЧК и отрядов ЧОНа. 10 марта 1922 года под селом Краснояр произошел бой. Бандиты предприняли ряд конных и пеших атак, но с большими потерями отступили. Потерпев поражение, банда стала уклоняться от боев с войсками, появлялась группами в станицах, грабила и уничтожала все живое».

Враг, как видим, был изворотлив и коварен, с ним расправиться было непросто. Вот почему руководством губЧК было вновь принято решение о внедрении в банду целой группы опытных чекистов. В их числе были: Петр Авксентьевич Ткачук, уроженец села Карагай-Покровка Кувандыкского района, Николай Терентьевич Иванов, коренной оренбуржец, проживав с семьей на 3-й Буранной улице на Аренде, Иосиф Ефимович Перевезенцев, родиной которого был Мелеуз в Башкирии, Ефим Филиппович Пятых, бывший доброволец 1-й Конной армии Семена Буденного, выходец из Тамбовской губернии. Эту группу возглавил известный нам Дмитрий Иванович Клейменов.

Вот они, двадцатипяти-тридцатилетние, смотрят на меня с фотографии.

У Николая Иванова открытое ясное лицо.

Красив нервически-тонкими чертами лица Петр Ткачук. А какие у него черные брови и буйный чуб!

Умное лицо у Иосифа Перевезенцева. Рот упрямо сжат, твердый взгляд из-под кустистых бровей. Чувствуется, человек сильный, волевой.

Ефим Пятых своим видом выбивается из этой пятерки. Широко открытые глаза, симпатичная ямочка на подбородке, тонкая шея. Вроде бы он болен чем-то. И, действительно, из справки узнаем, что в губЧК он был направлен из госпиталя, где лечился после ранения. Он единственный из группы не имел опыта чекистской работы.

Впрочем, пора вернуться к воспоминаниям человека, рассказывающего о последних днях жизни славной пятерки.

Март. 1922 год

Революций без жертв не бывает. Это я знаю. Но почему погибают самые лучшие? Самые смелые и преданные? Может, потому, что они не заботятся о своей жизни, как другие?

Рассказывать о гибели Дмитрия мне тяжело и больно. Усугубляет это моя вина. Не упусти я Сергея Елатомцева, неизвестно, как все бы обошлось. Однако все по порядку.

Готовили мы группу Клейменова основательно. Каждому придумали новую биографию, заготовили документы. Из реквизируемого у купцов имущества подготовили целый обоз будто награбленного в ходе боев барахла. Всех вооружили до зубов, вплоть до пулемета. В ночь тайно группа ускакала в сторону Соль-Илецка.

Николай Иванов, а ему уже не раз приходилось участвовать в ликвидации контрреволюционной сволочи, при прощании сказал, что Серова искать будут на границе с Хобдинской волостью. Там уже не раз банда отсиживалась. Как только встретятся, постараются войти в доверие, а там война план покажет.

Уехали. Обида стала жечь, почему меня не включили в группу? Дмитрий до отъезда говорил, что акцент у меня, за версту видно, что я нерусский. На латыша смахиваю, а с ними у бандитов суд короткий — в распыл.

Я возражал, говорил, что и латыши белые бывают. Дмитрий согласился: бывают, говорит, но редко. Рисковать в их положении нельзя. И он по секрету высказал свое опасение, что даже за Ефима беспокоится. Тамбовский он, наши обычаи плохо знает. Вот Перевезенцев, хотя и в Башкирии родился, но в нашей губернии долго жил. Защищал Оренбург от дутовцев, вел борьбу с врагами революции в Петровской волости, а затем был переведен на работу в качестве уполномоченного губЧК. Ну а что говорить об Иванове и Ткачуке — это ребята, оренбургские. Проверенные чекистской работой.

Многое предвидел Дмитрий, да не все. Знать бы, что так все повернется, то и мое присутствие не помешало бы.

А получилось все приблизительно так. Почему приблизительно? А потому что восстанавливаю картину гибели группы по рассказу жителей аула и по допросам Серова.

В середине марта установились солнечные дни. Запахло весной. Сурчины оголились от снега и ощетинились зеленью. Ехать по степи было тяжело. Лишь на вторые сутки вышли к аулу на берег Хобды повыше казахского села Жиренкуп. Здесь и решили спешиться и отдохнуть.

Немногочисленное население аула притаилось в ожидании очередного грабежа и насилия. Как узнал Ткачук, хорошо говоривший по-казахски, небольшой отряд серовцев дня три назад был здесь и забрал с десятков овец и двух седловых коней.

Из отдельных реплик и недомолвок Ткачук сделал вывод, что жители аула, посчитав чекистов за бандитов, ждали новых поборов.

Перед группой Клейменова стояла точная задача: встретиться с отрядом Серова и, выдав себя за самостийную банду, влиться в ряды бандитов. Поэтому не могло быть и речи о том, чтобы раскрыться перед жителями аула. Так, видимо, и случилось бы, но...

К полудню на взмыленной кобыле прискакал лет двенадцати казашенок и, размазывая по грязным щекам слезы, рассказал, что на соседний аул только что налетели бандиты и всех подряд стали рубить. Убили его мать и младшую сестру, а он вот вырвался и прискакал. Надо и отсюда уходить, потому что остатки банды скатываются вниз по Хобде.

Заголосили, запричитали женщины, а за ними в рев ударились детишки. От юрт к землянкам и обратно забегали старики. Вот тут Дмитрий Клейменов и принял свое первое решение: дать бой банде Серова. Не иначе, разгромленные под Краснояром бандиты решили уйти на север, а перед уходом хлопнуть дверью.

— Надо защищать аул, — заключил Дмитрий Иванович. — Ну а если что, то скажем, что ошиблись, приняли их за красных. Этот план всем понравился, и каждый из чекистов стал выбирать себе место, удобное для обстрела местности, Ткачук предупредил жителей, чтобы они попрятались понадежнее от возможной стрельбы.

Пулемет решили собрать и установить на пригорке, да не успели. На рысях шел отряд человек в тридцать. Скакали большим полукругом, как на охоте на лис. Эта бандитская тактика исключала попытку скрыться незаметно из села, да и в случае засады потери бывают незначительные. Но хитрость не спасла от смерти многих громил. Возможно, чекистам удалось бы полностью отбиться от банды, да патроны кончились, а сумку с пулевыми лентами придавила убитая шальной пулей лошадь Ефима Пярых.

Когда разъяренные бандиты ворвались в аул, то опешили, увидев не готовых биться до последнего красноармейцев, а кучку таких же, как они, казаков, громко выяснявших отношения между собой.

— Кто такие? — рявкнул плотно сбитый бородач, направляя на чекистов удивительных статей иноходца. — Почему стреляли?

— Да вот, станичники, тьма на глаза пала, — и Дмитрий Клейменов в сердцах махнул рукой. — Кому-то показалось, что красные окружают, вот и отбиваться начали.

— Мы вас какой уж день ищем, совсем отчаялись, — вступил в разговор Петр Ткачук, — и надо такую осечку...

Казаки тем временем окружили группу чекистов и недоверчиво присматривались к ним.

— За такие ошибки к плетню вас и в расход! — зло выдохнул бородач и прошелся взглядом по бандитам, как бы ища согласия.

— Это точно, — поддакнул молодой казак в белом дубленом полушубке, держась за левую руку. Видимо, ее прострелил кто-то из чекистов.

- Это мы со страху пулять стали, — доверительно-печально промолвил Иосиф Перевезенцев.
- Значит, испужались! — громко захохотал кто-то из казаков.
- Было немного, — виновато улыбнулся Перевезенцев.
- А шаровары запасные имеете? — вновь хохотнул весельчак.
- Имеем, — во весь рот заулыбался Иосиф. — Этого добра у нас много, — и махнул рукой на переметные сумки и узлы.

Напряжение сходило, кое-кто из казаков стал доставать кисеты с махоркой, уже с интересом поглядывая на чекистов.

- Откуда и куда направляетесь? — по-прежнему зло спросил бородач.
- Идем к Серову, — спокойно ответил Дмитрий Иванович, — письмо к нему имею.
- Покажь, — повелительно сказал бородач.
- Трохим, чего ты прицепился? — недовольно крикнул раненый в руку казак. — Не видишь, что ли, — свои казаки.

Клейменов тем временем отпарывал подкладку у казакина, чтобы достать письмо от имени Ивана Кучегурова, с которым Серов вместе зверствовал у Сапожкова. Письмо было подлинное: его арестованный Кучегуров написал в губЧК под диктовку Дмитрия Ивановича.

В шуме пререканий, натужного кашля курильщиков все как-то не заметили подъехавшую маленькую группу всадников. Один из них на нервной киргизской кобыленке с интересом приглядывался к Клейменову, а затем весело выкрикнул:

— Да вы никак комиссара прихватили?! Ну да! — обрадованно продолжил он. — Сам Дмитрий Иванович Клейменов своей персоной пожаловал!

Казаки притихли, кто-то пробурчал:

— Какой еще комиссар?.. Наш брат, станичник...

— Какой станичник?! — презрительно бросил подъехавший. — Это мой дорогой земляк, ивановский. Еле ушел от него из ЧК. Подтверди, Дмитрий Иванович!..

Вот так мое ротозейство аукнулось спустя почти год. Не попади Сергей Елатомцев в банду, чекисты остались бы в живых.

Тяжело мне рассказывать о последних минутах жизни Клейменова и его боевых товарищей. Надеюсь получить сведения о замыслах губЧК, размещении войск в Соль-Илецком гарнизоне, бандиты долго истязали чекистов. Били сапогами, кололи шашками, прижигали огнем.

Первым умер зарубленный Елатомцевым Дмитрий Иванович Клейменов. Затем зарубили и остальных. На изувеченные трупы наткнулся отряд чоновцев, преследовавший бандитов. Здесь же, неподалеку от полуразрушенного мазара, похоронили всех с воинскими почестями.

Когда молодые чоновцы рассказывали мне о злодействах бандитов, о похоронах моих старших товарищей, голоса у них дрожали от волнения и слезы гнева и бессилия стояли в глазах. Продержись чекисты еще час, и подмога к ним успела бы. Вот почему-я говорю, что мое присутствие не помешало бы Дмитрию.

И еще я жалею, что не пришлось мне принять участие в разгроме банды Серова. Говорят, отбивались подлюки до последнего патрона. Знали, что пощады не будет, так как все руки в невинной крови были.

А вот Серова взяли. Да-а. Редкая гадина была. Ответил за все сполна.

Пишу о друзьях своих славных, а сам думаю: а вот в новой прекрасной жизни, через 50 или 100 лет, вспомнят ли о нас, о том, как приходилось нам защищать нашу революцию?

От автора. Когда от нас навечно уходят герои, мы говорим: «Память о вас вечно будет жить в наших сердцах». И это правда. Если память одного человека смертна, то память всего народа — вечна. Могут забываться чьи-то имена, детали, но не сам подвиг.

Если вам, дорогой читатель, придется побывать в совхозе Жиренкуп Актюбинской области, то обязательно посетите братскую могилу, где захоронены оренбургские чекисты. Поклонитесь им и помните, кому мы обязаны за наше счастье, за Страну Советов.

В. ДУБРОВКИНА, С. СТЕЦЮК «Я остался в Советской России...»

Начальник контрразведки Иванчик стремительно вошел в свой кабинет, в ярости швырнул перчатки на стол и резко опустил в старенькое потертое кресло.

— Ничего, ты у меня еще заговоришь, — зло бормотал он, — уломаем! Посидишь в морозильной камере — все скажешь! Ледничок еще действует исправно...

— Ты один? — с порога спросил поручик Яснов, давний друг и сослуживец Иванчика. — Мне показалось, что ты с кем-то разговариваешь. Опять неприятности? Уж больно свирепый вид у тебя.

— Да, дела неважные, — ответил Иванчик. — Много всякого. Но есть и то, что меня особенно беспокоит. Речь о том клубке подпольных глашатаев Советской власти среди пленных. Вроде бы и нити в наших руках...

— Видишь ли, дорогой друг, до сих пор в твоей службе все было безоблачно, так что можно и смириться с временными тучами. Вспомни слова Софокла: «Великие дела не делаются сразу».

— Это все в идеале. А реальность подсовывает мне пустые дни допросов, а этому политзаключенному немцу из седьмой камеры — какую-то, я бы сказал, поразительную стойкость. Откуда только силы берет — с виду вовсе не богатырь... Ну а наших ребят не надо учить, как «выбивать» показания.

— Опять Рейном занимался? Поставь к стене, без сомнения запросит пощады.

— Ставили, и не раз. Зажмуривается, напряженно ждет выстрелов. А после команды «отставить» смотрю в его лицо и удивляюсь — как будто спокойное. Только в глазах тоска и упрек.

Иванчик встал и медленно подошел к окну, понемногу успокаиваясь. Яснов стал рядом. Оба закурили, глядя на улицу. Светило мартовское солнце. Весна уже подъела придорожные сугробы. Сильно осевшие, они, словно дразня, тускло поблескивали острыми языками. На дороге в луже купались воробьи.

— Вот оно, утро года! Как будто и нет ни стрельбы, ни крови... — задумчиво сказал Яснов и, помолчав, добавил: — Ну ладно, пойду. Я ведь зашел на минуту за таблеткой от головной боли, а сейчас вроде бы отпустило. Ну а немец твой, не сомневаюсь, скажет все, что надо.

Когда за офицером закрылась дверь, Иванчик сел к столу, открыл дело и стал читать, пытаясь найти ответ на вопрос, почему этого человека не удается сломить.

«Рейн Норберт Филиппович родился в 1893 году, — пробежал глазами Иванчик знакомый уже текст, написанный мелким почерком следователя. — Место рождения — город Черновицы, Австро-Венгрия, по национальности немец. Отец — учитель, мать — из крестьян. С 1913 года Рейн — студент юридического факультета университета. По общей мобилизации был призван в армию. 20 марта 1915 года попал в плен и вместе с полуторатысячной партией таких же, как он, был направлен на станцию Губерля Оренбургской губернии на строительство Орской железной дороги. Здесь имел обширные связи в среде военнопленных, русских рабочих, местного населения. После прихода красных Рейн стал большевиком, вошел в контакт с руководителем Орского ревкома Малишевским, работал в штабе Красной гвардии, затем в уездном продкоме. В сентябре 1918 года, после изгнания красных из Орска, арестован, находился на положении военнопленного, использовался на земляных работах. За агитацию в пользу Советской власти в марте 1919 года заключен в тюрьму для политических».

Протоколы допросов начальник контрразведки, он же — начальник лагеря военнопленных и политзаключенных, читать не стал — присутствовал почти на всех. Да и читать нечего: многое в деле установлено его службой, а вот главные вопросы оставались без ответов.

Во время последнего допроса Рейна избивал сам Иванчик, теперь арестованный находился без сознания. Однако он им был нужен, но только покорный, сломленный. Ведь через него была надежда выявить связи военнопленных с местным населением, раскрыть подпольную работу в Троицком лагере, куда было собрано со всей округи около пяти тысяч военнопленных. Контрразведке стало доподлинно известно, что среди них агитация в поддержку революции все больше увеличивалась. Значит, большевистское подполье действовало и в Орске, и в Троицке, его надо было во что бы то ни стало задуть. Иначе срывалось выполнение указания Колчака о комплектовании из пленных отрядов в армию «Прикарпатская Русь». Поэтому для устрашения других за отказ служить в белогвардейских соединениях и сочувственные высказывания за Советскую власть расстреляли уже многих. Начали с австрийского полковника Ренхарда, врача лагеря Фельдкерхена...

«Да, — подумал Иванчик, — следствие слишком затянулось. Придет в себя, надо будет заканчивать это дело».

Но выполнить свое намерение Иванчику не удалось, хотя еще долго длились пытки, допросы.

В августе 1919 года с приближением Красной Армии белогвардейцы, опасаясь перехода военнопленных на ее сторону (а такой легион интернационалистов уже действовал), спешно эвакуировали лагерь, а ненадежных уничтожили.

По-настоящему стреляли на этот раз и в Рейна, но промахнулись. Вместе с убитыми он пролежал до темноты и под покровом ночи уполз от страшного места.

Добираясь к красным, он глубоко вдыхал степной полынный воздух. Из травы с шумом выпархивали какие-то птицы. В темном небе мерцали большие и малые звезды; и он шел наугад, ориентируясь по ним, рискуя снова попасть к белогвардейцам. Одеревневшие от долгого неподвижного лежания ноги плохо слушались. С наступлением рассвета добрался до перелеска и переждал там до следующей ночи.

О многом передумал Норберт Филиппович, стараясь забыть о боли в избитом теле, но никак не мог он даже предположить, что, спустя годы, судьба снова сведет его с Иванчиком.

Но это будут уже совсем другие времена...

Начальник особого отдела губернской Чрезвычайной комиссии Александр Михайлович Бурчак-Абрамович вызвал к себе своего сотрудника. Вчера он поручил ему подобрать кандидатов на выполнение ответственной операции. Что говорить, почти каждое задание, на которое он посылал своих чекистов или шел с ними сам, было нелегким.

А тут еще мятеж во 2-й Туркестанской кавалерийской дивизии, организованный ее командиром эсером Сапожковым. Размышляя об этом, начальник отдела с сожалением отметил, что с каждым днем скорбная картина охватывает все новые зоны действия. Сапожков и его подручные призывали к борьбе против «злодеев-коммунистов» и комиссаров, против сборщиков продразверстки, за улучшение Советской власти.

Демагогические лозунги так приятно щекотали нервы их ревнителям, что они свою дивизию переименовали в «Первую Красную Армию Правды». Заговорщики объявили мобилизацию в эту «праведную армию», а уклонистам угрожали расстрелом без суда и следствия. Вот такая дикая вакханалия.

А главный зачинщик мятежа понимал, что в губернии обстановка накалена до предела: только чиркни

спичкой — сейчас загорится. Бандитизм, нехватки продовольствия, кулацкие выступления, детская беспризорность... Так что ставка на «улучшение власти» срабатывала. А тут еще эти эмиссары Сапожкова в военные гарнизоны... Своих представителей-агитаторов Сапожков рассылал по городам и весям. В основном те ехали с поддельными документами бойцов Чапаевской дивизии. Причины были понятны. Ложь, которую они несли, была настолько гнусной и неправдоподобной, что для ее достоверности требовалось освещение лучами славы легендарных чапаевцев.

Надо сказать, что неплохо поработали кое-кто из сапожковских делегатов. В отдельных гарнизонах красноармейцы плавали в слухах, что в Самаре и Саратове арестованы все коммунисты, что против них восстала Красная Армия в других городах и вот теперь только шире распахни объятия — тут тебе и свобода, и равенство, и Советы без коммунистов.

Посланцы Сапожкова призывали присоединиться к мятежу. Уже было известно о многих таких делегатах. Количество их приближалось к пятидесяти.

Мятеж серьезно осложнил обстановку в губернии. Заметно активизировались контрреволюционные элементы. Прервалось железнодорожное сообщение. Нарушился подвоз населению хлеба. С каждым днем все больше распалась антисоветская агитация.

21 июля 1920 года враждебные элементы спровоцировали антиреволюционные выступления рабочих Оренбурга. Тревожными гудками они собрали их на территории Главных железнодорожных мастерских. Демагоги и подстрекатели произносили речи против коммунистов и Советской власти, выдвигали требования, которые шли вразрез с установками партии.

Опасный мятеж нужно было срочно подавить. В. И. Ленин направил партийным и советским органам Самары, Саратова и Уральска телеграмму, в которой предложил принять ряд конкретных и безотлагательных мер с целью ликвидации восстания. Прямое отношение к чекистским органам имело требование в корне пресекать всякое сочувствие и содействие Сапожкову со стороны местного населения, принимать решительные меры против главарей и пособников. В. И. Ленин предлагал «вести самое тщательное наблюдение за движением отрядов Сапожкова, используя местных жителей, сообщая результаты наблюдения ближайшим войсковым начальникам».

Мятеж активизировал и выступления кулачества. Возникали они на почве недовольства продразверсткой. Поводом к этому служили и неумелые действия продотрядов. Так что сапожковщина сильно подогревала, разжигала пособников контрреволюции.

«Да, — думал Александр Михайлович, — правильно писал председатель Оренбургского губисполкома Корыстылев в газете «Коммунар», что сапожковщина — такое же разнузданное анархо-погромное явление, как и махновщина, уродливая смесь анархизма с хищной кулацкой идеологией. Куда как охоча сапожковская братия до грабежей и пьяного хулиганства. В общем, много всякого».

Уже не день, не вечер и не два обсуждались в губчека разные соображения, вырисовывались контуры общего плана ликвидации содействия мятежу. И вот уже заработала налаженная машина, объединила все действия видимыми и незримыми колесиками.

Таким связующим звеном и должна стать предстоящая операция по замене двух арестованных в Оренбурге сапожковских посланцев. Вместо них решено послать проверенных чекистов. Было отобрано несколько человек. Кое-кого пришлось отвергнуть — не всем по плечу такое задание. Тут одной идейной убежденности недостаточно.

И вот сейчас в кабинете начальника особого отдела обсуждались кандидатуры, уточнялись некоторые детали этой операции.

— Хорошо. Это надежный человек, опытный чекист, думаю, что подойдет. Кого еще предлагаешь направить?

— По документам Зобова Николая Ивановича, считаю, нужно отправить Рейна Норберта Филипповича, — высказал свои соображения сотрудник отдела. — С августа 1919-го он воевал в составе 2-го Кустанайского коммунистического полка, показал хорошие боевые и политические качества. Участвовал в выявлении эсеро-меньшевистского заговора в 1-м кавалерийском полку в Актюбинске. Тогда он блестяще выполнил роль белогвардейского офицера.

Образован, в совершенстве владеет шестью языками.

— Ну это-то в данном случае не суть важно, все шесть вряд ли пригодятся. А вот русский должен быть, как говорится, без сучка, без задоринки. Он кто по национальности?

— Немец. Но с русским у него все в порядке — говорит без акцента. Здесь все подробные данные о нем, — он положил папку на стол. — Думаю, эта кандидатура наиболее подходящая: умен, образован, знает нравы военных, этикет, есть способность к перевоплощению. А та операция, когда его «произвели» в белогвардейские офицеры, была экзаменом на самообладание и находчивость.

— Давно в органах губчека?

— Нет. С начала текущего года. Думаю, если бы судьба не привела его к нам, он обязательно бы воевал в легионе интернационалистов. Это преданный делу революции человек.

— Хорошо. На этом поставим точку. Дела я все-таки посмотрю. А пока надо тщательно разработать все детали, предусмотреть возможные варианты. Срыва не должно быть. И вот еще. Пусть Рейн расскажет, как проходила та актюбинская операция. Может быть... Впрочем, сам понимаешь.

— Понятно. Завтра они выедут в Актюбинск.

Двадцатый год. Конец июля. Горячее солнце жарит нещадно. Каменные дома полусонного городка, прикрывшись козырьками крыш, лениво дремлют, безразлично взирая окрест пустыми окнами-глазищами.

Прохожих мало. Изредка мелькнет одинокая женская фигура, пробежит по своим ребячьим делам босоногая

детвора, неторопливо процокает подковами трудяга-лошаденка, и снова над домами повиснет глухая тишина.

В такой день по улице Актюбинска со стороны вокзала шел молодой ладный военный с желтым портфелем. Он шагал энергично, по-строевому взмахивая свободной рукой, и каждый мускул его напрягался, жил полной жизнью. Внешность приятная. Просторный лоб, темные волосы, уверенный взгляд карих глаз, в котором теснилась мысль, угадывалась душевная сила. Встретив его, можно сразу понять, что это интеллигентный человек, авторитетная личность. От его облика веяло деятельной силой; и она как бы являла собой полную противоположность ленивой сонливости, витавшей в этот час на улицах; и казалось, что вот-вот городок тоже стряхнет с себя постылую вялость и вокруг привычно забьется тревожная забота, неумная суета. Но ничего вокруг не менялось.

А прохожий, казалось, не замечал этой убаюкивающей тишины. Он торопился.

Это был Норберт Филиппович Рейн, но те, с кем он будет общаться, узнают его как Николая Ивановича Зобова. Еще в Оренбурге он старался вжиться в образ сапожковского командира, каким он себе его представлял — живого, общительного, веселого человека, этакого носителя «новой правды».

Предстояла трудная работа.

Сначала он должен был найти адресата письма Сапожкова по фамилии Рындин, познакомиться с ним поближе, войти в доверие, отдать воззвание Сапожкова.

Дальше:

Выявить связи Рындина с другими военнослужащими.

Определить их настроение, отношение к мятежу, возможные роли каждого.

Связаться с чекистами, передать им фамилии активных пособников заговора.

Побудить к действию, подогреть ведущие силы, чтобы можно было одним махом зажать железными клещами ошестинившихся контрреволюционеров и провокаторов.

При необходимости помочь местным органам в организации арестов.

С таким же заданием в качестве посланца Сапожкова на другой день должен прибыть чекист под именем Василия Степановича Серова. В зону его внимания входил другой адресат — тоже офицер из Актюбинского полка.

Чтобы не вызвать подозрений, на связь с работниками уездной ЧК они должны были выходить через старика — фотографа Григория Кузьмича.

Думая обо всем этом, Рейн добрался до гостиницы, расположенной в двухэтажном каменном доме, и с удовольствием ощутил прохладу, едва переступив порог.

Ему предложили отдельный номер — не дождались кого-то «из властей». Комната была небольшая, со скромной мебелью. До вечера он мог здесь отдохнуть, привести себя в порядок.

Оставалось еще несколько часов. Занимаясь своими делами, он мысленно прокручивал возможные варианты разговора с Рындиным. Не знал он, что в ресторане, где рассчитывал с ним встретиться, ему придется провести три длинных вечера, прежде чем тот, наконец, появится.

Еще там, в Оренбурге, когда во время инструктажа он услышал фамилию Рындин, родилась ассоциация с чем-то свинцовым, раскатисто-громовым. Тогда он подумал, что, конечно, трудно себе представить обаятельным образ потенциального врага. И вот теперь, слушая его слова, прорывающиеся сквозь пьяные голоса и надрывную музыку, Рейн думал о том, что такого сразу не раскусишь, все ли он перед тобой выкладывает в этой вроде бы откровенной беседе или свое держит на уме. В серо-зеленоватых маленьких глазках все время мелькает усмешка. Крепкие широкие зубы, белеющие за лукавой улыбкой, не предвещают добра — кажется, вот-вот вопьются тебе в горло, если что не так.

Рейн отдал письмо Сапожкова, которое было как бы мандатом, располагающим к доверию. Рындин прочитал его, но ничего не сказал. Рейну другого не оставалось, как продолжать разыгрывать роль удалого молодца, готового полной мерой черпать все радости жизни.

— Да у нас всяк выпить не дурак, жесткой дисциплиной не страдаем, — смеясь говорил он, рассказывая о вольной жизни в отрядах Сапожкова. — И набираем к себе все больше народ состоятельный, не какую-нибудь голь перекадную. Живем — не тужим. Четырнадцатого июля взяли Бузулук, казну вмиг разнесли. Правда, не скажу, что в ней денег много было. Но зато поработали в мануфактурных складах и в продовольственных тоже.

Рындин слушал, скептически улыбаясь.

Их столик стоял у окна, в стороне от других. Говорить можно было, не опасаясь, что услышат посторонние. Да вряд ли это было возможно в таком шуме.

Рындин протянул портсигар, лицо его заметно посуровело:

— Не о том мы говорим. Главное — идея. Я так понимаю. Завтра я вас кое с кем познакомлю. Люди верные.

— Надеюсь. Там я зачитаю воззвание Сапожкова. Разумеется, сюда я его не взял, — посерьезнел Рейн и, выпустив струйку дыма, многозначительно добавил: — Времени нельзя упускать. Наше дело правое: мы боремся за истинно Советскую власть. Эта же, ныне существующая, творит насилия над народом, ибо он ей чужд, она делает то, что ей выгодно. Мы за полную свободу, равенство, свободную торговлю. Никаких сдерживающих факторов.

Глаза Рындина вдруг стали пронизательными и злыми:

— Положим, не Сапожков — пророк в нашем Отечестве. Но не в этом дело. Главное — народ очнулся как раз вовремя, пока петля не затянулась. И деревня, без сомнения, будет на нашей стороне. Уж больно выигралась ходоки от продразверстки в последнее время.

Он достал из кармана носовой платок и вытер вспотевшее лицо. Влажные короткие волосы над узким лбом

слегка взъерошились, и от этого Рындин вдруг стал похож на задиристого петуха, готового к бою. Рейн подумал, что лицо его собеседника меняется беспрерывно.

За ближайшим к ним столом громко спорили двое прилично одетых мужчин. У одного, плотного, с покрасневшим лицом, в густой черной бороде застряли две красные икринки и смешно тряслись, когда тот с жаром что-то доказывал. Сквозь шум доносились звуки скрипки. В центре зала танцевали пары.

Рейн видел, что здесь, в этом ресторане, никому ни до кого не было дела. Ему вдруг стало противно от этого веселья нараспашку, всей пьяной, душной атмосферы.

— Ну что, встречаемся завтра вечером? — спросил он.

— Давайте условимся так. Днем вы найдете дом с голубыми ставнями, что напротив городского приюта. В 23.00 милости прошу.

Они расстались.

На другой день Рейн нашел нужный дом. Сквозь густые кусты пыльной сирени те самые голубые ставни едва можно было различить.

«Почему он назвал приметы, а не конкретный адрес? — подумал Рейн. — Скорее всего, чтобы легче найти. Рындин, конечно, не подозревает, что я не впервые в Актюбинске». И он вспомнил свою первую операцию, которую считал посвящением в чекисты.

Это было почти год назад. В городке, освобожденном от дутовцев, собралась всякая контрреволюционная нечисть. Эсеры и меньшевики устроили заговор в 1-м кавалерийском полку. Сделать это было несложно — среди военнослужащих набралось немало людей, которых не устраивала Советская власть. Кто имел свои убеждения, а кого понесло в мутном потоке и закрутило с мусорной пеной. И вот во всем этом предстояло разобраться, сделать доступным и понятным все темное, запутанное, чтобы потом разубить весь узел заговора.

Ситуация сложилась не простая. Вместе с Численко они должны были втянуться в трясину контрреволюционного болота, прощупать все возможное и невозможное. А уж как они старались! В доверие входили — мол, душит всех Советская власть, крыли ее на чем свет стоит.

Шаги делали правильные — поверили им здесь, на этом вспученном ненавистью вулкане.

А дальше так: об одном услышали, другое вычислили, о третьем догадались, в четвертом сами руку на пульсе держали. Обследовали местную контрреволюционную верхушку — и гражданскую, и военную. Вывернули наизнанку и подвизгивающий этой братии народец.

Рейн знал, что такой же работой одновременно с ними занимались еще шесть человек, но имена их ему не были известны.

Не один день прожили они в той зловещей мгле, ступая на ощупь. Но игра стоила свеч! Заговор был раскрыт.

И вот теперь он занимался, в сущности, таким же делом, только в иных условиях.

Рейн шел к Григорию Кузьмичу и думал, что и сейчас любый неверный шаг может стать последним в жизни.

У фотографа он узнал, что Серов уже прибыл в город и, как было условлено, устроился на рекомендованной квартире. Пока все шло по плану.

Рейн попросил Григория Кузьмича передать в уездную ЧК, где и когда намечен сбор. Это они должны были знать. Вместе с тем он считал, что арестовывать заговорщиков там, на квартире, не имело смысла. Пойти на такой шаг — значило выпустить вожжи, с помощью которых можно вытянуть всю повозку. Но чекистам надо было связаться с особым отделом полка, чтобы там знали о предстоящей работе.

После знойного дня вечер обнял город живительной прохладой. Дышалось легко и уже не верилось, что несколько часов назад земля маялась от назойливых лучей палящего солнца.

Рейн подошел к знакомой калитке. Еще две-три минуты — и он окунется в мерзостную атмосферу предательства, готового вот-вот сорваться с цепи.

Позже, когда он вспоминал обо всем, что было в этом доме, у него возникала целая гамма чувств. В сущности, он готовил себя ко всему, просчитывал разные ситуации, но чтобы такое...

Сначала все шло так гладко, что та маленькая сцена, где он продолжал играть свою роль, на какое-то время убаюкивала бдительность. Пятеро военных и один в штатском, которым его представили, любезно приняли его в свою компанию, ни о чем особенно не расспрашивали. Рейн легко вступил в беседу, она поначалу несла отвлеченный характер. Потом с помощью Рындина он настроил ее на нужный лад. Спустя примерно час, страсти начали накаляться. И тут уж присутствующие выпустили всю обойму демагогии. А Рейн-Зобов возбуждал их головы своими рассказами о том, как в «армии Правды» проводили аресты коммунистов, упразднили должности комиссаров и политработников, создали свой, эсеровский, реввоенсовет.

Такое сообщение всем собравшимся особенно понравилось. Чувствовалось, что они готовы поднять полк под сапожковские знамена.

Когда Рейн вслух прочитал воззвание Сапожкова, все заволновались.

— Давно надо было голову поднять, — с горечью сказал Рындин. — Одно притеснение мы видели от Советской власти. Кормить не кормит, а под козырек брать заставляет.

— А мы тоже хороши, борцы за свободу народную! Сидим здесь, сложа руки.

Высказывались откровенно, без оглядки.

На столе стоял самовар, какое-то угощение, но никто ни к чему не притрагивался.

Рейн обратил внимание, что окна зашторены плотной тканью. По расположению комнат он понял, что окна выходят в сиреневый сад.

«К чему это я, — подумал Рейн. — Кажется, осложнений не предвидится».

Он повторил в уме фамилии тех, с кем его сегодня познакомил Рындин, и пожалел, что зря не передал в ЧК предложение о сегодняшнем аресте — по всему видно, что здесь собралось если не все контрреволюционное ядро Актюбинска, то, вероятно, его основные представители.

«Вообще нет, — размышлял он, — по одному брать безопаснее. Оружие есть у каждого».

Неожиданно в душе стала нарастать тревога. Сначала он попробовал заглушить ее, потом стал думать, в чем причина, внимательнее присматриваясь к окружающим. Разговор шел в том же русле — высокие речи перемежались с ругательными, и на этой ноте особенно доставалось «властям». Каждому было, что сказать. И только один из военных вел себя, как заключил Рейн, довольно странно. Отталкивающее впечатление, которое произвел он в первые минуты знакомства, не проходило и после.

Небольшая голова сидит на мощной шее, и кажется, что природа по ошибке их поменяла местами. Ушки маленькие, по-звериному плотно прижаты к голове. Быстрые глаза на миг цеплялись за каждого, кто начинал говорить, и снова упирались в стол. В пронзительном взгляде затаились недобрые мысли. Из всех присутствующих он отличался и неприятной внешностью, и тем, что как будто не улавливал суть происходящего, хотя время от времени пытался за нее ухватиться. На стуле сидел основательно, словно заранее готовился только к тому, чтобы надежно плыть по взбаламученному пенному потоку речей. Иногда он останавливал свой взгляд на Рейне, и тогда под набрякшими веками билось что-то похожее на злобу и недоверие.

«Ему здесь что-то не нравится, — подумал Рейн, — кажется, мое присутствие. Это Кочин».

И тут, как удар хлыста, трескучий голос:

— А я знал Николая Ивановича Зобова! — Кочин произнес это, явно рассчитывая на эффект. После многозначительной паузы он испытующе посмотрел на Рейна и с издевкой добавил:

— Я думаю, вы понимаете, что не вас имею в виду. Накладочка вышла, гость дорогой!

В комнате зависла тишина.

Рейн вопросительно посмотрел на Кочина и иронически улыбнулся:

— То есть? — лицо его оставалось спокойным.

— Бросьте, Кочин! Мало ли на свете Зобовых! — усмехнулся Рындин.

— На свете — может быть, но не в дивизии Сапожкова!

— А почему бы и не в дивизии? Что-то мы не к тому берегу идем. Подозрительность — не лучшая подруга в нашем деле!

— Однофамильцы, одноимильцы, — съязвил Кочин, — а вы не хотите попасть в когти к особистам? У меня, к примеру, такого желания нет.

— Хорошо, — обратился Рындин к Рейну. — Успокойте нашего друга и нас заодно, назовите своих командиров.

— Может быть, вы и их знаете! — с игривой улыбкой, обращаясь к Кочину, спросил Рейн. — Что, вся Туркестанская дивизия в вашем полку на учете?!

Все молчали. Тогда он с видом человека, которому терять нечего, бросился в атаку:

— Должен сказать, что я крайне возмущен, более того, оскорблен выраженным мне недоверием. Я пришел к вам с добрыми намерениями. Но раз так, вынужден ответить на ваш вопрос. Начальник штаба — Каюков, командиры бригад — Зубарев, Воробьев, член реввоенсовета — Долматов, председатель военного совета — Масляков... Кстати, я слышал, что у нас есть еще Зобов Николай Иванович. Но в отличие от вас, Кочин, не имел чести... Где он сейчас — не могу предположить. Дивизия переформируется. Идет подвodka кадров. «Армия Правды» нуждается в пополнении надежными людьми. Этим и занимаемся. Я — на станции Погромное, другие — в Курманаевке, Семеновке, Ивановке... Мой приезд сюда расцениваю, как продолжение того же дела. Знаю, что многие разъехались по гарнизонам с таким же поручением. Будут еще вопросы? Может быть, нужны подробности моей биографии? — спросил Рейн, лихорадочно придумывая новые факты к биографии Зобова. Фамилии называл медленно, как бы чеканил каждое слово.

— Чего мы от человека требуем? Восстание надо поднимать, а мы время дорогое теряем, — убежденно сказал молодежавого вида мужчина в полосатом костюме по фамилии Томин.

Тут наступил перелом.

— Не хочу быть неверно понятым, — уперся глазами на вставшего из-за стола Рейна Кочин, — но любой на моем месте почувствовал бы подозрение. С Зобовым судьба меня сводила в штабе Заволжского военного округа. Встречались несколько раз, у каждого из нас там были свои дела. Общались. И вдруг на тебе, из той же дивизии выковырился еще один Зобов и тоже — Николай Иванович. Обижаться на меня не надо, время сейчас не ласковое. Так что забота о собственной шкуре пусть уж лучше хлещет через край. Я правильно говорю?

Никто его не поддержал.

Рейн зашагал к окну, чувствуя на себе устремленные взгляды. Держался с большим достоинством. В его глазах застыла напряженная сдержанность. Вернувшись к столу, он осторожно сел, словно проверяя, не провалится ли куда.

— Ну что ж, — сказал он, — я на вас не в обиде. Да и смешно было бы обижаться. Мы ведь не для этого сюда собрались. Нас собрала одна, общая идея. А факт недоверия — это нормальное, а может быть, неизбежное состояние. Будь все проще, доступнее, стоило бы призадуматься: а с теми ли мы собираемся идти в одной шеренге? Простите за грубость, но мне не хотелось бы здесь столкнуться с тактической близорукостью, которую, как правило, питает умственное убожество.

По выражению лица Рындина нельзя было понять, правильно ли выбрана ставка на такое откровение. Но Рейн

ощутил, что обстановка как-то сразу изменилась к лучшему.

— Развеем все сомнения, — со своей неизменной усмешкой подкрепил позиции Рейна Рындина и посмотрел на него каким-то новым взглядом, как будто видел в первый раз. — С делом сюда приехал человек. И нам надо выработать дальнейшую линию поведения. Я думаю, что Николай Иванович может идти отдыхать, а мы еще посоветуемся, обсудим, что и как. И не далее, как завтра, сообщим ему о своих дальнейших действиях. Он должен возвращаться в дивизию.

Рейн распрощался со всеми и вышел.

Когда он проходил мимо палисадника, ему показалось, что кто-то промелькнул в темноте.

«Чекисты это или люди Рындина? — подумал Рейн. — Может быть, просто показалось, глаза еще не совсем привыкли со света».

И Норберт Филиппович зашагал в сторону гостиницы, испытывая облегчение, — победа, кажется, на его стороне и можно считать, что часть задания выполнена. Но он быстро погасил это минутное волнение. Нельзя расслабляться.

Ранним утром Рейн зашел к Григорию Кузьмичу и передал фамилии вчерашних собеседников.

Было еще несколько встреч с Рындиным. Операция продолжалась.

* * *

Постепенно Рейн выявил все основные связи сторонников мятежа, разобрался в их характере. Зацепился за нужную информацию и Серов. В результате всех этих усилий 8 августа 1920 года в городе были произведены аресты. Всего было арестовано 35 человек во главе с зачинщиком готовящейся измены в Актюбинском полку Рындиным.

И мог ли Норберт Филиппович предположить, что все эти перевоплощения самым трагическим образом скажутся на его жизни и служебной деятельности. Ведь они не могли быть задокументированы, да и знали об этом единицы, а сыгранная роль оказалась настолько органичной и убедительной, что ему со временем трудно было доказать обратное.

А доказывать пришлось. Нашлись свидетели «контрреволюционного прошлого» Рейна, распространили слухи о его враждебной деятельности. Начались проверки, но досконально их провести было сложно. И вот Рейна уволили из органов ОГПУ, исключили из партии.

А ведь Норберт Филиппович после побега из лагеря военнопленных мог уехать к себе на родину, но он остался в нашей стране. Остался для того, чтобы продолжать борьбу, защищать завоевания Советской власти.

О мотивах такого поступка Рейн писал:

«...я остался в Советской России потому, что разделяю взгляды и идеи, проводимые Коммунистической партией; этим самым я задался целью, насколько хватит моих сил и способностей, помочь вашей стране. Я твердо заявляю о моей готовности к дальнейшей борьбе за укрепление октябрьских завоеваний...»

И он сдержал слово.

Со временем выяснились события, связанные с операциями в 1919 и 1920 годах. Удалось найти военного комиссара Актюбинского полка, старого коммуниста Д. П. Киселева, который так охарактеризовал Рейна: «...стойкий и твердый борец за дело рабочего класса и крестьянства».

Справедливость восторжествовала. Рейн был восстановлен в партии и на работе.

Вся его последующая жизнь стала образцом верного служения советскому народу, который он называл своим. Длительное время работая в чекистских органах, Норберт Филиппович настойчиво боролся с врагами Советской власти.

Он участвовал во многих операциях по ликвидации разного рода контрреволюционных выступлений. Как одному из опытных работников, ему поручалось дело по расследованию всех обстоятельств, связанных с белогвардейскими мятежами в станицах Соль-Илецкого района и гибелью красногвардейских отрядов Персиянова и Цвиллинга, которые он успешно завершил. Несмотря на большой срок давности, виновные в гибели этих отрядов были найдены и понесли наказание.

Шли годы. Однажды, будучи на лечении в Кисловодске, он встретил своего истязателя по Троицкому лагерю политзаключенных Иванчика. Это было в мае 1934-го. К тому времени активный белогвардеец, начальник контрразведки белых, сумел пробраться на ответственную работу в Генеральный штаб Красной Армии. Многие годы он скрывал свое прошлое, приспосабливался к новой жизни. Это ему советским правосудием будет предъявлено обвинение в превращении лагеря военнопленных, где находились и политические заключенные, в застенков адских пыток, мучений и расстрелов.

Но до этого времени Рейну пришлось проявить много усилий, настойчивости и принципиальности.

Он прервал лечение и срочно выехал в Москву, в НКВД СССР. Добиться ареста Иванчика было непросто — у него тогда уже были крепкие и обширные связи. Норберт Филиппович собирал материалы, разыскивал свидетелей, разоблачал карателя на очных ставках.

На следствии Иванчик вынужден был признать, что к числу изощренных пыток относилась морозильная камера, через которую пропускали непокорных.

После того как правосудие свершилось, Норберт Филиппович писал:

«Радуюсь и горжусь, что помог Советской власти удалить из руководства Красной Армии активного

белобандита...»

Но вот год 1938-й, время жертв и палачей. Оглушительно бились колокола неизбывного горя. Усомнившись в правильности ведения следствия, Рейн отказался от участия в фальсификации дел. На него было сфабриковано обвинение в шпионаже. Рейн был арестован и осужден. В 1939 году его не стало. Он немного не дожил до того дня, когда его родной город Черновцы стал советским.

В 1957 году Норберта Филипповича реабилитировали. Он был одним из тех в этом длинном печальном ряду, к кому эта весть не пришла при жизни.

Еще в начале работы в органах ЧК Рейн перед своей фамилией написал:

«...верный сын революции — интернационалист».

Таким он и остался в истории оренбургских чекистов. О нем помнят как о преданном партии и революции коммунисте, честном человеке.

В. АЛЬТОВ Именем Республики Советов

Мы встретились с ним в Орске, в уютной квартире на одной из тихих окраинных улиц. Пиалу за пиалой пили крепкий, заваренный по-уйгурски чай, потому что гостеприимный хозяин, добродушно улыбаясь, предупредил: без чая разговор — не разговор. Смуглое, иссеченное глубокими морщинами лицо Насыра Ушурбакиевича, суровое лицо человека много пережившего, казалось, светлело, когда он говорил о своих товарищах — участниках событий, развернувшихся далеко от этих мест в февральские дни 1921 года. Насыр Ушурбакиевич волновался, часто переходил с русского на уйгурский, и, чтобы не потерять нить рассказа, приходилось снова и снова переспрашивать, уточнять...

* * *

В центре Оренбурга стоит памятник — на высоком пьедестале красногвардеец со знаменем в одной руке и гранатой в другой. Каждый год четвертого апреля сюда приходят сотни людей, чтобы отдать дань памяти тем, кто похоронен на этой площади в братской могиле, — жертвам дутовского набега на Оренбург. Дутовщина — страшное слово. Виселищами и пепелищами был отмечен путь белоказачьего атамана.

В январе 1919 года полки 1-й Революционной и Туркестанской армий навсегда выбили дутовцев из Оренбурга. Позднее был освобожден Орск. Белый атаман бежал в тургайские степи, а изгнанный и оттуда, перебрался в Семиречье. И повсюду Дутов возил за собой «покровительницу» Оренбургского казачьего войска — икону Табынской божьей матери. Самые верные атаманцы эскортировали огромную, сверкающую золотом, икону. И только несколько человек, наиболее близких, фанатично преданных Дутову, знали, почему так неподъемно тяжела «божья мать». Во внутреннем тайнике иконы хранились золотые кресты, монеты, кольца, дорогая церковная утварь, бриллианты, жемчужные ожерелья и другие драгоценности, награбленные в Оренбургской губернии, в тургайских степных аулах и по дороге, в дни бегства.

Но и за Балхашем, в пустынных предгорьях Тянь-Шаня, недолго продержалось дутовское воинство. Теснимые частями Семиреченского фронта в марте двадцатого года Дутов и семиреченский атаман Щербаков с остатками своих полков бежали за границу. В такое время года только самые отчаянные смельчаки решались двинуться через забитый снегом перевал Кара-Сарык.

Но у недобитых атаманов другого выхода не было. Лишь за скалистыми вершинами Джунгарского Алатау, на чужой стороне, они могли укрыться от возмездия.

Скрывшись за рубежом, Дутов почувствовал себя в полной безопасности. Он стал спешно сколачивать новую армию для похода против Советской России. Его гонцы носились то к атаману Семенову, то к генералам Анненкову, Бакичу, Молчанову, то к адмиралу Врангелю, то к басмачам. Враги готовились выступить сообща. Но палач просчитался. Кара настигла его. И это надолго привело в замешательство всех его сообщников, отбило охоту к авантюрам.

В пятнадцатом томе Большой Советской Энциклопедии по этому поводу сказано очень коротко: «Дутов был убит в феврале 1921 года в своем штабе в Суйдуне».

Как был убит палач? Кем убит? Кто привел в исполнение приговор народа?..

Много лет искал я ответы на эти волнующие вопросы. И вот что удалось узнать из немногих архивных документов и рассказов единственного оставшегося в живых участника этой беспримерно дерзкой операции Насыра Ушурбакиевича Ушурбакиева.

* * *

На юго-востоке Казахстана, за озером Балхаш, недалеко от границы стоит город Панфилов, названный так в честь славного генерала, героя обороны Москвы. Раньше этот небольшой городок назывался Джаркентом, Здесь находилась в те годы уездная ЧК. За прочерченной на карте пунктирной линией границы, примерно на таком же расстоянии от пограничной полосы, расположен небольшой уйгурский город Суйдун. Между ними — около ста

километров. Именно тут развернулась операция, которая несколько месяцев была в центре внимания мировой прессы.

...В конце 1920 года джаркентские чекисты получили особое задание ЧК. А уже в начале января двадцать первого группа разведчиков отправилась в Суйдун. Первая попытка проникнуть в логово зверя окончилась неудачей.

В городке, сразу за китайским кладбищем, стоит обнесенная высокими стенами с вышками на углах старинная крепость. За крепостной стеной — дом, где находился штаб Дутова и жил он с женой. Дальше казармы, в которых был расквартирован китайский гарнизон крепости. В нескольких пустовавших казармах разместились дутовцы и семиреченские казаки. У всех четырех ворот крепости, у особняка и даже в самом доме — охрана. Дутов очень подозрителен, из крепости выходит редко и только с телохранителями. Охраняют его особенно преданные ему оренбургские казаки.

Второй рейд тоже не увенчался успехом. Разведчики вернулись ни с чем. Всего за день до их приезда вспыхнул мятеж в расквартированном по соседству с Суйдуном маньчжурском полку. Доступ в крепость был прекращен.

В третий раз операция была разработана и подготовлена особенно тщательно. Руководство ею Феликс Эдмундович Дзержинский поручил одному из ближайших своих соратников, заместителю председателя ВЧК Якову Христофоровичу Петерсу. Большевик ленинской закалки, член партии с 1904 года, Петерс прошел трудную школу жизни — батрачил у богатей, сидел в тюрьме за революционную деятельность, жил несколько лет в эмиграции. Советская власть подняла бывшего батрака до высот государственного управления. Яков Петерс стал членом ВЦИК, одним из ближайших помощников и соратников Дзержинского. Яков Христофорович сыграл видную роль в раскрытии заговора Локкарта — Рейли, был одним из руководителей ликвидации мятежа «левых» эсеров. Именно он вел следствие по делу покушавшейся на Владимира Ильича Ленина эсерки Каплан. «Он работник крупный и преданный», — так говорил о Петерсе Ленин. Одним из первых в нашей стране Петерс был награжден орденом Красного Знамени.

По приказу Феликса Эдмундовича Дзержинского Петерс уехал в Среднюю Азию, чтобы возглавить борьбу с басмачами, с укрывшимися в подполье белогвардейцами. Среди множества заданий, которые председатель ВЧК поручил выполнить Якову Петерсу, было одно особо важное...

Однажды ответственный сотрудник Реввоенсовета Туркестанского фронта Василий Давыдов и начальник Джаркентской милиции Касымхан Чанышев уехали в степь на охоту. Вернулись с богатыми охотничьими трофеями. Кроме председателя Джаркентской ЧК Суворова, никто, даже самые близкие, не знали о том, что ездили Давыдов и Чанышев в Ташкент. Там в длинном одноэтажном доме с резным крыльцом, где размещалась Чрезвычайная комиссия, они встретились с полномочным представителем ВЧК на территории Туркестанской Республики Яковом Петерсом.

В самом начале разговора Петерс показал им письма Дутова, перехваченные чекистами.

— Вот что пишет атаман полковнику Бойко, — сказал Яков Христофорович и пояснил, — это инспектор Семиреченского облвоенкомата, бывший командир казачьего полка. На работе тихий, скромный служащий, а вообще личность очень опасная. Вся его подпольная организация, а она довольно разветвленная, взята нами под контроль... Так вот, смотрите, Дутов дает Бойко задание — обеспечить всем необходимым его полки, которые хлынут через границу сразу же, как только начнется восстание.

«Продовольствие нужно на первое время, — читали Давыдов и Чанышев написанные уже знакомым им по другим письмам дутовским почерком строки послания. — Хлеб по расчету на 1000 человек на три дня должен быть заготовлен в Барухадзиле и Джаркенте. Нужен и клевер, овес, также мясо; такой же запас в Чилике... Сообщите точное число войск на границе».

— А вот вторая бумага, — пододвинул Петерс плотный листок, — это письмо главарю ферганских басмачей Иргаш-баю. Обратите внимание: чтобы польстить этому головорезу, Дутов даже называет его командующим армией в Фергане.

«Еще летом 1918 года, — писал Дутов, — от Вас прибыл ко мне в Оренбург человек с поручением от Вас — связаться и действовать вместе. Я послал с ним Вам письмо, подарки: серебряную шапку и бархатный халат в знак нашей дружбы и боевой работы вместе. Но, очевидно, человек этот до Вас не дошел. Ваше предложение работать вместе со мной было доложено Войсковому правительству Оренбургского казачьего войска, и оно постановлением своим зачислило Вас в оренбургские казаки и пожаловало Вас чином есаула. В 1919 году летом ко мне прибыл генерал Зайцев, который передал Ваш поклон мне. Я, пользуясь тем, что из Омска от адмирала Колчака едет миссия в Хиву и Бухару, послал с нею Вам вновь письмо, халат с есаульскими эполетами, погоньи и серебряное оружие и мою фотографию, но эта миссия, по слухам, до Вас не доехала. В третий раз пытаюсь связаться с Вами. Ныне я нахожусь на границе Китая у Джаркента, в г. Суйдуне. Со мной отряды, всего до 6000 человек. В силу обстоятельств оружие мое сдано китайскому правительству. Теперь я жду случая вновь его получить и ударить на Джаркент. Для этого нужна связь с Вами и общность действий. Буду ждать Вашего любезного ответа. Шлю поклон Вам и Вашим хабрецам».

— Рыбак рыбака видит издалека, — усмехнулся Давыдов.

— Теперь поговорим о делах практических, — Петерс развернул на столе карту Семиречья и все трое склонились над ней...

Задание было сложное и опасное — войти в доверие к Дутову, похитить атамана, доставить в Джаркент, а затем и в Ташкент, чтобы предать суду Революционного трибунала.

Общее руководство операцией возлагалось на Василия Давыдова. А возглавить группу бойцов Джаркентской милиции, выбранных для проведения операции, было поручено Касымхану Чанышеву. Именно у Чанышева было больше шансов встретиться с Дутовым: княжеский сын, уроженец здешних мест. Родственники его жили за границей, в Кульдже.

Сразу же после возвращения с «охоты» Касымхан Чанышев передал через знакомого, бежавшего с белыми, письмо Дутову. В письме Касымхан выражал недовольство Советской властью и, в частности, тем, что у его отца, князя Чанышева, конфисковали сады, раскинувшиеся на сотнях десятин (это было в самом деле), и заявлял о своей готовности в любое время с группой милиционеров перейти на сторону атамана. А в конце письма просил позволить ему лично явиться к Дутову и рассказать о готовящемся в Джаркенте восстании.

Шли дни. Ответа из Суйдуна не было. А донесения от разведчиков приходили одно тревожнее другого. Дутов форсировал подготовку к вторжению. В Ташкент полномочному представителю ВЧК Петерсу телеграфисты отстучали срочную телеграмму:

«Из Джаркента. Военная. Срочно. Секретно.

В районе Чугучака корпус генерала Бакича и Степановская дивизия насчитывают, по последним данным, около пяти тысяч человек. В районе Кульджи размещены остатки армий Дутова и Анненкова — три тысячи человек. Дутов рассчитывает опереться на семиреченское казачество, на баев-мусульман. После перехода границы думает соединиться с басмачами Ферганы и Бухары. Давыдов».

Больше ждать было нельзя. Морозной январской ночью Чанышев отправился за кордон. При встрече с Дутовым Чанышев отлично играл свою роль. Он метал громы и молнии в адрес ЧК, которая несколько дней назад арестовала его отца (отец Касымхана был действительно арестован: эта временная мера предусмотрена в плане операции). Он говорил о своей «ненависти» к большевикам. Но Дутов держался настороженно. Уже по первым его вопросам Чанышев понял, что атаман знает всю его подноготную. Когда Касымхан повел речь о мятеже, готовящемся в Джаркенте, о связях с другими городами Семиречья, о силах, которыми располагают «заговорщики», разговор пошел оживленнее.

Дутов советовал Чанышеву соблюдать строжайшую осторожность, очень злобно говорил о том, что чекисты разгромили большую подпольную организацию полковника Бойко только из-за того, что его единомышленники пренебрегали элементарными правилами конспирации. Касымхан старательно поддакивал атаману.

— О тебе, князь, знаю все, — сказал Дутов, поднимаясь из кресла, давая понять, что аудиенция окончена. — И ты знай: все могу простить, кроме измены. Если попытаешься предать — на дне моря достану и поставлю к стенке. Для связи пришлю своего человека. Устрой его надежно и смотри, чтобы с его головы ни один волос не упал...

Чанышев вернулся в Джаркент, а спустя несколько дней в здешней милиции появился новый делопроизводитель — дутовский соглядатай Дмитрий Нехорошко. Он должен был помочь «мятежным милиционерам» подготовить восстание и арест джаркентских большевиков.

Вместе с ним Чанышев составлял для Дутова «донесения», предварительно продуманные вместе с Давыдовым и Суворовым в ЧК. Доставляли почту в Суйдун и обратно Махмут Ходжамьяров, брат Насыра Ушурбакиевича — Газиз Ушурбакиев и другие чекисты, которым предстояло участвовать в операции, — надо было «приучить» к ним часовых из дутовской конвойной сотни.

Еще в свой первый визит к атаману Чанышев, обладавший редкостной зрительной памятью, запомнил расположение комнат и коридоров, расстановку мебели в доме Дутова, а затем нарисовал план его штаба и квартиры. Уточнить эту схему помог Махмут, дважды побывавший у атамана.

Переписка с Дутовым развивалась успешно. Отвечая на очередное сообщение Чанышева, он писал: *«Письмо Ваше получил. Теперь сообщаю новости: Анненков уехал в Хами. Все, находящиеся теперь в Китае, мною объединены. Имею связь с Врангелем. Наши дела идут отлично. Ожидая на днях получения денег, они уже высланы. Сообщите точно число войск на границе, как дела под Ташкентом и есть ли у Вас связь с Иргаш-баем».* Через несколько дней ответ, подготовленный чекистами, был вручен лично Дутову.

От письма к письму атаман становился наглее. «Выполнять» его требования становилось все труднее и труднее. Так, однажды он потребовал, чтобы Чанышев отправил дутовскому резиденту полковнику Янчису винтовки. Пришлось Касымхану лично отправиться к очень опасному врагу и, рискуя жизнью, передать оружие.

Джаркентские чекисты снова вышли на связь с Ташкентом, с Петерсом.

«Из Джаркента. Военная. Вне всякой очереди. Секретно. Нехорошко, присланный контрразведкой Дутова, убедился в «честности» моих людей. Дутов предлагает любой ценой задержать на складах в Джаркенте запасы опиума огромной ценности. Пишет, что час выступления близок. Прошу разрешения ликвидировать гада. Давыдов».

В конце января весь Джаркент всполошила весть об аресте заговорщиков во главе с Чанышевым. Многие видели, как утром конвоиры вели в ЧК начальника милиции со связанными за спиной руками. По той же дороге вскоре под охраной проследовали Нехорошко и еще несколько человек.

А еще через день границу тайком пересекла оперативная группа во главе с Касымханом Чанышевым. Вместе с ним отправились Махмут Ходжамьяров и еще четверо бойцов. Все шестеро — уйгуры, ничем не отличающиеся от местных жителей. Все шестеро — отличные кавалеристы, меткие стрелки. А в городе поговаривали, что Чанышев, как особо опасный преступник, отправлен под конвоем в Ташкент.

Уже пошла вторая неделя, а от группы Чанышева никаких вестей. Не попала ли в лапы дутовских контрразведчиков? Суворов вызвал к себе Насыра Ушурбакиева. Только тогда узнал Насыр о местонахождении брата Газиза, Чанышева и других товарищей.

Ушурбакиев получил строго секретное задание: пробраться в Суйдун, разыскать явочную квартиру, где должны были остановиться разведчики. Если они погибли, разузнать, как это произошло, и немедленно возвращаться в Джаркент. Если все идет нормально, включиться в состав группы и участвовать в операции.

* * *

Дождавшись ночи, всадник в стареньком бешмете и мохнатой папахе пересек вброд пограничную реку Каргос. Долго пробирался по камышам. Постоял, прислушиваясь, а затем во весь опор поскакал через пески, чтобы как можно скорее, до восхода луны, пересечь наиболее опасное открытое место, расположенное неподалеку от границы. Всадник был вооружен — прикрытый полый бешмета, за пояс заткнут безотказный наган-самовзвод, карманы оттягивали гранаты.

Потянуло холодом и сыростью, значит, скоро Эрдек — болото с зловеще черной водой. Гибель ждет того, кто осмелится ступить дальше заросшей кугой и камышами прибрежной полосы. Но тот, кто знал эти места, мог надежно укрыться в зарослях от постороннего глаза. Насыру приходилось бывать в этих краях. Он знал, что за этим болотом есть другое — Таджи, потом третье — Сандог-буса, а там и хутор Дагр, где у гостеприимного уйгура Мансура-хаджи укрывались иногда разведчики. А оттуда до Суйдуна — рукой подать.

В степи звезды кажутся особенно яркими. По ним прокладывал путь Насыр. По положению знакомых с мальчишеских лет созвездий он видел, что время идет к рассвету. Скоро Суйдун. Перешел на рысь, потом поехал шагом, чутко прислушиваясь к голосам ночи, не спуская руки с рукоятки нагана. Тихими были улицы города. Но очень настроженной казалась эта тишина. В любое мгновение она могла взорваться выстрелами.

Вот и тот дом. Осторожный стук в окно. Испуганный голос хозяина. Как гулко стучит сердце, кажется, его слышит вся улица. Пароль... Отзыв... Немного отлегло. Спустя несколько секунд он уже обнимал брата, по очереди прижимал к груди его товарищей.

Все эти дни Чанышев и его друзья тайком тщательно изучали подступы к крепости, интересовались, когда сменяются караулы, как вооружены патрули, каков распорядок дня у Дутова, у работников штаба. Познакомились кое с кем из часовых. Для более близкого и прочного знакомства привезли с собой опий и фляги со спиртом.

Удалось выяснить, что в Суйдуне находится сравнительно небольшой казачий отряд. Но в крепость каждый день приезжают офицеры из Кульджи, Чугучака, Саньтая, Мазара и других мест, где размещены интернированные белогвардейские полки. Дутов усиленно сколачивал новую армию. С каждым днем недобитый атаман становился все опаснее.

При свете каганца Чанышев разложил на нарах листок бумаги, на котором карандашом набросал план крепости. Операция была назначена на завтра, 6 февраля, на десять часов вечера, когда город угомонится и улицы станут безлюдными. В это время почти всегда Дутов остается в кабинете один. Позднее нельзя — атаман ляжет спать, тогда караулы удвоят и крепостные ворота закроют до утра.

Распределили обязанности. В штаб к Дутову идет Махмут Ходжамьяров — человек большой физической силы, завидного хладнокровия. Вместе с ним Касымхан еще и еще раз рассмотрел расположение постов от ворот крепости до входа в штаб. До мельчайших подробностей припомнили, как пройти к Дутову, как расставлена мебель в его кабинете, где лучше стоять, когда он будет читать письмо. Потом столь же тщательно проработали другие варианты встречи с Дутовым, захвата атамана.

Надо было прежде всего попытаться выманить Дутова из крепости. Захватить его на узкой суйдунской улице с глухими глинобитными стенами домов, выходящих окнами только во внутренние дворы, не составило бы, как представлялось Чанышеву и его соратникам, особого труда. Сложнее было выкрасть атамана из крепости. Один из резервных вариантов (его считали наиболее вероятным) был таким — Махмут должен оглушить атамана, вместе с Куддуком Байсмаковым вынести его из дома в большом крапивном мешке. В таком мешке, который был спрятан у Куддука под бешметом, они уже однажды выносили из этого здания кипы листовок, их предстояло «распространить» на советской стороне. И именно этот мешок не вызвал бы особых подозрений у часовых, с которыми Махмут и Куддук уже были знакомы, не раз одаривали их спиртом и опиумом.

Подробные, четкие задания получили и все остальные участники операции. Старший из братьев Байсмаковых, Куддук, которого знали в лицо часовые, должен все время находиться как можно ближе к Махмуту, быть, как сказал Касымхан, его тенью. Касымхан Чанышев и Газиз Ушурбакиев будут прохаживаться у ворот крепости, готовые в любую минуту снять часовых у стены и броситься на помощь Махмуту и Куддуку. Юсупу Кадырову, Мукаю Байсмакову и Насыру Ушурбакиеву поручалось прикрыть огнем главных участников операции в случае, если вспыхнет перестрелка. Убедившись, что каждый хорошо понял свою задачу, Чанышев сжег план и приказал всем отдыхать.

Вечером шестого февраля, как было условлено, группа подошла к крепости. Махмут и Куддук на лихих конях подлетели к самым воротам. Спешились, привязали скакунов к коновязи и направились к часовому. Тот окликнул их, осветил фонарем.

— Пакет для его превосходительства, — сказал Махмут, показывая конверт с большими сургучными печатями.

— Жди, позову дежурного, примет.

— Велено вручить лично в руки, видишь? — показал он дутовцу подчеркнутые двумя жирными чертами слова: «Совершенно секретно» и «Вручить лично».

Махмут спокойно, как будто каждый день ходил по этой дорожке, зашагал к дому, стоящему в глубине двора. Вслед за ним протиснулся и Куддук.

Разговор с охранником у входа в дом был примерно таким же. Только на этот раз казак доверительно добавил: «Кажись, их превосходительство уже почивают...»

Дутов полулежал на тахте, о чем-то вполголоса говорил с адъютантом, который разбирал на столике бумаги. Махмут успел только заметить поблескивающие в свете лампы иконы, большеглазые лики святых.

Лихо козырнув, Махмут, протянул пакет. Адъютант вскрыл его, подал письмо Дутову. Тот стал читать вслух: «Господин атаман, хватит нам ждать... Пора начинать. Я все сделал. Ждем только первого выстрела...» — и вдруг метнул исподлобья острый, изучающий взгляд на гонца. Махмут стоял как изваяние. Атаман стал читать дальше: «Сожалею, что не смог приехать лично...»

— А где Чанышев? — так же резко вскинув голову, спросил Дутов.

— Он повредил ногу и сам приехать не сможет, — спокойно ответил Ходжамьяров. — Но он тут недалеко и ждет вашу милость у себя в доме... Хоть сейчас или, может, завтра...

— Это еще что за новости?! — зло выкрикнул атаман.

Махмут понял, что вариант похищения Дутова отпадает раз и навсегда. Выхватив наган, он выстрелил в упор. В то же мгновение на него бросился адъютант. Еще выстрел — и он падает к ногам Махмута. Третий раз Махмут выстрелил в Дутова, свалившегося с тахты.

Услышав выстрелы, часовые кинулись на выручку. Их остановили пули Чанышева, Байсмакова, Ушурбакиева. Томительно тянутся секунды. Но вот из домика появляется прихрамывающий Махмут — выбегая, он оступился. Друзья посадили его на коня.

Пока дутовцы, перепуганные стрельбой в крепости, приходили в себя, быстрые гиссарские кони несли хабрецов по разным дорогам.

Утром Мансур-хаджи — хозяин хутора Дагр — по просьбе Насыра отправился в Суйдун. Вернувшись, он рассказал, что Дутов и его адъютант убиты. По улицам города носятся всадники, задерживают всех подозрительных. На воротах крепости висит бумага, в которой сказано, что каждый, кто сумеет доставить в контрразведку хоть одного из террористов, получит за живого 5000 золотых рублей, за мертвого — 3000.

В тот же день в Ташкент Петерсу и в Москву — Дзержинскому были отправлены телеграммы, сообщавшие, что, поскольку похитить Дутова не удалось, белый атаман, на чьей совести тысячи расстрелянных и замученных советских людей, понес кару народа — уничтожен. «Наши благополучно вернулись», — так заканчивались телеграммы.

Приказом по Всероссийской чрезвычайной комиссии Давыдов, Чанышев и Ходжамьяров за ликвидацию белогвардейского гнезда, «за акт, имеющий общереспубликанское значение», были награждены именными золотыми часами. Высокими наградами были отмечены и другие участники рейда.

— Советская Республика никогда не забудет, что именно вам она обязана спасением жизни многих тысяч трудящихся, — говорил Яков Христофорович Петерс, поздравляя героев с наградами.

В те дни граница была приведена в боевую готовность. В Джаркенте и других пограничных районах ввели комендантский час. Советские органы опасались нападения, попытки белогвардейцев отомстить за казнь белого палача. Но, как сообщили наши разведчики, кара советского народа, настигшая Дутова и за толстыми, непробиваемыми пулями стенами крепости, окончательно подорвала у дутовских офицеров веру в возможность новой интервенции. В стане дутовцев воцарилась анархия. Кое-как державшееся Дутовым воинство стало расплзаться по своим станицам и поселкам.

Опасность нападения на нашу страну на этом участке границы миновала.

А спустя несколько месяцев наши части разгромили полки корпуса Бакича, того самого незадачливого генерала, первый сокрушительный удар по войскам которого был нанесен в конце апреля 1919 года в оренбургских степях, на берегах Салмышья.

Военное положение в Семиречье было отменено. В пограничной полосе наступила нормальная жизнь.

* * *

Потом Насыр Ушурбакиевич Ушурбакиев создавал в родном Семиречье первые колхозы, был председателем сельхозартеля «Труд пахталык», заместителем директора МТС. Пятнадцать лет проработал на Орском комбинате «Южуралникель», отсюда ушел на пенсию.

...Много лет прошло, но в памяти ветерана часто всплывают картины теперь уже очень далекого прошлого. Кажется, что он слышит топот копыт, видит тех всадников из 1921 года, которые неслись на лихих конях навстречу подвигу.

В. АЛЬТОВ Из огня революции

Как и все документы тех героических лет, это удостоверение было предельно лаконичным:

«Предъявитель сего тов. Богородский Федор действительно есть заведующий Особым отделом Оренбургской губернской Чрезвычайной комиссии, что подписью и приложением печати удостоверяется».

...Шел 1919 год. Совсем недавно были изгнаны из Оренбурга, окрестных волостей белоказахьи сотни кровавого атамана Дутова. Красные полки еще добивают в степях за Илецкой Защитой и под Актюбинском остатки Южной армейской группы Колчака и отступивших с ними дутовцев. В Оренбурге остались, ушли в подполье и всячески вредят Советской власти дутовские офицеры, бывшие промышленники, всякого рода уголовные элементы. Вокруг города, и особенно в отдаленных углах Оренбургского и Орского уездов, рыщут банды.

Когда после выписки из самарского лазарета моряк Федор Богородский приехал в Оренбург, куда был направлен в качестве члена коллегии и начальника Особого отдела, он, прежде всего, зашел представиться к председателю губчека Петру Романовичу Бояршинову.

Губернская Чрезвычайная комиссия размещалась тогда в бывшем купеческом особняке — в угловом двухэтажном кирпичном доме с толстыми аршинными стенами на краю Хлебной площади, на стыке улицы Петропавловской и Антошечкина переулка (сейчас площадь «Динамо», улицы Краснознаменная и Маврицкого). Пока ждал возвращения Бояршинова из губкома партии, успел узнать о нем многое. Чувствовалось, что его в городе знали и уважали за принципиальность и справедливость.

Это был рабочий-металлург из Златоуста, большевик с дореволюционным партийным стажем, один из первых чекистов. В Оренбург он был направлен с мандатом, подписанным председателем ВЦИК Яковом Михайловичем Свердловым.

Федор понял, что работать с этим человеком будет интересно. Впоследствии Богородский напишет в своих воспоминаниях:

Председатель губчека Бояршинов при первой встрече пожал мне руку и коротко спросил:

— Тебе понятна обстановка? Так вот, пистолет из рук не выпускай.

А через несколько дней в мое ночное дежурство кто-то бросил гранату в окно Чека. Взрывом разворотило угол дома, но, к счастью, жертв не было. На другой же день Чека обнесли колючей проволокой. Еще через несколько дней в Форштадте — окраинной части города — была раскрыта подпольная организация дутовских офицеров, печатавших листовки, призывающие к мятежу.

Вместе с другими чекистами Федор ходил в облавы, устраивал засады, арестовывал и допрашивал «контру» — затаившихся белогвардейцев. Дни были напряженными, заполненными до отказа. Такими же напряженными и тревожными были чекистские ночи. Трудно сказать, когда отдыхали эти смертельно уставшие люди с воспаленными от бессонных ночей глазами.

И мало кто знал тогда даже из самых близких товарищей Федора, что у старавшегося казаться строгим молодого чекиста (в ту пору ему шел двадцать пятый год) было страстное увлечение. В очень редкие свободные минуты он закрывался в своей комнате и спешил к сколоченному им самим мольберту.

Именно в те дни закончил Федор работу над автопортретом. Он изобразил себя в любимой флотской форменке, в бескозырке с надписью на ленточке: «Авиация Балт. флота» на фоне алого полотнища, на котором начертано лишь одно гневно звучащее слово: «Даешь!»

Потом он пишет «Человека с волами», «Портрет моряка Петра Белова», «Мужской портрет». В то время город на рубеже Европы и Азии буквально кишел бездомными мальчишками, и в Оренбурге Богородский сделал первые наброски большой серии полотен «Беспризорники», которая была замечена, принесла ему славу реалиста, заслужила высокую оценку народного комиссара А. В. Луначарского. Вот что вспоминал художник об оренбургском времени:

— Однажды утром, читая протоколы ночных обысков, я обнаружил знакомую фамилию. Это был известный петроградский музыкант. Я вызвал его к себе. Оказывается, он был уроженцем Оренбурга. Изучив материалы его дела, я понял, что этот человек явился жертвой доноса. Помолчав и отодвинув от себя браунинг, лежащий на столе, я сказал:

— Клянись мне, как артист, что вы никогда не пойдете против Советской власти!

Музыкант встал и взволнованно произнес:

— Клянусь честью артиста, что я советский человек!

— Тогда идите. Вы свободны...

Музыкант вышел. С тех пор я его не видел, но фамилию нередко читал в афишах и газетах.

...Эта история имела неожиданное продолжение. В 1933 году в московском Историческом музее открылась художественная выставка, посвященная 15-летию Советской власти. На стене одного из залов было развешено 18 моих произведений и среди них портрет «Братишка», который изображал меня самого, одетого в морскую форму.

Однажды я стоял около своих работ и, наблюдая за публикой, обратил внимание на пожилого гражданина, который внимательно смотрел на моего «Братишку». Что-то знакомое мелькнуло в лице этого человека, и через секунду я узнал его. Это был тот самый оренбургский музыкант, которого когда-то я освободил.

Гражданин, в свою очередь, остановил свой взгляд на мне, видимо, узнав в моих чертах что-то знакомое. Прошло несколько секунд. Вдруг он воскликнул:

— Послушайте, неужели вы тот самый матрос, который здесь нарисован и который был в Оренбурге?

— Да, — ответил я, — я был этим матросом. Мы крепко пожали друг другу руки.

Проходя по одной из улиц Оренбурга, я обратил внимание на вывеску: «Художественная выставка картин». Помню, как забилося мое сердце... Всколыхнулось что-то забытое, но бесконечно дорогое. Я вошел в помещение выставки, но она уже закрылась. Какие-то люди снимали картины со стен и приводили в порядок залы. Ко мне подошел гражданин, напоминающий актера. «Чем интересуетесь, товарищ?» — спросил он.

После моих объяснений мы познакомились. Он оказался художником Степаном Карповым, впоследствии игравшим одну из руководящих ролей в АХРР. Вскоре я познакомился и с другими художниками, жившими в Оренбурге. Среди них были С. Рянгина, В. Хвостенко и К. Николаев.

В конце 1919 года происходило слияние отдельных союзов работников искусств в единый профсоюз. По поручению местных партийных организаций я принял в этом участие.

Помню одно из собраний художников, посвященных созданию единого профсоюза. У меня не было штатского костюма, поэтому на собрание я пришел в своем обычном виде вооруженного матроса. Однако, как я заметил, и моя форма, и должность не мешали присутствующим искренне и горячо говорить об искусстве и его перспективах. Были забыты мелочи — бытовые недостатки казались ерундой, и мы мечтали... мечтали как художники, для которых в искусстве был заключен великий смысл нашей жизни...

В декабре я заболел сыпным тифом. Друзья-чекисты установили дежурство, и через месяц я стал оживать. Меня навещали художники. С теплым чувством я вспоминаю долгие зимние вечера в своей уютной комнате. Я уже иду на поправку. За окном подвывает снежная вьюга, а в печке потрескивает кизяк. Около меня сидят художники, и мы мечтаем о Москве, которая в нашем представлении неистово бурлит в великом созидательном порыве. Наконец пришло выздоровление.

Спустя некоторое время я был откомандирован на работу в Москву, в ВЧК.

В вагоне-теплушке нас ехало восемь человек военных. Посреди вагона была поставлена железная печурка, а вокруг нее лежали на соломе мы, далекие путешественники. Никогда не забуду я этой дороги... Морозный ветер дует в щели деревянного вагона. Назойливо стучат колеса и пытит докрасна накаленная «буржуйка»... Мелькают бесконечные остановки на каких-то безвестных станциях с разъяренными стуками в закрытые двери нашего вагона. Это пассажиры атакуют поезд.

Мы ехали две недели. Из восьми «пассажиров» шестеро заболели тифом, четверо умерли... Кто были эти четыре славных парня, за которыми мы ухаживали в тяжкие ночи, обнадеживая их скорым выздоровлением и возвращением в родную семью? И сколько было семей, так и не дождавшихся своих сыновей, отцов и мужей, погибших в эти суровые годы!..

В дороге первые дни, пока не было больных, чтобы скоротать время, рассказывали о себе, вспоминали разные случаи из своей короткой жизни.

Удивительной была жизнь Федора Богородского. Его судьба даже в то яростное время была настолько необычной, что товарищи, слушавшие его рассказ, не раз прерывали словами вроде: «А не врешь ты, Федька?»

Еще в детстве, в родном Нижнем Новгороде, он, учась в гимназии, увлекся цирком, у артистов-профессионалов прошел хорошую школу акробатики. В гимназии переполошились. Родители с трудом замяли скандал. Потом, будучи студентом юридического факультета Московского университета, одаренный юноша ухитрился сочетать учебу с самыми разнообразными увлечениями; снова цирк и стихи, съемки в кино в трюковых сценах и уроки живописи... Знакомство с Владимиром Маяковским, Сергеем Есениным, Велемиром Хлебниковым, Василием Каменским.

Весной 1916 года Федора Богородского мобилизовали и отправили в Петроград. Началась служба в учебном экипаже Балтийского флота. Он стал одним из первых в России морским летчиком. Направленный в корпусный авиационный отряд Юго-Западного фронта, Богородский так храбро сражается с немцами, что в очень короткое время становится полным Георгиевским кавалером. В июне 1917 года там же, в авиационном отряде, в котором летчиками в основном были вчерашние студенты, а техниками питерские рабочие, Федор вступает в партию большевиков, его избирают членом отрядного ревкома.

Осенним днем 14 октября аэроплан «фарман», на котором Богородский вылетел в разведку вместе с наблюдателем, был сбит германской артиллерией. Он чудом остался жив, но, сильно покалеченный, почти полгода провалялся в лазаретах, перенес несколько сложных операций. Буквально в последние минуты с помощью друзей смог покинуть город Дубно, в который уже входили немцы.

Окрепший после ранений, в марте 1918 года Богородский пришел в Москве в Центральный Комитет партии, попросил командировать его на работу в Нижний Новгород. Но совершенно неожиданно (по образованию — юрист) получил направление на самый трудный фронт тех дней — в ВЧК. Начались бессонные ночи. В большом доме на Лубянке жизнь не прекращалась ни на минуту, сутками напролет.

В мае Богородского переводят в Нижний Новгород, он начинает работать в следственной комиссии трибунала, а затем возглавляет отдел по особо важным делам. Одновременно сотрудничает в газете «Рабоче-крестьянский Нижегородский листок».

С началом наступления Деникина на Москву жизнь Богородского снова делает крутой поворот.

В 1919 году Деникин начал свой основной поход против Советской власти... Наши войска терпели поражение за поражением. Белые приближались к Москве. Положение Советской Республики становилось более чем серьезным.

На собрании коммунистов губчека было решено послать добровольцев на фронт. В числе многих товарищей пошел и я. Меня назначили в политотдел Волжской военной флотилии.

1 мая 1919 года толпы народа высыпали на улицы, украшенные красными стягами и флагами. Чекисты в черных кожаных тужурках стройными рядами шли по Б. Покровке, возглавляя демонстрацию трудящихся. Мне выпала честь нести знамя.

На другой день я уже был на пароходе, где разместился политотдел Волжской военной флотилии. Отгудели гудки, прогремели трапы, отданные концы упали в бурлящую воду, и наше судно медленно отшвартовалось от стенки. В кают-компани собралась матросы. Какие только надписи не пестрели на ленточках их бескозырок! «Россия», «Рюрик», «Гангут», «Петропавловск», «Самсон», «Олег»...

Но вот неожиданно раздались звуки рояля... Сразу почувствовалось, что играет мастер. Матросы затихли — сквозь мерный шум машин возникли глубокие аккорды Чайковского. Играл юнга. Синий воротник белой форменки взбился на плечах, ленточки бескозырки прижались к щекам, но пальцы умело и решительно бегали по клавишам. Это был молодой пианист (впоследствии известный музыкант) Виктор Городинский, шедший с нашим отрядом на фронт.

Около Саратова группа моряков, а среди них и я, отделилась, чтоб сесть на поезд. Крупные отряды балтийских и черноморских матросов шли на Дон, где орудовал генерал Краснов. Донской флотилией командовал капитан Делло, а военкомом был балтиец Андрей Бабкин. Я был назначен комиссаром отряда судов Нижнего Дона.

Но мы уже запаздывали. Белое казачество наступало на флангах, и мы были вынуждены покинуть занятые были позиции... Около тысячи матросов шло по выжженным донским степям. Днем нас жгло пылающее солнце, а по ночам жали казаки. В покинутых селениях было пусто. Пить из колодцев мы опасались: вода могла быть отравлена. Пали лошади, усталые руки тащили обозные повозки. Увязшие орудия матросы выволакивали на своих спинах... Ползли тяжкие дни. Голодные, оборванные матросы несли раненых и больных, но ни одной жалобы не было слышно среди измученных людей! Это шла великая русская сила! Шли «братишки», чтобы опять расправить свои плечи в полосатых тельняшках и ураганом снести с лица земли белогвардейскую сволочь!

Во время этого похода я помню один необычный вечер. Только что отпылал раскаленный закат, как вдруг мы увидели огни костров цыганского табора. Костры горели среди повозок с сидящими людьми в пестрых одеждах.

Не прошло и получаса, как зазвенели гитары, затрепетала старинная таборная песня, и началась пляска, как степной пожар. Синие, желтые, красные, зеленые юбки запылали огненными цветами. Словно в штормовом ветре заметались костры, брызгами искр освещая и дрожащие плечи девушек, и черные бороды цыган, и пулеметные ленты на матросских бушлатах!

Но вот занялась заря. Потухли огни, и снова матросы покатали орудийные колеса, вязнущие в изрытой земле.

* * *

Наконец мы подошли к Царицыну. Опустели улицы города, зияли разбитые окна домов. К окраинам спешили вооруженные рабочие отряды. По ночам вспыхивали артиллерийские взрывы.

Часть наших матросов была влита в Волжско-Каспийскую военную флотилию, а часть — в пехоту 10-й армии, защищавших Царицын.

В один из вечеров наш десантный отряд пробирался к Сарепте. Буксирный пароход с трехдюймовками на баке и юте держался низкого берега. Тихо шлепали плицы колес по штилевой воде. Вот и Сарепта. Почти все жители покинули ее. Быстро прыгнули мы с судна и залегли в канавах и брошенных окопах. Потянулись тревожные часы ожидания.

Далеко на туманном горизонте забрезжила розовая заря. У фиолетовой опушки леса показались темные силуэты всадников — приближались казачьи сотни. Вот они уже близко. Без выстрела мы подпускаем их к себе. Минута — и затарахтели наши пулеметы, пошли первые цепи моряков, лязгая затворами винтовок. Побежал и я, сжимая гранату в потной ладони...

Черная земля вспыхивала как смерч от глухих взрывов, крики «ура» сплетались со стонами. Вот уже все моряки ошетинились штыками — это двинулась в контратаку несокрушимая русская «черная смерть» в бушлатах и бескозырках...

Еще минута — и мы ворвались в рев и гул пылающего боя...

1 июля 1919 года в Царицын вошли первые денкикинские казачьи сотни.

В этот день катер, на котором мы переплывали Волгу, был подбит артиллерийским снарядом. Меня, тяжело контуженного, выбросило на берег. Почти двое суток я лежал без движения на песке в двух метрах от воды. Солнце обжигало голову, нестерпимая жажда мучила меня, но я не мог пошевелить даже пальцем. За это время вся жизнь пронеслась предо мною... Я примирился со смертью, и только мысль, что меня могут найти белогвардейцы, пугала беспредельно.

Ночью я услышал шаги. «Вот и конец», — решил я. Шаги приближались.

— Стоп, братва! — вдруг послышался хриплый голос — Здесь еще лежит кто-то. Э, да это «братишка» какой-то. Мертвый.

Чего я только не делал в этот момент: моргал затекшими глазами, хрипел...

— Ребята! Да ведь он живой! — услышал я как в полусне.

...Не помню, когда я очнулся. Меня тащил на плече матрос. Их было пять человек, они еле брели, часто

присаживаясь на землю.

Тащили меня посменно. У одного из них был оторван рукав и у локтя синела татуировка «Любка-сука». Когда я висел мешком на его плече, перед моими глазами маячила эта надпись — видно, злополучная «Любка» причинила моему «братишке» немало горя.

Не помню, сколько времени мы тащились по заросшему берегу Волги. Пуще всего боялись мы попасть в руки белых...

Ночью мы услышали крик:

— Стой, кто идет?

Бессильные, прижались мы к земле.

— Э, да это наша братва! — успокоенно проговорил кто-то.

В лазарете я лежал вместе с моим спасителем. Его звали Васей. Стоит ли говорить, как дорог был мне этот голубоглазый кудрявый черноморец.

Здесь мне хочется забежать вперед.

В 1931 году мне пришлось быть в Севастополе. Оранжевое солнце горело в васильковом небе. Изумрудное море дремало в каменных берегах.

Но город был неспокоен. У Приморского бульвара шла траурная процессия. На грузовиках лежали гробы с матросскими бескозырками. Народ безмолвно шел за ними. Во время маневров затонуло судно, и вот теперь хоронят погибших матросов. Пошел и я на кладбище. Оно раскинулось среди кипарисов и пирамидальных тополей на высокой горе. Товарищи рыли могилы. Около меня пожилой военный откидывал землю лопатой. Рукава его фланелевки были засучены, и вдруг у его локтя я увидел знакомую татуировку: «Любка-сука»!

Трудно описать нашу задушевную встречу! Ведь это был мой царицынский спаситель!

После излечения Богородский работает в губчека в Оренбурге. Отсюда через год его отзывают в Москву. Несколько месяцев ходит он на службу в знакомый дом на Лубянке. Но все больше беспокоят его старые раны и контузии, он чувствует, что ему уже труднее дается не знающая ограничений во времени чекистская служба. А работать вполсилы, давать себе поблажки он не умел. К тому уже его неудержимо влечет к себе живопись, хочется воплотить в жизнь все то, что накопилось в многочисленных набросках и эскизах.

Богородский вспоминал:

Спустя несколько месяцев меня потянуло на родину. Мне казалось, что настало время заняться живописью, и я решил уйти из ВЧК. Мое заявление попало к Ф. Э. Дзержинскому. Я был вызван к нему, и вот я увидел этого изумительного человека, память о котором навсегда осталась в моем сердце.

Волнуясь, я вошел в кабинет. Дзержинский сидел за большим столом, заваленным книгами и рукописями. Он поднял голову и внимательно окинул меня пристальным взглядом своих светлых серо-зеленых глаз.

— Хочешь уходить из ВЧК? — вдруг спросил он меня.

— Так точно, товарищ Дзержинский. Хочу учиться, чтоб быть художником.

— Художником? — переспросил Дзержинский.

Я объяснил, что в свое время увлекался живописью и что теперь, по-моему, настало время, когда можно переключиться на культурную работу.

Никогда не забуду, как он разъяснял мне, что работа чекиста именно и является борьбой за новую, социалистическую культуру, только своим методом...

Я уходил от Дзержинского счастливым — на моем заявлении его рукой было написано, что я откомандирован в распоряжение ЦК РКП(б).

Через несколько дней я был принят наркомом просвещения А. В. Луначарским. Наркомат уже переехал с Крымской площади на Сретенский бульвар. Луначарский занимал большой кабинет, покрытый пестрым ковром. На стене висела картина художника Пчелина, изображающая А. В. Луначарского с секретарями. Это довольно большое полотно было, пожалуй, лучшее, написанное в годы революции Пчелиным. В кабинете у окна сидела секретарь-машинистка.

Анатолий Васильевич встретил меня очень любезно. Он, оказывается, слышал обо мне, где-то читал мои стихи и знал, что я уже выставлялся на выставках. После оживленной беседы он встал и, шагая по коврам, стал диктовать машинистке:

«Осведомленный о командировке Центральным Комитетом РКП(б) на работу в Вашей губернии т. Ф. С. Богородского, с своей стороны считал бы чрезвычайно желательным назначение его на пост заведующего Художественным отделом.

А. Луначарский (№ 168, 24 ян. 1920 г.)».

Перед отъездом в Н. Новгород я как-то зашел в кафе «Домино». Обе комнаты были заполнены публикой, распивающей суррогатный кофе с сахарином и поедающей знаменитые «бутерброды» — пластинки вареного картофеля с положенной на них морковкой.

Уж не помню, как я очутился на эстраде и стал читать свои стихи. Возможно, мой друг Каменский, так сказать, «подначил» меня на этот шаг. Мои стихи заканчивались так:

Фуражка вломана в затылок
И шпалер всунут в брюки клеш.
Какая дьявольская сила

В девизе пламенном «Дашь!»

Публика бурно реагировала на мое выступление. Ей, видимо, понравилась эта необыкновенная ситуация — вооруженный матрос читает стихи!

Совершенно неожиданно на эстраду вскочил С. Есенин. Он поднял руку, чтоб успокоить публику. Аплодисменты смолкли, и Есенин сказал:

— Товарищи! Да разве вы не понимаете, что сейчас выступал не просто матрос, а профессиональный поэт в форме матроса? А стихи его очень шумные, но плохие!

Среди переполоха и криков на эстраде вдруг появился человек в кожаной куртке, со всклокоченными черными волосами и бородой. Энергично жестикулируя, он кричал, что Есенин — маменькин сынок, что он не терпит чужого успеха и что только он, Блюмкин, знает секреты настоящей поэзии, бурной, как шквал.

Я не помню, что еще орал испуганным голосом Блюмкин, но был поражен, когда соседи по столу сообщили мне, что это тот самый Блюмкин, который убил Мирбаха, и что он пишет «анархистские» стихи.

Поздно вечером я вернулся в Лоскутную гостиницу у Охотного ряда, где обитали моряки. Номер был нетоплен, электричество не горело, в желудке было пусто, но я лег спать в прекрасном настроении: ведь в ближайшие дни я уезжал на родину, чтоб стать художником.

* * *

Я опять в своем милom Нижнем! С Канавинского вокзала ехал я на извозчике. Лошадка весело бежала по заснеженному пути через широкую Оку. В розовом тумане виднелась гора с кремлевскими стенами. Тишина окутала белую реку. Проехали засугробленный Нижний базар. Медленно поднялись по Зеленскому съезду на Благовещенскую площадь. Промелькнула мужская гимназия, и усталая лошадь остановилась на Тихоновской улице у знакомого желтого забора. Заскрипели ворота, и взору открылся двухэтажный деревянный домик, в котором прозвенело мое детство...

Не прошло и недели, как меня опять свалил тиф, на этот раз возвратный... Выздоровление шло медленно, появился зверский аппетит, а есть нечего... Но на то и созданы матери, чтобы спасти своих детей! Чего только не придумывала моя мать, чтобы хоть как-нибудь накормить меня...

Наконец я на ногах. Секретарь губкома РКП(б) встретил меня гостеприимно. Казалось, что все уже в порядке, и я, сняв матросскую робу, займусь долгожданными делами искусства. Однако мне пришлось идти работать в Военно-морской трибунал в качестве начальника следственной части. И вместо кистей в руки опять был взят браунинг.

Лишь спустя несколько месяцев, когда обстановка в губернии стабилизировалась, Богородского избрали председателем правления губернского союза работников искусств. Теперь он получил, наконец, возможность заниматься живописью. Но скоро понял, как не хватает ему знаний.

Осенью 1922 года Федор Семенович возвращается в Москву и поступает во ВХУТЕМАС — известнейшее учебное заведение тех дней. Он учится у видного русского художника Абрама Ефимовича Архипова. И снова занятия в Высших художественно-технических мастерских пытается сочетать с другими увлечениями — пишет стихи и выступает на эстраде.

Успешно завершив учебу во ВХУТЕМАСе, Богородский вместе со своим другом художником Егором Ряжским по командировке Наркомпроса, подписанной Луначарским, отправляется в длительную заграничную командировку.

По приглашению Максима Горького Федор Семенович полгода живет на Капри, в Сорренто. Там создает портреты великого русского писателя и его друга Стефана Цвейга и целую серию итальянских пейзажей, жанровых полотен, портретов.

Его картины все чаще появляются на союзных и зарубежных выставках. Очень строгая в выборе произведений живописи Государственная Третьяковская галерея покупает картину Богородского «Матросы в засаде».

Он много ездит по стране: по индустриальным центрам Поволжья, Донбассу, Белоруссии, Крыму, по старым городам Подмоскovie. Каждая поездка — это новые наблюдения, эскизы, законченные работы. На шахте «Смолянка» пишет портреты передовых шахтеров.

В годы Великой Отечественной войны, с первого налета вражеской авиации на Москву, Федор Семенович дежурит ночами на крыше Дома художников.

В трудные дни ноября 1942 года Богородский отправляется в Сталинград. Под огнем, лавируя между льдинами, лодка, в которой вместе с солдатами переправляется уже немолодой, совсем седой художник, с трудом достигла правого берега. Два месяца провел он среди моряков из бригады морской пехоты. Здесь под почти непрерывным обстрелом, под бомбежками Федор Семенович работал над групповым портретом защитников Волжской твердыни, которые насмерть стояли на рубеже Банного оврага. Это были легендарные герои. Когда гитлеровцы прорвались почти к самой Волге, моряки поднялись в контратаку. В полный рост и с яростным криком: «Полундра!» они так стремительно рванулись навстречу фашистам, что те повернули вспять. Богородский писал эскиз за эскизом под грохот канонады. Писал и вспоминал свою молодость, такую же лихую контратаку в этих местах на подступах к Царицыну в конце июля девятнадцатого года, когда он — комиссар, сжимая в правой руке гранату, повел «братишек» на врага.

Недолго высидел дома после благополучного возвращения с берегов Волги. В марте 1943 года Богородский с

военными летчиками прилетел в осажденный Ленинград. И здесь он — в родной стихии, среди моряков Краснознаменного Балтийского флота. Потрясенный мужеством защитников города, ленинградцев, он жил и вдохновенно работал в блокадном городе, пока не попал под артиллерийский обстрел. Тяжело контуженного художника вывезли на Большую землю.

Осенью 1944 года его можно было встретить на наших фронтовых аэродромах в Румынии и Венгрии со строгим предписанием авиационного генерала:

«Окажите тов. Богородскому всемерную помощь в выполнении его ответственной и очень важной работы».

Он создаст монументальное полотно «Слава павшим героям». В тысячах репродукций картина расходится по всей стране, она воспринимается как памятник героям, отдавшим жизнь в тяжелейшей битве за Родину. Когда создавалась серия марок, посвященная двадцатилетию Победы, из массы картин и плакатов о Великой Отечественной войне было отобрано для репродуцирования всего шесть работ, и среди них эта картина академика Федора Семеновича Богородского.

Необычайно разнообразна палитра художника: он пишет батальные полотна и портреты, пейзажи и натюрморты, жанровые картины и миниатюры.

Его работы представлены в лучших художественных сокровищницах страны: в Государственной Третьяковской галерее, в Русском музее, в Музее Революции, в Центральном музее Советской Армии, в государственных картинных галереях Украины и Белоруссии, в музеях Горького, Воронежа, других городов.

Картины Федора Семеновича Богородского совершают триумфальное шествие по выставочным залам Варшавы, Софии, Венеции, Парижа, Нью-Йорка, Берлина, Неаполя, Токио, Пекина, Рима, Стамбула.

Он стал одним из крупнейших живописцев нашей страны. А начинался его творческий путь как художника-реалиста в Оренбурге, где в суровые дни девятнадцатого-двадцатого годов молодой чекист Федор Богородский пробовал свои силы в живописи.

И. БОРИСОВ

На стратегическом направлении

Синие густые тучи постепенно заволакивали небо. Руководитель оперативной группы майор Алексей Максименко и оперативный уполномоченный сержант Виктор Соколов, медленно прохаживаясь по опушке леса, не замечали приближения грозы. Их занимало другое.

Неделю тому назад они послали в Витебск разведчика Владимира Лютко: он должен был собрать сведения об обстановке, а главное — договориться с врачом туберкулезной больницы Ксенией Сергеевной Околович о ее встрече с руководителем группы.

По указанию Витебского обкома партии чекистская группа Алексея Петровича Максименко обосновалась под Витебском, в поселке торфозавода, в апреле 1942 года. Этому предшествовали такие события.

В начале января части Красной Армии на Витебском направлении перешли в наступление. Гитлеровские войска после поражения под Москвой еще оказывали упорное сопротивление, но вынуждены были отступить почти на 250 километров. Наши войска вплотную подошли к Витебску.

И хотя гитлеровскому командованию, перебросившему на участок Витебск — Сураж значительные подкрепления, ценой огромных потерь удалось приостановить наступление наших войск, оно не смогло залатать большую прореху на стыке между группами фашистских армий «Север» и «Центр», от Усвят Витебской области до Велижа Смоленской. Возник почти сорокакилометровый разрыв по фронту, который вскоре стал называться «Суражскими воротами». На территории «ворот» полными хозяевами стали партизаны.

Проведав с бреши в обороне гитлеровцев, на Большую землю устремился поток жителей Витебска, других областей Белоруссии и даже Прибалтики. Не исключалось, что фашистская разведка в потоке беженцев попытается забросить в тыл Красной Армии своих агентов и диверсантов. Опросом беженцев о положении на оккупированной территории, действиях гитлеровцев и их пособников, выявлением вражеской агентуры и поручили заняться спецгруппе капитана Максименко.

Однажды дозорные чекистов задержали группу мужчин, выходящую из города. Старший из них оказался бывшим начальником 29-го стрелкового корпуса полковником П. Н. Тищенко. В беседе с Алексеем Петровичем он с восхищением рассказывал о враче Ксении Околович: она спасла его, большую группу раненых командиров и бойцов Красной Армии, снабдила их надежными документами, организовала их уход в партизанскую зону.

Прошло некоторое время, и Алексей Петрович вновь услышал хорошие вести о враче Околович. На этот раз разведчик Владимир Лютко привел из города коммунистов Павла Киришина, Алексея Торопина, Зинаиду Козыреву-Юманову и Ивана Оскера. Спасая патриотов от ареста, Ксения Сергеевна выдала им справки о том, что они находились на излечении, а сейчас возвращаются в свои родные деревни. Узнал Максименко и о большой личной трагедии врача — гитлеровцы недавно расстреляли ее брата Бориса, работавшего начальником производственного отдела городской управы в Витебске.

Вот тогда Максименко и послал своего гонца Лютко к Околович: предупредить, чтобы Ксения Сергеевна, потрясенная горем, была все же осмотрительнее, выяснить, сможет ли она хотя бы на один день отлучиться с работы, чтобы встретиться с «людьми из Москвы».

Лютко, коренастый мужчина лет тридцати, появился с опозданием.

— Рад вас видеть живым-здоровым, Владимир Станиславович, — Максименко крепко пожал руку разведчика.

Лютко рассказал, что немцы в последние дни в разных местах города выставили дополнительные посты, проводили облавы и аресты. Пришлось отсиживаться у надежных людей. Виделся с Ксенией Околович. Убедившись, с кем имеет дело, доктор без колебаний согласилась помогать чекистам и, если нужно, встретиться.

— Гроза приближается да еще, видать, с градом, — сказал Виктор Соколов. — Надо бы поторапливаться.

— Дай бог, чтобы с градом... Вы бегите к домику, готовьтесь к обеду, а я тут, — Алексей Петрович виновато улыбнулся, — душ попытаюсь принять.

— Какой душ? Да еще в ваши годы, Алексей Петрович, — удивился Виктор. Ему, двадцатипятилетнему здоровяку с копной волнистых волос, сорокалетний худощавый начальник с большими залысинами казался пожилым человеком. — Так и воспаление легких схватить можно.

Соколов и Лютко вприпрыжку побежали к домику, а Алексей Петрович торопливо разделся, спрятал одежду под разлапистую ель и опрометью выскочил на поляну: в грозу надо быть подальше от высоких деревьев.

Молнии неистово кромсали красными полосами небо, ливневый дождь вперемежку с градом хлестал мускулистое, крепко сбитое тело Алексея Петровича, а он, словно ребенок, радовался буйству природы и, что-то напевая, подставлял то спину, то грудь ударам града. Так, пока шел дождь с градом, принимал необычный душ Алексей Петрович.

Дождь прекратился быстро, догорали зарницы затихающей грозы. Дышалось легко и свободно. Бодрое, приподнятое настроение охватило Алексея Петровича. И причиной этому был не только «самый лучший в мире душ». И даже не то, что недавно Максименко присвоили звание майора. Главное — дела везде пошли на лад: немецкая военная машина явно начала выдыхаться, на долгие месяцы застопорилась перед Севастополем, все чаще радио сообщает о дерзких операциях белорусских, украинских и брянских партизан. Вот и здесь, под Витебском, появилась обширная, на десятки километров, партизанская зона, а в самом городе набирает силы подполье, успешно действуют разведывательно-диверсионные группы, которыми руководит он. Весь народ поднялся на борьбу с фашистами.

При подходе к поселку Алексей Петрович увидел, как из дома, где располагались чекисты оперативной группы, выбежали сержант Соколов с каким-то дедом и устремились к нему:

— Товарищ майор, немцы нагрянули в деревню Колбасы. Грабят! — доложил Соколов.

— Да, да, свиней и курей забирает супостатская нехристь, — подтвердил дед. — Бабы и послали меня к вам. Помогите, сынки.

Быстро расспросив деда о силах немцев («двадцать нехристей на двух тамобилях»), Максименко принял решение: он с Соколовым и группой из десяти партизан на лошадях скачут наперерез немцам, лейтенант Мишин с пятью бойцами (остальные находились в дальних дозорах) так же на лошадях врываются в Колбасы и обстреливают грабителей, гонят их к месту засады.

Как ни спешили, одной автомашине удалось благополучно выскользнуть из ловушки. Другой же «тамобиль», подгоняемый винтовочной и автоматной пальбой группы Мишина, застрял в грязи у перекрестка, где успел устроить засаду Максименко. Схватка получилась скоротечной и результативной: было уничтожено семь гитлеровцев, подбита автомашина, захвачены винтовки и пулемет.

— Лихо ты разделался с грабителями. С успехом тебя, друже! — первым поздравил Максименко командир отряда Бирюлин и, хитровато улыбнувшись, добавил: — А может, и с настоящим боевым крещением? Видать, кровь казачья заговорила.

С кровью Бирюлин не ошибся, а вот с боевым крещением у него вышла явная промашка. Но Максименко не стал поправлять своего друга.

Родился Алексей Петрович в городе Орске в семье безземельного казака. Отец его, Петр Осипович, до революции работал кровельщиком, а с первых дней Октября бывший урядник казачьего полка вступил в Красную гвардию, затем служил в Красной Армии, участвовал в боях против колчаковцев и белоказачьих атаманов. Несколько раз был ранен. Раны эти и свели в могилу в 1922 году тридцатипятилетнего казака-коммуниста.

Отец мотался по фронтам гражданской войны, а Алексей с тринадцати лет пошел зарабатывать себе на хлеб: работал рассыльным в уездном комиссариате, учеником в шорной мастерской, батрачил у кулаков. Но везде любознательный юноша не расставался с книгой. В 1925 году в жизни двадцатилетнего секретаря губернского отдела профсоюза пищевой промышленности комсомольца Алексея Максименко произошло важное событие — обком партии направил его на работу в органы ОГПУ. Служить довелось в Сырдарьинском губернном отделе ОГПУ, в Каракалпакии, где еще орудовали банды басмачей. Тогда и получил молодой чекист первое боевое крещение, а в его личном деле появилась лаконичная запись: «Принимал активное участие в ликвидации бандитизма. Показал себя смелым, решительным и энергичным». В те годы он стал коммунистом, получил первую награду — именной пистолет.

Война застала Максименко в Орше, где он работал начальником городского отдела НКВД. Там — в схватках с десантниками противника — боевое крещение продолжалось, там же, в лесах под Оршей, он закладывал базы с оружием, продовольствием, медикаментами для будущих партизан и подпольщиков, помогал горкому партии подбирать этих будущих партизан. Предполагалось, что и он, Максименко, останется в районе, будет одним из руководителей подполья, однако обстоятельства сложились так, что его назначили начальником оперативно-чекистской группы, «обслуживающей» оккупированный гитлеровцами Витебск.

И здесь Алексей Петрович, обладающий особым чутьем на надежных людей, имеющий богатый опыт оперативной работы, быстро подтвердил правоту своего давнего начальника, который еще за десять лет до войны писал в аттестации, что «Максименко хорошо ориентируется в меняющейся обстановке». Он встретился с Ксенией

Сергеевской, долго беседовал, похвалил смелого и находчивого врача за помощь советским патриотам, посоветовал быть осторожнее, привлекать к подпольной работе только хорошо знакомых, надежных людей, постоянно помнить о поднаторевших на провокациях ищейках абвера и СД.

Максименко был доволен: с помощью врача Околович можно будет обеспечить надежными документами разведчиков, подрывников, связных. Забегая вперед, скажем, что К. С. Околович снабдила такими документами около ста человек!

Из сообщений Владимира Лютко, Ксении Околович, Федора Мехова, Константина Шутова, Андрея Гоголи, Ивана Иотко и других разведчиков начальник оперативной группы знал многое об обстановке в городе. Сведения о расположении в Витебске военных объектов оккупантов через специальных курьеров своевременно передавались руководству областной чекистской группы. Используя эти данные, советская авиация не раз наносила мощные удары по врагу.

Наряду с разведкой подпольщики, руководимые капитаном Максименко, занимались и диверсиями. В мае 1942 года комсомольцы Андрей Гоголя и Иван Иотко вблизи станции Княжица пустили под откос воинский эшелон. В октябре Иван Василенко, Федор Мехов, Константин Шутов и Андрей Гоголя в трех километрах от Витебска уничтожили эшелон со строительными материалами, следовавший к линии фронта.

Однако подрывников сковывало отсутствие взрывчатки, не говоря уже о специальных минах. Но они не сидели сложа руки: сожгли склад с воинским обмундированием, так называемые государственные имения в Подберезье, Кашино и Андриановичах...

Алексей Петрович не раз просил Центр прислать ему толовые шашки, магнитные мины, но получал отказ. Несмотря на это он подбирал смелых и решительных патриотов — будущих подрывников.

Майор Максименко вынашивал большие планы на будущее. 8 ноября он, после тщательного инструктажа, проводил в Витебск Федора Нононова и Ивана Наудюнаса. Им предстояло привести в исполнение народный приговор над предателем Брандтом, редактором фашистской газетенки «Новый путь» (26 ноября он был уничтожен). Подбирались «ключи» к окружному комиссару Фишеру, командиру карательного полка фон Гуттену, начальнику фельдкомендатуры фон Швайдницу. Но неожиданно для Алексея Петровича в середине октября 1942 года его отозвали в Москву.

Внимательно выслушав доклад майора о работе, проделанной группой в Витебске, и обстановке в городе, комиссар госбезопасности спросил его:

— Как вы смотрите, товарищ Максименко, если направим вас на довоенное место работы — в Оршанский район? Вы трудились там и, конечно же, хорошо понимаете значение для противника крупного железнодорожного узла в Орше. Исключительно важную, пожалуй, главную для гитлеровцев магистраль Берлин — Смоленск здесь пересекает железная дорога Ленинград — Киев. Гитлеровцами также активно используется шоссе Брест — Москва, которое проходит вблизи города.

— Да, проходящие через Оршу магистрали имеют стратегическое значение, — согласился с комиссаром Максименко.

— По имеющимся у нас данным, — продолжал комиссар, — в окрестностях Орши дислоцируется несколько партизанских бригад, в городе действует патриотическое подполье. Однако там нет опытного чекиста, который сумел бы организовать и возглавить диверсионную и разведывательную работу. Все это вам по плечу. Поэтому мы и решили назначить вас руководителем специальной группы «Неуловимые», основные задачи которой будут состоять в том, чтобы парализовать работу Оршанского узла, застопорить движение к фронту эшелонов с живой силой и техникой.

— Задание серьезное, — задумался Алексей Петрович и, помолчав, сказал: — Я солдат партии. Можете не сомневаться, что я приложу все силы, опыт и знания, чтобы достойно выполнить его. Но я очень прошу выделить в мое распоряжение квалифицированного, надежного радиста и в достатке обеспечить мою группу взрывчаткой, а главное — магнитными минами.

Просьбу Максименко уважили: в группу включили «Сокола» — семнадцатилетнего комсомольца Бынаева Владимира, только что с отличием окончившего курсы радистов. Обещали взрывчатку и другое вооружение.

В те же дни Белорусский штаб партизанского движения назначил майора Максименко заместителем командира по разведке партизанской бригады имени Константина Заслонова.

18 мая 1943 года самолет доставил майора Максименко и его группу — трех опытных подрывников — на партизанский аэродром под Бегомлем, и вскоре Алексей Петрович отвечал на дотошные вопросы партизан о Москве, о жизни на Большой земле. В первые же дни, не откладывая дела в долгий ящик, с помощью Леонида Кондратьева (Туманова) он познакомился — пока заочно — и с разведчиками, которым удалось внедриться в различные оккупационные учреждения в Орше.

На помощника командира «Неуловимых» явно повезло: Кондратьев был одним из ветеранов Оршанского подполья, долгое время выполнял разведывательные задания командования бригады, а когда над ним нависла угроза ареста, ушел в лес.

— Разведчик Шульга — Исаченко Евгений Филиппович до войны работал в Оршанском горсовете. Сейчас сотрудник городской управы, — докладывал Кондратьев. — Богдановский Сергей...

— Богдановский? Сергей Ануфриевич?.. — перебил Кондратьева Максименко. — Так? Я его знаю. Хозяйственный мужик, честный человек. До войны работал в промысловой кооперации. Был оставлен горкомом для подпольной работы. Интересно — где и под какой крышей он устроился? Какие задания выполняет?

— При немцах Сергей Ануфриевич на «повышение» пошел, — улыбнулся Кондратьев. — Стал начальником

торгового отдела райуправы. Крыша хорошая, и он ею умело пользуется. Создал подпольную группу, в которую вошли экономист Петр Балашов, землеустроитель Василий Дервоед, агроном Петр Швердов, рабочий Яков Агеенко. От них мы получаем разведывательную информацию, оружие и боеприпасы, медикаменты.

— Молодцы разведчики, — похвалил Максименко. — А кто диверсиями занимается?

— С диверсиями сложнее, — вздохнул Кондратьев. — И это не вина подпольщиков: нет специальных мин. Раньше вырубали бутылки с зажигательной смесью, но и они кончились. Вот мой друг по подполью Николаев просьбами засыпал: пришлите да пришлите мины. А где их взять?

По просьбе майора Леонид рассказал ему о «Николаеве» — Дмитрии Бохане. До войны учился на физико-математическом факультете Витебского пединститута. В оккупированной Орше с помощью Евгения Исаченко устроился помощником землеустроителя. Имеет постоянный пропуск для хождения по городу. Созданная «Николаевым» подпольная группа — одна из лучших в городе.

Через несколько дней Алексей Петрович встретился с Дмитрием Боханом. Начало беседы несколько озадачило Максименко. На его вопрос: «Как живете-поживаете, Дмитрий Никитович?» тот ответил: «Плохо, если не сказать резко».

— Совсем плохо?

— А что хорошего? Фашисты в металл заковались. На технику богаты. Их голыми руками не возьмешь. Подпольщикам нужны мины.

— Сейчас не сорок второй, а тем более — не сорок первый год. Будут мины. Притом разные.

— Может, сейчас же дадите?

«Горячий, видать, парень, надо сдерживать», — подумал Алексей Петрович.

Слушая неторопливый рассказ Бохана, бывалый чекист понял, почему этот неказистый с виду девятнадцатилетний паренек возглавил боевую подпольную организацию. Дотошное знание почти всех расположенных в городе частей и подразделений противника, режима охраны станции, баз и складов, лаконичные, но емкие характеристики пособников — все это говорило об исключительной памяти и редкой наблюдательности Дмитрия Бохана. А главное, убедился начальник бригадной разведки, — Бохан хорошо знал сильные и слабые стороны своих боевых соратников, их способности и склонности.

Затем Максименко встретился с Евгением Исаченко, Сергеем Богдановским, Георгием Щербо, а также с Верой Евсюкевич и Верой Демешкевич, которые часто бывали в Орше, были знакомы с многими подпольщиками, хорошо ориентировались в обстановке в городе.

И только после этого Алексей Петрович через Веру Евсюкевич и других связных передал им несколько мин.

Вернувшись из Орши, Вера Евсюкевич доложила, что мины вручила лично Дмитрию Бохану, что Георгий Щербо создает диверсионную группу и тоже просит прислать мины. Подбирает для своей группы патриотов и Григорий Бохан.

Мины им были посланы, и вскоре одно за другим начали поступать сообщения о диверсиях на железной дороге. Одним словом, уже через несколько недель после прибытия в партизанскую бригаду майору Максименко было о чем доложить Центру, подпольному Оршанскому райкому партии, членом которого он недавно стал.

Однако в эти июньские дни от разведчиков начали поступать и тревожные данные: гитлеровцы заметно усилили охрану железнодорожной станции, после каждой диверсии форсированными темпами производят ремонтные работы на железной дороге, в июне значительно возросло количество эшелонов, следующих на фронт с живой силой, танками, орудиями, боеприпасами, особенно с горючесмазочными материалами.

Майор Максименко доложил командиру бригады Селицкому данные разведчиков. Посоветовавшись в штабе, решили еще крепче «оседлать железку», еще чаще взрывать вражеские эшелоны, основательно застопорить их движение в сторону фронта. Подрывники бригады почти целиком переключились на «обслуживание» железной дороги, активизировали диверсии на магистрали и другие партизанские бригады и отряды. Максименко ж тем временем, попросив Центр прислать как можно больше толу и магнитных мин, встретился с Дмитрием Боханом, Георгием Щербо, другими руководителями диверсионных групп. Разговор с ними был об одном — превратить Оршу в кладбище для вражеских эшелонов.

И вскоре, именно в дни сражения на Курской дуге, всегда вызывавшая у гитлеровского командования страх Орша стала настоящим адом: на станции почти каждые сутки громыхали взрывы, огонь «слизывал» многие эшелоны с горючим, переплавлял танки и орудия.

Ищейки оршанского отделения ГФП — тайной полевой полиции, сотрудники СД отчаянно метались в поисках диверсантов, по малейшему подозрению налево и направо хватили местных жителей, «народников» и даже чистокровных арийцев, но диверсии продолжали потрясать станцию и железную дорогу. То же отделение ГФП вынуждено было сообщать своему начальству:

3.7.1943 г. произошел взрыв состава с бензином. Состав стоял в тупике Орша-Западная... В тот же день, в 19 часов, на перегоне Орша — Погодино загорелся состав с нефтью и полностью сгорел...

15.7.43 г. на перегоне Орша — Кричев загорелся состав с горючим. Состав шел через станцию Орша...

16.7.43 г. на перегоне Орша — Кричев загорелся состав с горючим, следовавший из Орши...

28.7.43 г. на станции Орша-Центральная подорван состав с горючим... (Партархив института истории партии при ЦК КПБ. Ф. 4855, оп. 2, л. 133, 150).

Благодаря архивным документам — сохранившимся сообщениям связных, отчетам подпольщиков-подрывников, телеграммам А. П. Максименко в Центр, — сейчас мы можем дополнить «поминальный» список уничтоженных в июле 1943 года вражеских эшелонов в Орше или вблизи нее, назвать имена героев-диверсантов:

4 июля 1943 года Пригода С. на 41-м километре взорвал 5 цистерн, уничтожил 250 тонн горючего...
Машинист Баклан на 21-м километре, перед Зубрами, взорвал 3 цистерны с горючим, уничтожил 150 тонн бензина...

12 июля Пригода Василий на станции Орша-Западная взорвал 4 цистерны, уничтожено 200 тонн горючего...

17 июля машинист Баклан на 62-м километре, перед станцией Темный Лес, взорвал 3 цистерны, уничтожено 150 тонн горючего... Пригода С. на станции Орша-Западная взорвал 5 цистерн, уничтожено 250 тонн горючего...

А вот что сообщал в Центр А. П. Максименко об операции, которая замыкает трагическую для гитлеровцев статистику о диверсиях на станции Орша в июле 1943 года: 27.7.43 г. 16-летний Геннадий Савицкий получил магнитную мину и задание подложить ее к составу с горючим. На следующий день он пробрался на станцию Орша и, узнав, что через два часа из Минска прибудет состав с горючим, привел мину к действию и пошел к выходной стрелке. Но поезд запоздал, Геннадий уже собрался бросить мину, как увидел идущий поезд. Не растерявшись, Савицкий прикрепил мину к цистерне. Взрыв произошел напротив вокзала. Сгорело 7 цистерн с горючим. Как было установлено позже, впридачу к эшелону сгорел и продовольственный склад гитлеровцев.

Итак, за один месяц — десять крупных диверсий на станции Орша и вблизи нее! Было от чего бесноваться ищейкам ГФП и СД!

Чтобы отвлечь внимание фашистской контрразведки от оршанских подпольщиков-диверсантов, майор Максименко передал приказ Федору Ковтуну: шире использовать свое «служебное положение» и взрывать эшелоны как можно дальше от Орши. Дело в том, что диверсионная группа Ковтуна состояла из солдат... охранной роты железнодорожного узла. Им, конечно, не составляло особого труда узнать, куда и с каким грузом следуют «охраняемые» ими эшелоны. И для операций они могли выбирать составы «посолиднее» — с техникой или боеприпасами. Особенно охотились они за эшелонами с горючим: огонь, возникавший при взрыве магнитной мины под «брюхом» цистерн, уничтожал весь эшелон и мгновенно перебрасывался на другие составы.

25 августа 1943 года Ковтун был назначен на охрану железнодорожного состава с боеприпасами, следующего из Орши в Рославль. Позже он писал: 27 августа ночью я оставил пост и получил от Николаева (Дмитрия Бохана) три магнитные мины. С ними охотился я за горючим, на станции оно отсутствовало... На станции Самолюбовка в ночь на 30 августа, в 2 часа, я подложил магнитки в вагоны сопровождаемого мною эшелона (посредине и к концам). Первой пришла в действие средняя мина, от нее загорелись вагоны по обе стороны. Спавшая охрана в панике оставила станцию. Кое-кто бросился тушить пожар, но напрасно; взрыв мин и следующих вагонов отогнал всех на 2—3 километра от станции. Загорелся стоявший рядом эшелон...

В результате этой диверсии были уничтожены здание станции, 54 вагона с боеприпасами и другими грузами, разрушены железнодорожные пути. На семь дней было прервано движение на этом участке дороги!

Но по-прежнему начальник партизанской разведки не оставлял без пристального внимания Оршу. Все так же незадачливое местное отделение ГФП было вынуждено докладывать своему руководству о диверсиях на станции и в городе.

24.8.43 г. на станции Орша-Западная произошел взрыв трех цистерн с дизельным топливом, — говорилось в очередном секретном донесении ГФП. — Огонь перебросился на рядом стоящие вагоны. Сгорели вагоны с моторами, платформы с автомашинами и другим имуществом.

А через несколько дней им пришлось докладывать о небывалой до сих пор по последствиям крупной диверсии.

Дело было так. По заданию Алексея Петровича разведчики группы Дмитрия Бохана долго, несколько месяцев, искали подступы к нефтебазе, питавшей горючим многие соединения армий группы «Центр». Расположенная в лесу база тщательно охранялась гитлеровцами. Они огородили ее высоким забором из колючей проволоки, днем и ночью выставляли усиленные посты со сторожевыми собаками. И все же разведчикам удалось установить связь с военнопленными, работавшими на базе, найти среди них патриотов, передать им магнитные мины.

31 августа, ровно в 6 часов утра, огненный смерч охватил всю базу. Пожар, полыхавший несколько часов, был настолько сильным, что гитлеровцы даже не рискнули применить пожарные машины.

В результате были уничтожены тысячи тонн бензина, убито и ранено около тридцати гитлеровцев.

В сентябре «Сокол» принял радиограмму: за образцовое выполнение специального задания в тылу врага подполковник Алексей Петрович Максименко награжден орденом Красного Знамени.

А советские войска неуклонно продвигались на запад, освободили Харьков, Сумы, Брянск, Духовщину. А от Духовщины до Орши рукой подать.

Максименко гордился тем, что и он, и руководимые им разведчики и подрывники причастны к победам Советской Армии..

Как-то проведая, что в лесах под городом появился довоенный начальник оршанских чекистов, и увязав это с участвовавшими диверсиями на станции, гитлеровцы за поимку его назначили крупную награду. Чего только не сулили за голову Алексея Петровича! И тысячи марок, и десятки литров спирта, и даже имение.

И хотя Максименко не засиживался в штабе бригады, все время бывал в дороге, часто то в одном, то в другом месте встречался с разведчиками и связными, местным населением, разжиться именем за «живого или мертвого» чекиста предателям не удалось.

Много раз подрывники обезвреживали подосланных убийц, даже с ядом. Кто они? Это и переодетый полицейский Друк, направленный в заслоновскую бригаду, чтобы убить командира бригады и его заместителя, и бывший бургомистр со Смоленщины Лобанов, и бывший кулак Прохорович, которого основательно готовил гауптшарфюрер Альтман...

Организация диверсий, разведывательная и контрразведывательная работа были не только служебными обязанностями чекиста Максименко, но и его призванием. Алексей Петрович был в постоянном поиске людей, способных и готовых выполнить сложные, трудные, связанные с большим риском задания.

Разведчики «Неуловимых» действовали почти в каждой деревне Оршанского района. «Глаз людей Максименко» постоянно следил и за многими вражескими гарнизонами, расположенными в крупных населенных пунктах.

Безусловную ценность для командования Красной Армии представлял составленный разведчиком Румянцевым «Список полевых частей, находящихся на снабжении в оршанском гарнизоне».

Главное в списке заключалось в том, что назывались номера (свыше ста!) армейских частей, полицейских и других карательных формирований гитлеровцев, обеспечение которых шло через Оршу, и, следовательно, действовавших на этом участке фронта.

Дополняя сведения Румянцева о значении склада, который обеспечивал продовольствием целую ораву воинских частей, другой разведчик Григорий Бохан сообщал: *В Орше важным объектом следует считать крупнейший продовольственный склад, обслуживающий весь оршанский прифронтный участок... Склад занимает четыре здания...* Далее назывались ориентиры для бомбежки и была приложена схема. А чуть позже этот разведчик переслал Максименко четыре схемы: дислокации штаба армии, пересельного фронтного пункта, комендатуры и управы.

Землеустроитель городской управы разведчик Евгений Исаченко по «служебным делам» часто бывал в воинских частях и использовал любую возможность для посещения оборонительных сооружений гитлеровцев. Вначале он делал черновые наброски объектов противника, затем наносил их на карту. В таком виде они и поступали к Алексею Петровичу.

Пройдут годы, и Главный маршал авиации А. Е. Голованов, в годы войны командовавший авиацией дальнего действия, напишет: *...В массированных налетах на Оршанский узел одновременно принимало участие от 180 до 230 самолетов... Удары по врагу в Орше были меткими потому, что летчикам помогали белорусские патриоты-подпольщики. Рискуя жизнью, они проникали на военные объекты гитлеровцев и сигналами с земли указывали, куда сбросить бомбовый груз, чтобы нанести оккупантам как можно больший урон (Звезда, 1974 г., 13 июня).*

А дело было так. По поручению Алексея Петровича Дмитрий Бохан из самых смелых и надежных разведчиков подобрал группу сигнальщиков. Получив от Максименко заблаговременно сведения о дне и часе бомбардировки, храбрецы пробирались поближе к важным объектам противника и ракетами наводили наших пилотов на цели. После бомбардировки разведчики «Неуловимых» сразу же докладывали своему руководителю о ее результатах, а через день-второй эти результаты становились известными и командованию авиации дальнего действия.

В ночь на 11.10.43 г. в результате прямого попадания бомб на бензобазу, расположенную возле льнокомбината, возник большой пожар. База полностью уничтожена, — сообщал в Центр Максименко. — *На восточную часть ст. Орша было сброшено несколько бомб. Уничтожен эшелон с боеприпасами.*

Напуганные эффективными бомбардировками Оршанского узла, гитлеровцы прибегли к новому маневру. Их уловка была своевременно установлена разведчиками. *В связи с опасностью воздушного нападения на станцию Орша, — 6 октября 1943 года сообщал вездесущий Дмитрий Бохан, — бензоналивные составы и эшелоны с боеприпасами ночью не доходят до станции Орша, а останавливаются на подходах к Орше — на станциях Погост, Коханово, Можеевка...*

А между тем росли ряды разведчиков «Неуловимых», продолжала расширяться география их деятельности.

Однажды хмурым ноябрьским утром Кондратьев доложил Максименко: немцы проводят мобилизацию местного населения для строительства оборонительных сооружений.

— Интересно, интересно, — как-то неопределенно отреагировал Максименко и вдруг спросил: — И что же вы, милостивый государь, прикажете нам делать?

Леонид Кондратьев быстро понял этот «дипломатический» язык: Алексей Петрович требовал, чтобы подчиненные не ограничивались фиксацией событий и фактов: «То, что прошло, не вернешь и не переделаешь. А вот, пораскинув умом над тем, что и как случилось вчера и позавчера, надо думать о завтрашнем дне, планировать его, а не полагаться на авось».

— Я считаю, надо разъяснить населению коварную затею фашистов и посоветовать уходить в леса, — предложил Кондратьев.

— В лес все уйти не смогут. Немцам, конечно, удастся захватить сотню-другую людей. А нельзя ли нам от этого пользу получить?

— Понял, товарищ подполковник. Надо внедрить своего человека в число мобилизуемых.

— О це дило, как говорят украинцы, — согласился Максименко.

Добровольцем на опасное задание пошел Колосовский Николай, житель деревни Рубашино Оршанского района.

— Раз надо для Родины, я согласен, — после раздумья сказал он, — Колосовский не подведет...

Прошел ровно месяц. 15 декабря 1943 года Колосовский через связных передал: вернулся благополучно, не с пустыми руками.

На следующий день Максименко встретился с разведчиком. Едва узнал его: изможденный, обросший седой щетиной. Лицо светится радостью, и, когда Максименко спросил: «Видать, нелегко было, Николай Захарович?» — он спокойно, как о далеком прошлом, ответил: «Не то слово, товарищ командир. Был настоящий ад: работали по 14

часов в сутки, все время на морозе, а питание — двести граммов хлеба из отрубей и три консервных банки баланды... Можно было бежать и раньше, но я мало чего знал. А сейчас есть о чем доложить. Это главное! А что худой — не беда. На живой кости мясо нарастет».

Колосовский работал на возведении первой линии обороны вдоль реки Лучеса на участке Бабиновичи — Осипово. Он подробно рассказал о характере возведенных укреплений. Сообщил данные и о второй линии обороны.

— За мужество и храбрость, за ценные разведывательные сведения объявляю вам благодарность, товарищ Колосовский! — Максименко крепко пожал руку этого мужественного человека.

— Я там до конца убедился, что песенка немцев спета: уж даже они боятся наших, от одного слова «катуша» их в дрожь бросает, — ободренный благодарностью, продолжал свое повествование Колосовский. — Раз ударила «катуша» по соседнему участку, так все фашисты как очумелые бросились куда, совсем забыли про нас. А я себе намотал на ус: в другой раз, когда «катуша» лишит их рассудка, надо бежать.

Слушая рассказ Колосовского, подполковник тут же решил: «Эти важные для Советской Армии сведения нужно срочно дополнить и передать по радио в Центр, а затем, со схемой, — через нарочного». Недели через две схема расположения траншей, дзотов, складов, артиллерийских батарей противника на участке от деревни Бабиновичи до деревни Рудаки была готова. В обстоятельной пояснительной записке к схеме, в частности, указывалось также расположение тяжелой артиллерии, возможность сигнализации ракетами, высадки десанта.

Такие же подробные и достоверные данные добыли разведчики «Неуловимых» и о других участках обороны противника в районе Орши. В декабре 1943 года Центр дал указание Максименко: через нарочного доставить в Москву схемы оборонительных рубежей гитлеровцев. Через несколько дней гонцом группы с объемистым пакетом с важными документами вылетел «Сокол» — радист Владимир Бынаев.

И на этот раз Центр высоко оценил зафронттовую деятельность чекиста Максименко. Новый 1944 год Алексей Петрович встречал кавалером ордена Красной Звезды, а через несколько месяцев его наградили орденом Кутузова 2-й степени.

В марте 1944 года, за три месяца до операции «Багратион», в ходе которой войсками Советской Армии была освобождена и древняя Орша, Максименко отозвали на Большую землю. Но добытые «Неуловимыми» сведения об обороне гитлеровцев весьма пригодились для наступающих частей Советской Армии.

В послевоенные годы славный земляк-оренбуржец полковник Алексей Петрович Максименко продолжал службу в органах госбезопасности Белоруссии. Он избирался членом бюро Минского обкома партии, депутатом Верховного Совета республики. Грудь ветерана-чекиста украшали орден Ленина, три ордена Красного Знамени, два — Красной Звезды, Кутузова 2-й степени, Отечественной войны, Трудового Красного Знамени и многие медали. Он был награжден знаком «Заслуженный работник НКВД».

В 1959 году Алексея Петровича не стало. Но народная память о герое-чекисте, обессмертившем свое имя в кровавой и тяжелой борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, жива. В Орше есть улица Алексея Максименко, многие пионерские отряды и дружины названы его именем.

В. САВЕЛЬЗОН Пароль «СК»

— Ти-та-та. Та-ти-та-та. Та-та-ти...

Утонул в морозных сугробах зимы сорок второго Оренбург.

Еще только 9 часов вечера, или, как теперь по-военному стали говорить, 21.00, а на неосвещенных улицах — ни души.

В занесенных по окна одноэтажных домах окраины потрескивают в печурках, давая нестойкое тепло, чилига и кизяк. При свете коптилок люди ужинают скудным пайком, перечитывают письма с фронта и рано ложатся спать.

Тихо. Простучат невдалеке по мосту через Урал колеса эшелонов — и до следующего эшелона на фронт или с фронта.

Тихо и темно и в этом доме в глухом переулке. Под луной четко чернеет яблоня в саду, и вплотную подойти — не заметишь в голых ветвях облепленную морозной изморозью радиоантенну.

В доме за задернутой занавеской в подсвете шкалы едва угадывается плотная круглоголовая фигура. Чуткие, тренированные пальцы, легко сжимая радиоключ, гонят в эфир морзянку.

— Та-та-та. Та-ти-ти...

Срываясь с антенны, летит над тыловыми нашими областями, над линией фронта, над оккупированными землями, над фашистским рейхом шифровка.

За несколько тысяч километров от Оренбурга оператор разведцентра в немецкой военной форме с узкими витыми погончиками, плотно натянув наушники, торопливо записывает писк морзянки и мчитя доложить начальству очередное срочное сообщение.

Ему не положено знать, кто тот человек, который только что отстучал радиограмму из далекого советского тыла. Лишь немногие руководители разведцентра знают псевдоним агента: Сагайдачный. И еще меньшее число людей — подлинное его имя: Николай Иванович Смеречинский.

Фашистский генштаб был доволен. Соответствующие его отделы анализировали полученные сообщения: количество проследовавших воинских эшелонов. Их маршруты. Характер грузов. Примерная численность войск.

Дислокация военных объектов в Оренбурге и близлежащих регионах. Их продукция. Подтверждения о готовности принять предназначенных для заброски в советский тыл фашистских разведчиков.

Естественно, данные агента и сам факт его работы не под контролем чекистов немцы старались перепроверить прямо и косвенно: они не доверяли до конца даже самым преданным своим холоум из русских. Невозможно было перепроверить все, советская контрразведка действовала эффективно, забрасываемые агенты часто исчезали сразу же или после первых сеансов радиосвязи. Но в тех случаях, когда проверка удавалась, сведения Сагайдачного оказывались достоверными. Он работал осторожно, основательно, располагал все большей информацией.

Исходя из нее, фашистский генштаб перебрасывал свои части к местам предполагаемого сосредоточения советских войск, снимая их со спокойных участков фронта, готовил наступательные операции или оттягивал дивизии в оборону.

Правда, агент — не господь бог, всего знать и учесть он не может, война есть война: советские войска переходили в наступление не там, где предполагалось. Крупно просчиталось фашистское командование, например, использовав данные Сагайдачного в самом начале его деятельности во время Сталинградской битвы.

И все же агент был на хорошем счету, его сведения принимались и использовались почти до весны сорок пятого.

Генштаб был им доволен.

Советский Генштаб.

Он вел через Сагайдачного-Смеречинского радиоигру с самого первого выхода в эфир радиоточки в Оренбурге. Высококвалифицированные специалисты тщательно готовили тексты передач. Одной только дезинформацией питать врага было нельзя, он быстро раскусил бы обман. Поэтому в радиограммах из Оренбурга содержались и достоверные сведения, особенно такие, которые немцы могли перепроверить.

Вместе с такой приманкой фашисты «съедали» и данные, которые оборачивались военными неудачами крупных соединений, провалом лучших немецких агентов.

Николай Иванович Смеречинский воевал всего несколько дней, так сложилась его несчастливая военная судьба. «Воевал» — если вести речь о прямых боевых действиях. Но он воевал и тогда, в тыловом Оренбурге, когда его «радиоточка» стала «огневой точкой», бившей по врагу.

Война отмерила ему испытаний полной соленой меркой: первые бои, ранение, плен, концлагерь. Фашисты посчитали, что этого достаточно, чтобы можно было сломить человека. Они не учли только, что человека — можно, настоящего советского человека — нет.

Если идти от частного к общему, от судьбы конкретного человека Николая Ивановича Смеречинского к судьбе его народа, то фашисты просчитались точно так же, как, покорив народы почти всей Европы, они решили, что сломят и советский народ.

Об этом я думал, слушая рассказ воина и чекиста о том, что ему довелось пережить и совершить.

В Оренбург Николай Иванович Смеречинский попал впервые за три года до войны. Город и степи вокруг него показались ему скучными после «вышнэвеньких садочков» родной Винницы, после тихого величавого Днепра и зеленых круч Киева, где он по комсомольской путевке учился в артиллерийской школе.

Особенно трудно было, когда на степь как-то сразу обрушивался плотный, обжигающий зной. Травы и весенние тюльпаны выгорали, временами задувал ветер из полупустынь и гнал пыльные смерчи. Глазам было больно от низкого большого солнца. Гимнастерки у 25-летнего комбата Николая Смеречинского и курсантов его батареи то взмокали, то снова высыхали, когда на полигоне по команде «тревога» расчеты мчались к орудиям и под бег стрелки секундомера расчехляли, готовили зенитки к бою. В безоблачном маревом небе появлялся самолет, за ним тащились на длинном тросе полосатая мишень-«колбаса», как она неофициально называлась.

Курсант-«первый номер», откинувшись в горячем железном кресле, ловил мишень в прицел, нажимал тяжелым сапогом на педаль — и 37-миллиметровая зенитка, по тому времени — последнее слово военной техники, била по конусу. Ее тьяквань перекрывалось уханьем зениток более крупного калибра и треском зенитных пулеметов.

В такие минуты невысокий, широкогрудый, несколько медлительный капитан Смеречинский преображался. Командовал азартно, успевал за секунды стрельбы заметить все недостатки. И потом, на разборе, горячо втолковывал провинившемуся:

— Ты хорошо поешь на плацу после вечерней поверки «Если завтра война». Но если так, как сегодня, будешь стрелять на настоящей войне — и врага не собьешь, и подведешь всю батарею, разбомбят нас — и маму позвать не успеешь.

— Товарищ комбат...

— Никаких «товарищ комбат». В личное время отрабатывать ловкость и быстроту, не сходить с тренажера, пока не научишься быстро ловить и вести цель. Понял?

Армейскую службу Смеречинский любил и чувствовал себя в ней так же уверенно и ладно, как в гимнастерке, облежавшей его крепкую фигуру.

Он любил армейский порядок и дисциплину, любил стрельбы, курсантские молодые голоса в вечерней

тишине, строевые песни.

Человек военный, он готовился сам и готовил своих курсантов защищать Родину.

Знал бы тогда Николай Смеречинский, что снова попадет в Оренбург через четыре года при обстоятельствах, которые ему тогда, в 1938 году, показались бы совершенно невероятными.

2

... Войну он встретил на границе, в Литве. Накануне вечером в гарнизоне «крутили» новую кинокартину. Был самый длинный день в году, поэтому пока натянули между сосен экран, пока, дождавшись сумерек, посмотрели веселую кинокомедию, с отбоем запоздали.

Но день предстоял воскресный, и молодежь предвкушала купанье в маленькой речке, петлявшей между песчаных бугров, густо заросших сосной, а вечером танцы.

Командиру артдивизиона капитану Николаю Смеречинскому снилась гроза, раскаты грома. Молодой сон увлекал его в глубины, в теплую свежесть, остро пахнущую травой, в мерный гул ветра, раскачивающего вершины сосен.

Усилив воли он заставил себя проснуться. Гром повторился наяву. Смеречинский вскочил. Рвануло совсем рядом, дернулась под ногами земля.

Война!

С этой секунды время как-то потеряло размеренную точность, оно то мчалось скачками, то замирало, томительно растягивалось. Длинные летние дни и короткие светлые ночи смешались.

Зенитчики дивизиона Смеречинского, поставленные в заслон, отбивали многочисленные воздушные атаки с воем пикирующих самолетов, стреляли по танкам. И несли большие потери.

Отступление. Горели густые прибалтийские леса, забытые войсками, беженцами, машинами, стадами. Смерд, дым, крики, взрывы. А по дорогам мчались механизированные колонны фашистов туда, в наш тыл, в сторону Ленинграда.

И был тот последний ночной бой где-то у эстонской мызы, на опушке. Очнувшись, Смеречинский услышал над собой лающую, картавую чужую речь.

Двое рассматривали документы, вытасканные из кармана гимнастерки. Он слышал их голоса, как из-под воды через тонкий звон.

— Зме-рет-шин-ски. Офицер. Артиллериабтайлунг.

Плен.

В Лодзи с вокзала колонну военнопленных гнали через развалины на окраину. Брань конвоиров, крики, удары. Кольшащиеся спины впереди идущих в рваных, обгорелых гимнастерках. Колючая проволока концлагеря, которую они миновали, плац и заранее подготовленные бараки. И тяжелое слово «плен» в такт шагам толчками стучало в голове: плен. Плен. Плен.

Он, кадровый командир Красной Армии, в плену. Где-то на фронте дерутся с фашистами его товарищи, и где он сейчас, фронт? А он, Смеречинский, здесь, безоружный, голодный, избитый конвоиром за попытку поговорить с соседями по колонне, узнать, кто они, откуда.

Ну, нет, он не станет покорно работать на фашистов.

Смеречинский присматривался к соседям по барaku, где содержались такие же, как он, командиры Красной Армии. В лагере их переодели в захваченные немцами запасы польских мундиров. Днем не поговоришь: и на работах, и внутри лагеря — надзиратели, фашистские прихвостни из лагерной полиции и ее начальник Ершов, сдавшийся немцам при первой же возможности и насаждавший своих тайных осведомителей.

Холодными вечерами пленных загоняли в бараки, скудно освещенные лампой у входа; они забирались на нары, кутаясь в негреющее тряпье.

Соседом по нарам оказался бывший майор Михайлов. В ночных разговорах Смеречинский и Михайлов выяснили, что оба они артиллеристы, оба приняли первый бой на границе и отступали с тяжелыми боями. И семьи у обоих эвакуировались, но эшелоны немцы бомбят особенно жестоко. Живы ли родные и близкие? Об этом больно было думать.

Они обменивались соображениями, где сейчас могут идти сражения выдвинутых из глубины соединений Красной Армии, анализировали официальные сообщения фашистов, которые ежевечерне комендант зачитывал перед строем заключенных и хвастливо комментировал:

— Большевикам капут! В России устанавливается новый порядок!

Они думали, думали, думали до головной боли. Что делать? Как вырваться?

Немцы вроде бы становятся все более беспечными по мере того, как линия фронта уходит на восток, но караульная служба у них поставлена хорошо, шансов погибнуть много, если попробовать всем броситься на штурм вышек, а на успех — нет, был бы хоть какой шанс — его бы использовали доведенные до отчаяния люди, пусть из тысячи вырвался бы десяток, вдруг тебе повезет быть в этом десятке?

Шансов не было. Но делать что-то было необходимо.

Через некоторое время Михайлов отвел Смеречинского в сторонку.

— Николай, надо поговорить.

— Да мы и так все говорим да говорим, на всю жизнь нашептались.

— Тише. Предлагаю не разговоры — дело. Мы к тебе приглядываемся.

— Кто это — мы?

— У вас на Украине как говорят: попередь батьки в пекло не лезь? Узнаешь в свое время, кто именно. Мы — это руководители подпольной группы.

У Смеречинского перехватило дыхание:

— Подпольной группы?

— Да. Мы предлагаем тебе вступать. Дело опасное, Коля, сам понимаешь. Подумай. Потом сообщишь решение.

— Я и сразу скажу. Согласен! Не могу больше быть лагерной скотинкой и ждать, когда поведут на бойню.

Михайлов помолчал.

— Ну, что ж, поздравляю. Вот тебе первое задание...

Руководителями небольшой подпольной группы оказались, кроме Михайлова, майор Перекрестов и капитан Еренков. Чувствовалось в них то, что некоторые заключенные успели уже утратить, — несломленность, твердость духа.

Руководители группы постепенно проверяли, подбирали тех, кто и в плену оставались настоящими советскими людьми.

Группа перерастала в разветвленную организацию, охватывая весь лагерь. Две власти были здесь, за колючей проволокой: фашистская — и тайная, но набирающая силу власть подпольщиков-коммунистов.

Расширение деятельности становилось опасным. И все же подпольная организация действовала.

7 ноября 1941 года у нар Михайлова собрались, негромко, полупешотом спели «Интернационал». Михайлов коротко сказал о том, что немцы уже под Москвой, но столица выстоит, и о Москву фашистская армия разобьет себе лоб.

Заговорили наперебой, душевно и открыто. Каждому хотелось сказать что-то свое, что передумал за эти несколько страшных месяцев и перечувствовал, каждый радовался, что можно вот так собраться и поговорить, забыв о колючей проволоке, не боясь коменданта и пулеметов.

Знали, что среди тех, кто остался по темным вонючим углам на нарах, могут оказаться и трусы, и предатели, но как-то не хотелось в такой день бояться. Хватит, натерпелись, сегодня на нашей улице праздник.

...В декабре сорок первого года в лагерь приехал вербовщик из немецкой разведывательной школы. К нему вызывали в канцелярию без всяких объяснений и не разрешали потом разглашать. Уже вызывали нескольких ребят из организации. Михайлов сказал Смеречинскому:

— Подпольная организация поручает тебе, если вызовут, согласиться.

— Да ты в своем уме?

— Ты подожди ерепениться, слушай, что тебе говорят. Это единственный реальный шанс вырваться отсюда. Там, в разведшколе, продолжай наше дело, создавай боевую группу. А дальше, когда забросят в наш тыл, явишься, доставишь рацию и сведения, которые удасться раздобыть. Представляешь, какой удар по фашистам? Могу тебе сказать, что такие же задания получили все члены нашей организации.

Это предложение сначала ошеломило Николая. Но он уже привык верить Михайлову и, крепко обдумав, пришел к выводу, что, действительно, это отличная, хоть и рискованная возможность. И вскоре он с некоторым удивлением уже почувствовал, что с нетерпением ждет, когда его вызовут.

В эти дни произошла трагедия. Охраной был обнаружен подкоп. Кто-то пронюхал-таки и выдал руководителей подпольной организации. На территорию лагеря примчались машины гестаповцев, на плацу выстроили всех заключенных, и переводчик прокричал фамилии:

— Михайлов, Перекрестов, Еренков. Выйти из строя!

Гестаповцы подскочили к руководителям организации.

— Каждый, кто поднимет руку на Великую Германию, подлежит уничтожению, — мерно, как автомат, расхаживал перед строем комендант. — Сейчас расстреляют этих троих большевиков. Предупреждаю: если мы узнаем, что большевистская деятельность не прекратится, расстреляем всех поголовно.

Смертельная пустота отделила строй от тех троих, обреченных. Но не было животного ужаса в их глазах. Они стояли спокойно, и только у капитана Еренкова непроизвольно дергалась щека.

Взгляд Михайлова Николай Смеречинский поймал в последнюю секунду перед картавой командой гестаповца «Фойер!» Был в этом взгляде приказ:

— Держись. Помни. Заменяю меня.

Тела расстрелянных фашисты побросали в кузов грузовика, а заключенных погнали в барак. Тупо, чувствуя лишь рвущую душу боль, смотрел Николай на пустые соседние нары. Только что был ставший для него дорогим человек — и его уже нет и никогда не будет.

Но остался его приказ.

...Смеречинского вызвали и повели за колючую проволоку в приземистую канцелярию.

Там сидел за столом сухопарый офицер. Стекла его очков то ли бликовали, то ли просто взгляд у офицера был неуловимо скользким, но на протяжении всего разговора Николай так и не встретился с ним глазами. Поблескивающие холодные стекляшки и размеренный чуть скрипучий голос.

Офицер открыл папку, внимательно просмотрел листок бумаги («личную карточку», догадался Смеречинский) и спросил по-русски, без акцента:

— Хотите служить победоносной Великой Германии?

Смеречинский проглотил слюну. Выдержал паузу.

«Надо чуть потянуть, согласиться не сразу».

— А в чем это будет выражаться?

— Хорошо. Вы, я вижу, человек осторожный. Поскольку этот разговор останется тайной, за разглашение которой вы поплатитесь жизнью, я выкладываю на стол все карты. Я — майор Эймер, один из руководителей разведывательной школы абвера. Вас удивляет, что я говорю по-русски?

— Удивляет.

— До войны я работал в вашей стране в консульствах. И когда я в москвошвеевском костюмчике толкался в толпе где-нибудь у проходной завода или болтал со случайными знакомыми в поезде, меня принимали за русского. Не скрою, я был доволен. Очень доволен. Хотя, сами понимаете, консульский работник был из меня... как это говорится по-русски? Как из собачьего хвоста сито. Я был и есть разведчик... Мы готовим агентов для заброски в Россию. Работа агента, конечно, имеет элемент риска. Но она будет хорошо оплачиваться, и после нашей близкой победы, когда в России установится новый порядок, вы сможете стать состоятельным человеком. Советую вам соглашаться на наше предложение. У вас просто нет другого выхода, вы же человек разумный. Итак?

— Согласен.

— Гут, — довольный Эймер перешел на немецкий и закончил по-русски:

— Сейчас вы вернетесь в свой барак. О нашем разговоре — ни гугу. (Было заметно, что он с удовольствием вставлял русское просторечие). Подпишите вот здесь. Теперь идите. В свое время вы будете вызваны.

Внешне ничто не изменилось в его размеренной лагерной жизни: утренние поверки, беседы коменданта, бурда с кусочком мокрого черного хлеба, работы. После расстрела руководителей подпольной организации еще один расстрел: Пугасий, тоже бывший командир-артиллерист, несмотря на предупреждения организации, разоткровенничался с оказавшимся агентом гестапо Степановым.

...Туманы съели снега. Весенние соки тронулись к кронам деревьев, готовились лопнуть, исходили клеем почки. Нищая, выжженная и униженная природа хотела прикрыть развалины травами и листвой редких, оставшихся в живых деревьев.

Холодная снежная вода хлопала в прохудившихся сапогах Смеречинского, которые он тщетно пытался залатать по вечерам. Колонну заключенных выгнали на плац. Вместе старались держаться он, Крылов, Федулов, Билан, Пыбченко, Власенко — проверенные ребята, члены подпольной организации. Смеречинский вдруг заметил, что и внешне они как-то выделялись в общей массе заключенных: непотухшими взглядами, даже тем, что старались по мере возможности латать и чистить одежду и обувь.

Ведь Михайлов не раз говорил:

— Вы были и остаетесь командирами Красной Армии. Нельзя опускаться. Нельзя вешать нос. Как бы ни было тяжело, помните: наше дело правое, мы победим. Не можем не победить.

Комендант после очередной длинной беседы о Великой Германии, во время которой заключенные дрожали на сыром ветру, наконец приказал гнать на работы, а Смеречинскому и Крылову сделал знак остаться.

Их вывели за ворота лагеря, в канцелярии выдали новую одежду, рюкзаки с продовольствием на несколько дней.

И вскоре они уже были в пригороде Вены — зеленом Брайтенфурте.

Теплая тихая весна опустила на эту не знавшую бомбежек и пожаров землю. Платаны выбросили сочную листву, оформлялись свечки каштанов, еще день-другой — и среди темной зелени, словно на новогодней елке, вспыхнут белые пирамидки. Птицы гнездились, радостно гомоня.

Этот зеленый рай посреди страшной войны казался Николаю Смеречинскому нереальным. Где-то была его Россия, истерзанная и поруганная, где-то умирали люди, захлебываясь кровью и свинцом. Нет, не мила ему эта ласковая весна.

Под солнцем грелись островерхие черепичные крыши аккуратных домов и белые толстостенные монастырские помещения.

Здесь располагалась разведывательная школа абвера. Смеречинский и Крылов прибыли сюда первыми, а вскоре стали прибывать и остальные курсанты, и не только из Лодзинского лагеря.

И самое главное — сюда удалось попасть многим лодзинским подпольщикам, план Михайлова был выполнен. С первых же дней в осином фашистском гнезде стала действовать боевая, разветвленная подпольная организация.

Руководству абвера такое не могло присниться в самом кошмарном сне: оно само, собственными руками, переместило в свою разведшколу готовую к борьбе организацию антифашистов!

...Начальник разведшколы полковник Анберг во вступительной беседе с курсантами сказал:

— Фюрер, придя к власти, сразу же стал укреплять разведывательные органы. Руководителем абвера был назначен один из самых талантливых наших разведчиков адмирал Канарис, служивший еще кайзеру Вильгельму. Вам не обязательно знать руководителей отделов и групп абвера, но могу сказать, что это — опытейшие разведчики, бесконечно преданные фюреру. «Абвер должен поражать Россию, как молния» — это слова нашего шефа адмирала Канариса. Наша разведшкола находится в непосредственном ведении одного из подразделений абвера — «Штаба-Валли», который руководит разведкой и подрывной деятельностью в тылу Красной Армии. Вас

мы будем готовить по радиodelу и шифрованию, стрельбе, прыжкам с парашютом, вождению автомашины — всему тому, что вам необходимо для успешной работы. Непосредственно вашей подготовкой будет руководить известный вам майор Эймер.

Эймер встал, щелкнул каблуками и сел.

— Заниматься добросовестно. Повиновение руководству школы и инструкторам беспрекословное. Помните, что вы дали подписку служить Великой Германии, и если кто-нибудь из вас захочет обмануть нас, пусть подумает, что его ждет. Отсюда, буду откровенен, только два пути: или нашим агентом, или — смерть для отступников и предателей дела фюрера. Вопросы? Нет вопросов? Встать!

...В монастырском саду яблони уже таились среди темной листвы завязь, которая к осени обратится в сочные сладкие яблоки. Здесь было единственное место, где Смеречинский и Крылов могли поговорить, не опасаясь ушей осведомителей.

Впрочем, теперь они были не Смеречинский и Крылов, а Сагайдачный и Кедров. Командование разведшколы приказало всем курсантам выбрать себе псевдонимы. Подлинные фамилии должны были остаться только в картотеке, хранящейся в сейфе.

Смеречинский выбрал псевдоним «Сагайдачный». Вспомнилась любимая отцовская песня про гетмана Сагайдачного, который едет «попереду» своего войска громить чужеземных захватчиков. Сели, закурили.

— Надо проанализировать последний провал, — озабоченно сказал Николай.

— Да, это удар, — вздохнул Крылов. — Сильный удар. Семерых ребят увезли на расстрел, и не вслепую хватили, все — из нашей организации.

— Провал случайный — или немцам удалось внедрить к нам своего человека? Вот что сейчас главное.

— Гадов мы уже знаем наперечет: Цветков, Огрызко, Семенов, Евтюхин.

— Ну, с этими наши дела не имеют, предупреждены. Конспирацию соблюдаем.

— И все равно есть горячие головы. Вспомни Фильку Межуева: «Я летчик, до костей обгорел, зубами землю грызу — так я фашистов ненавижу».

— Вот и пропал не за понюх табаку.

Друзья задумались, привалившись спинами к плотным яблоневым стволам, слушая шорох молодой листвы. Думали они об одном: опасность явно нарастает, последние недели ходишь, как по острию ножа. Гестаповцам удалось наладить в разведшколе шпионскую сеть. Можно предположить, что те, кого арестовали, пренебрегали конспирацией. Несколько слов в минуту откровенности вроде бы порядочному человеку — а человек этот тут же бежит доносить.

Но почему не арестовали и их, руководителей организации? Может, ребята выдержали пытки и не назвали имен? А может, здесь хитрый ход: пока что оставить руководителей на свободе и проследить их связи, чтобы выловить всю организацию?

Какой тактики сейчас придерживаться? Может, прав курсант Сафонов, который ответил на предложение стать членом организации:

— Я хочу, чтобы вы знали: я не предаю и не продаю. Но я боюсь, когда слишком много людей знает слишком многое — это опасно, а умирать здесь, в этом вонючем Брайтенфурте, я не хочу. Я сделаю все, когда окажусь там, дома, — явлюсь с повинной. Но — один.

(Через много лет Смеречинский узнал, что Сафонов действительно, будучи заброшен в наш тыл, сразу же явился в советскую контрразведку и выполнял все ее задания.)

Нелегкими были раздумья друзей. Может, не стоит сейчас рисковать, когда остались какие-то недели до заброски? Отсидеться, выждать?

Но в тот день в яблоневом саду они выбрали мужественное решение: продолжать рискованную работу, еще больше ужесточив конспирацию.

«Не время думать о себе. Думайте о деле, — сказал бы Михайлов. — Скоро начнется то, для чего мы и создавали нашу организацию, и каждый перевербованный сможет принести Красной Армии пользу неоценимую».

Вот какое решение было принято в тот день. Организация продолжала работать.

Смеречинский или еще кто-нибудь из руководителей организации прямо говорил человеку, казавшемуся достойным доверия и прошедшему строгую проверку:

— Хочешь заглазить вину перед Родиной? Хочешь мстить фашистам?

Кое-кто раздумывал:

— И фашистской шкуркой не хочется становиться, но и Анберг прав: явишься к нашим с повинной, а как там посмотрят?

Пытались убедить:

— Всякое может быть, когда явлюсь домой. Могут сказать, и справедливо сказать: на фронте у тебя было оружие, у тебя были подчиненные. Плохо, значит, воевал. Что из того, что тебя взяли в плен в бою, полуживым? Почему не пустил пулю в лоб?

— Так и скажут, и что на это ответишь?

— Что на это ответишь? Родина есть Родина, на нее не обижаются, она всегда права. Но ты подумай, какой урон можно нанести фашистам: у тебя будут шифры, радиоаппаратура. Это возможность водить фашистов за нос. Одна умело составленная дезинформация отправит на тот свет фашистов больше, чем ты их за всю войну увидишь. Заставить тебя мы не можем. Но если ты остался советским человеком, если хочешь помочь Родине — вступай в нашу организацию. Мы постараемся устроить так, чтобы в каждую забрасываемую группу попадал и наш человек.

Арестов больше не было. Стало ясно, что фашистам не удалось проникнуть в сердце организации. Курс подготовки заканчивался. Скоро курсантов начнут забрасывать в тыл Красной Армии.

Положение дел на фронте в это время, летом 1942 года, было трудным, сложным. Подпольщики знали об этом из передач московского радио, которое удавалось слушать регулярно.

А возможность эта появилась так.

Несколько курсантов, членов организации, помогали двум пожилым сестрам — учительницам Матильде и Марте Коблингер по хозяйству: вскопать огород, обрезать яблони, да мало ли работы для истосковавшихся по мирной работе рук?

Руководство разведшколы поощряло знакомство с брайтенфуртским населением. Анберг не раз говорил: «Смотрите, какая у нас, немцев, культура, учитесь, пригодится, когда после нашей победы сами захотите стать владельцами имений».

Но, разумеется, курсанты не должны были и намекать местным жителям на то, чем они занимаются за монастырскими стенами и на полигонах.

Через несколько месяцев знакомства, приглядывания друг к другу пожилые учительницы уже в открытую говорили, что они, австрийки, далеко не в восторге от Гитлера и его порядков, и признались, что не подчинились приказу властей и не сдали радиоприемник, а установили его в подвале дома и слушают запрещенные передачи.

— Мы верим, — военные люди не сделают ничего дурного, не злоупотребят нашим доверием.

И, поскольку посещение учительниц не вызывало подозрений, стали постоянно слушать Москву.

Сообщения были безрадостными. Немцы наступали на юге. Оставлен Ростов. Чувствуется по всему, что они уже за Доном, у Сталинграда.

— Может, не стоит такие вести распространять среди подпольщиков? — раздумывали руководители организации. — Кто-нибудь заколеблется, решит, что немцев все равно не пересилишь.

И снова они как бы советовались с тем, кто создал их организацию. Теперь, вспоминая Михайлова, они все больше понимали, каким мужественным и дальновидным был этот человек, как многому успел он их научить. Можно убить коммуниста, но убежденности его — не убить.

— Один восточный мудрец учил, — часто говорил Михайлов: — «Правда исцеляет раны, которые сама и наносит». Поэтому всегда говорите людям правду, какой бы горькой она ни была. И помните: мы победим. Иначе быть не может.

Вот для этой победы и боролась подпольная организация.

Смеречинский очень старался быть в числе самых успевающих курсантов: больше шансов, что забросят первым. Ему было и легче, чем многим другим, потому что не только вождение автомобиля, но и стрельба, радиодело и прыжки с парашютом были знакомы ему еще по службе в армии. Некоторые инструкторы его выделяли, особенно шумливый любитель пива, типичный баварец, инструктор по радиоделу.

— Карашо, карашо, — похваливал он, прикрыв глаза, слушая выстукиваемую морзянку.

Учебный день курсантов был заполнен до отказа, программа выполнялась успешно, инспекторские проверки из «Штаба-Валли» неизменно показывали: Брайтенфуртская разведшкола работает хорошо, будущие агенты овладевают всеми необходимыми навыками и знаниями.

Это была одна, видимая жизнь разведшколы.

Но фашистам так и не удалось дознаться до другой, не видимой им жизни. Это кажется почти невероятным, но факт: подпольная организация, созданная Смеречинским, Крыловым, Федуловым, Биланом, смогла практически парализовать работу разведшколы абвера!

Ни один из десятков выпускников разведшколы Брайтенфурта, заброшенных в тыл нашей армии, не работал на фашистов: многие были членами подпольной организации, сразу же по установленному паролю являлись в органы госбезопасности и включались в радиоигру, передавая специально подготовленные Генштабом сведения. А тех, кто хотел служить Гитлеру, вылавливали прямо у места приземления или давали им возможность, к примеру, по заданию абвера пробраться к Смеречинскому и потом выйти в эфир, подтверждая, что он работает не под контролем советской контрразведки.

А знали наши чекисты все о забрасываемых агентах абвера потому, что имели... полную картотеку агентов, подготовленных в разведшколе Брайтенфурта!

Подпольщикам представился случай — Случай с большой буквы — добыть важнейшую информацию, о которой потом в Москве один из руководителей нашей контрразведки сказал Смеречинскому и Крылову:

— Читайте, что вы привезли с собой эшелон золота, настолько драгоценны ваши бумаги.

При всей педантичности немцев, при всей продуманной до тонкостей системе фашисты допустили такой промах, что оставалось только диву даваться: однажды забыли закрыть сейф.

Это было настолько неправдоподобно — ключ, торчащий в сейфе, что Смеречинский, случайно заметивший это, остолбенел.

— Провокация, — решил он. — Очередная «проверка на вшивость», как любит выражаться Эймер.

В косом луче заходящего солнца толкался столб пылинок, в углах комнаты накапливались сумерки. И освещенный солнцем ключ поблескивал так заманчиво!

Помещение разведшколы уже опустело, офицеры-инструкторы, закрыв свои сейфы, разошлись и разъехались по домам.

Смеречинский заставил себя отвести глаза от ключа, тихо вышел в коридор. Осмотрелся. Ни души.

— Для провокации — слишком грубо сработано, — лихорадочно соображал он. — Отпечатков пальцев я не

оставлю. Кто-нибудь из наших ребят перекроет вход и, если заметит что-нибудь подозрительное, даст сигнал, я успею выскользнуть в соседнюю комнату, там по вечерам иногда занимаются курсанты, так что алиби будет обеспечено.

Так, теперь — действия унтер-офицера, ведающего картотекой. Если просто забыл ключ, то, обнаружив это, шума поднимать не будет, побоится наказания. Это нам будет на руку.

Рискнуть или нет?

Поймают — расстрел. Да еще перед этим будут пытать. Зверски пытать.

Но ведь там, в сейфе, — картотека, это известно точно.

Рискну!

Быстро разыскал нескольких надежных товарищей — Крылова, Билана, Федулова, — объяснил каждому его задачу.

До сих пор оставшиеся в живых подпольщики Брайтенбургской разведшколы, встречаясь, только гадают: случайно, по рассеянности или нарочно, о чем-то догадываясь и желая помочь, оставил тот унтер-офицер ключ в сейфе?

Они, лихорадочно торопясь, переписывали на тонкую, почти папиросную бумагу содержавшиеся в картотеке сведения о трехстах курсантах разведывательной школы.

Смеречинский и его друзья, спрятав списки в надежном тайнике, долго удивлялись своей удаче. Полные анкетные данные и к тому же пометки карандашом о предполагаемом задании и месте выброски! Теперь только бы доставить ценнейшие сведения в Москву!

...Нетерпение. Оно все чаще овладевало Смеречинский в последние недели. Курс лекций и практические занятия закончились. Когда же их будут забрасывать за линию фронта? Чего фашисты тянут?

Уже кончилось лето 1942 года, когда Смеречинского и Крылова вызвали, наконец, к начальнику разведшколы. Анберг впервые поздоровался с ними за руку. Чтобы подчеркнуть торжественность момента, он встал на фоне большого портрета Гитлера.

— Вас двоих как лучших курсантов нашей разведывательной школы и к тому же, по наблюдениям инструкторов, хорошо понимающих друг друга, а это очень важно при работе в паре, принято решение забросить в тыл Красной Армии первыми. Поздравляю вас!

Смеречинский и Крылов вытянулись. Анберг, цепко заглядывая в глаза, протянул на прощание каждому руку.

— На изучение задания — три дня, с вами займутся специалисты из разведцентра. Потом получите радиоаппаратуру, оружие, деньги. Вылет — ночью с двадцать седьмого на двадцать восьмое. Желаю успеха. Высоко держите честь Брайтенбургской разведшколы...

На последнем собрании подпольщиков придумали пароль, который Смеречинский и Крылов передадут советской контрразведке и по которому будут принимать тех, кого немцы будут забрасывать позже. Пароль простой: «СК», по начальным буквам их фамилий.

4

...Последние дни и часы на вражеской земле. Только бы выдержать, только не сорваться, как сорвался курсант Иван Тютюников, член подпольной организации, у которого сдали нервы: увидев, как эсэсовец расхваливает снимки казней советских людей, он швырнул гранату в толпу офицеров-эсэсовцев, потом выхватил у солдата автомат и до последнего патрона вгонял очереди в зеленые и черные мундиры.

Только бы выдержать, а там через несколько часов — родная земля.

Эймер прощался долго, тряс руку, прочувствованно напутствовал, даже прослезился слегка. Наконец захлопнулась дверца; «Хейнкель-111» побежал по дорожке, все быстрее и быстрее — и вот они уже в ночном небе.

Вошли в облака, и почти весь полет иллюминаторы были словно зашторены облачной мглой: ни звезд, ни огоньков на земле, никакой ориентировки. Потом, после дозаправки, полетели дальше, также в облаках.

...Когда они приземлились, уже светало. Едва погасив и сняв парашюты, они увидели сквозь редкий кустарник бегущих к ним белобрысых мальчишек, нескольких красноармейцев и старшего лейтенанта, по три «кубаря» в петлицах.

Свои! Через столько месяцев снова увидеть своих! Смеречинскому хотелось броситься к ним, обнять всех, расцеловать.

И вдруг он отчетливо услышал, как один из мальчишек, которых отгонял красноармеец, обиженно крикнул:

— Абер вир воллен аух зеен!

«Но мы тоже хотим посмотреть», — автоматически перевел Смеречинский.

Страшная догадка мелькнула: провокация! Летчики сделали большой круг и выбросили их где-то в Германии.

Крылов тоже понял все. И тогда они выхватили пистолеты и, не сговариваясь, задыхаясь от ненависти, стали палить в «красноармейцев» и «старшего лейтенанта». Те залегли, но отстреливались неприцельно, слишком высоко.

— Что, сволочи, взяли? — кричал Крылов. И ругался зло, матерно.

Минут через пять стрельба с той стороны, как по команде, стихла, и раздался знакомый голос Эймера:

— Сагайдачный! Кедров! Не стреляйте. Проверка. Вас выбросили недалеко от Брайтенбурга, вы у своих.

Радостно улыбающаяся рожа Эймера осторожно высунулась из-за кустов. Влепить бы всю обойму в эти очки,

в этот золотозубый рот!

Как этот фашистский гад искренне жал им руки, как пустил слезу несколько часов назад, провожая их в полет, как разыграл встречу с «красноармейцами»!

И как близок был провал!

Да, врага нельзя недооценивать, он хитер и умен. И, чтобы добиться своего, надо быть еще хитрее и умнее.

Смеречинский и Крылов отшвырнули пистолеты.

«Красноармейцы» во главе со «старшим лейтенантом», погрузив раненого («Будут помнить», — злорадно подумал Смеречинский), уже усаживались в подкатившую машину с эсэсовским номерным знаком.

А Эймер просто сиял, пожимая парашютистам руки. Его воспитанники не подвели, как это случалось иногда при подобных инсценировках. Тогда был разговор короткий: к стенке — и «фойер!»

...После этого началась подготовка к настоящей заброске.

Их доставили в Варшаву. Здесь прошли последнюю «шлифовку». Отрабатывали «легенды», с помощью которых они должны были внедриться в советском тылу, проверили все детали: командирскую форму, документы, знание местности в том районе Рязанщины, куда их предполагалось забросить. Их вооружили и полностью экипировали.

И снова взревел моторами «хейнкель». Промежуточная посадка — в Смоленске. Взлетели. Судя по звездам — почти точно на восток.

Они сидели рядом, прижавшись к дюралюминиевому борту, и даже через парашюты спином передавалась дрожь от ревущих моторов. Слабая лампочка едва освещала их лица, и незнакомый им сопровождающий — офицер немецкой разведки — не мог понять, дремлют эти русские или просто думают о чем-то, прикрыв глаза.

Знал бы он, о чем они думают!

Миновали линию фронта, и теперь они летели над не занятой врагом землей.

Сопровождающий озабоченно посмотрел на часы и, топая сапогами по металлическому полу, прошел к летчикам. Вернулся.

— Приготовиться!

Смеречинский и Крылов переглянулись. Смеречинский кивком показал:

— Ты — первым.

Офицер еще раз взглянул на часы, на предрассветную землю в открытой им дверце, где-то там было рязанское село Долгинино — точка их заброски.

— Пошел!

Крылов шагнул и исчез в темном провале. Смеречинский тут же за ним — надо приземлиться рядом, чтобы долго не искать друг друга.

Тело почувствовало знакомый рывок: парашют раскрылся. Быстро ушел, затих гул самолета.

Смеречинский угадал под собой лесной массив. Его пронесло чуть дальше, к поляне. Заученным движением спружинил ноги, потом поднялся, подтянул купол парашюта, погасил его.

Прислушался — в утренней тишине кукует кукушка. Как в детстве. Она куковала ему много-много лет жизни. Теперь он по-настоящему ощутил себя дома.

Подав условный сигнал, и вскоре затрещал мелкий кустарник: Крылов.

Молча обнялись. Говорить не могли. Вырвались. На Родине.

Решили подождать, когда совсем рассветет. Легли на расстеленные парашюты и смотрели на розовые и желтые облака. На востоке проклюнулся багровый краешек солнца, и сразу хлынул свет и настало утро.

Они вышли к селу, нашли председателя сельсовета — нервного, замороженного делами инвалида.

— Здравствуйте! Мы добирались издалека, нам надо срочно в Рязань.

— Как добирались, так и дальше добирайтесь, — проворчал тот.

Смеречинский и Крылов переглянулись, улыбнулись: точно, прибыли домой, в Россию.

Дозвонились до Рязани в органы госбезопасности. Оттуда прислали машину. А потом их срочно доставили в Москву.

Смеречинский, развернув рацию, отстучал в фашистский разведцентр радиogramму: «Приземлились благополучно. Приступаем к выполнению задания».

Анберг и Эймер были награждены своим начальством орденами.

Смеречинский и Крылов прибыли на Урал, где они по приказу абвера должны были развернуть свою шпионскую деятельность. Давая это задание, фашисты учли, что здесь, на Урале, Смеречинский служил, и места ему знакомы.

К району Урала у фашистской разведки были особые интересы. Урал был ближайшим тылом Красной Армии, базой вооружений, узлом важнейших транспортных путей и местом формирования воинского пополнения.

Своим агентам абвер давал известную самостоятельность действий. В зависимости от обстановки они должны были добывать и радовать сведения об оборонной промышленности, войсках, устраивать диверсии, принимать новых агентов и связных.

Только непосвященному человеку, крутящему верньер настройки и натыкающемуся на бойкий перестук

морзянки, кажется, что все радисты работают в эфире совершенно одинаково.

Но чуткое ухо специалиста точно зафиксирует и отличит даже от самых похожих «почерк» именно того, кто сейчас где-то за тридевять земель отсюда сидит у аппарата и, легко обхватив тремя пальцами ключ, быстрыми, почти неуловимыми движениями гонит в эфир точки и тире.

«Почерк» Смеречинского был изучен и записан на пленку фашистской разведкой.

Поэтому никому другому работать на ключе было нельзя.

Смеречинский по указанию советской контрразведки радиовал, что, расставшись с Крыловым, перебирается в Чкалов, так теперь назывался город, в котором он служил до войны. А вскоре в одной из радиограмм сообщил адрес дома на окраине, в котором он обосновался, используя подготовленные абвером документы и «легенду» — фальшивую биографию.

Тихий степной город, в основном одноэтажный, снега заметали по самые крыши. Среди пухлых голубых и розовых сугробов петляли хрусткие тропинки. Зимы в войну стояли почему-то очень морозными, может, так казалось из-за того, что с топкой было плохо, особенно мерзли эвакуированные.

А короткой бурной весной головокружительно пахла и буйно цвела в палисадниках сирень.

Потом наваливался памятный Николаю Ивановичу зной.

Он обрывался осенними дождями, непролазная грязь сразу же заполняла город.

И снова крепкая, ядреная зима.

Катились месяцы, менялись времена года. Город формировал и отправлял на фронт все новые воинские части, выпускал все больше оружия и боеприпасов.

И вел незримую войну.

С антенны радиоточки на окраине уносились в эфир шифровки. А за тысячи километров отсюда, в фашистском разведцентре, радовались, принимая донесения, срочно расшифровывали их и докладывали высокому начальству. И, попав в ловушку, терпели крупные военные неудачи.

Кроме того, руководствуясь полученными данными, с вражеских самолетов сбрасывали по ночам над нашей территорией диверсионные группы, но заданий они выполнить не могли, потому что на месте приземления их тут же вылавливали.

Одно из таких «тихих» сражений чекисты выиграли в степях южнее Оренбурга.

Почему фашистов заинтересовал этот пустынный район почти за тысячу километров от фронта, вдали от заводов и расположений воинских частей?

Чтобы ответить на этот вопрос, вспомним, что один из главных стратегических ударов немцы наносили на Северном Кавказе, чтобы отрезать бакинские нефтепромыслы — основную нефтяную кладовую страны. Ведь эта война была первой в истории «войной моторов», и без горючего становились просто беспомощной грудой металла танки и самолеты, останавливался транспорт.

К тому времени, когда Смеречинский обосновался в Оренбурге, немцы Баку отрезали. Жизненно важными становились такие промыслы, как Эмбинский в Казахстане. От него на территорию Оренбуржья, к Орскому нефтеперерабатывающему заводу, был протянут нефтепровод. И промысел, и завод охранялись, но нитка нефтепровода была уязвима: на сотни километров в степи и полупустыне не поставишь постоянную охрану.

И фашисты разработали план крупной диверсионной операции. Удачные взрывы на трассе на какое-то время лишили бы Красную Армию орского бензина.

Операция эта разрабатывалась на основе данных, полученных разными путями, в том числе и донесений таких внедренных в советском тылу агентов, как Смеречинский.

Ночью над степью на большой высоте раздалось гудение авиамоторов. Пожалуй, никогда фашистским летчикам не доводилось выбрасывать десант так далеко на востоке, в глубоком советском тылу, и поэтому они особенно внимательно вычисляли, когда будут над расчетной точкой.

Внизу, в темноте, советская земля. Ни огонька. Пилот взглянул еще раз на светящийся циферблат часов и отдал команду. В открывшийся люк один за другим вываливались диверсанты, пошли вниз парашюты с взрывчаткой.

Гул моторов удалился на запад и затих. Парашютисты медленно плыли к земле. Они были опытными диверсантами, готовыми ко всяким неожиданностям, но все же они и представить не могли, что внизу все готово к встрече незваных гостей, район их приземления был оцеплен. Ведь чекисты точно знали место и час.

Диверсантов удалось выловить быстро. С подъездных путей Орского нефтеперерабатывающего по-прежнему уходили к фронту эшелоны цистерн с горючим.

К Смеречинскому являлись и связные с заданиями, оружием и фальшивыми документами.

В тихий домик на окраине Оренбурга прибывали и агенты, которым он должен был помочь укорениться на советской земле. Понятно, что все они тут же попадали под опеку чекистов.

Никто не может подсчитать точно, какой нашей военной силе соразмерны были «удары» радиоточки из Оренбурга — полку, бригаде, дивизии, но она действовала, и очень активно, почти до конца войны и внесла в общую нашу Победу свою долю.

Дело, начатое когда-то Михайловым и его сподвижниками и продолженное Смеречинским, Крыловым, Федуловым, Биланом и многими другими, разрасталось.

Чины из абвера получали все новые награды за вербовку, подготовку и заброску все новых агентов.

А десятки этих агентов, только успев приземлиться, являлись в нашу контрразведку и включались в радиоигру с фашистским разведцентром.

В Оренбурге, там, где проспект Победы взбегает на один из городских холмов, живет пожилой человек. Соседи по дому знают его как тихого вежливого пенсионера, который уже изредка выходит во двор подышать воздухом, тяжело опираясь на палку: стал побаливать, жизнь прожита нелегкая.

Кто не знает о его прошлом, может принять его, ну, скажем, за бывшего бухгалтера, всю жизнь видевшего лишь счета, карандаш, резинку и черные сатиновые нарукавники.

Но Николай Иванович Смерчинский недаром живет на проспекте, который носит имя Победы.

Е. ЛЕВЕН В тылу, на Южном Урале

Высокий худощавый человек со смугловатым лицом — подполковник в отставке Максим Максимович Гавриленко — рассказывать о служебных делах за рамками самой службы не привык.

В его жизни главные события находили отражение обычно только в сухих лаконичных рапортах, докладах, отчетах, которые читали очень немногие люди — только те, кому это положено было по службе. О чувствах, переживаниях, страстях в таких бумагах не пишут.

А хватало их на веку, да еще как хватало.

В юности его тянуло к разному, увлекло многое. Учился в педтехникуме, учительствовал, потом поступил в горный техникум в Караганде, где жили родители. Работал на шахте механиком участка. Служил на Дальнем Востоке в стройбате техником, избирался секретарем комсомольской организации части.

В органах госбезопасности начал трудиться до войны — оперуполномоченным в Медногорске, в Оренбурге, в областном управлении, заместителем начальника одного из отделов, в конце войны — заместителем начальника горотдела в Бугуруслане. В сорок шестом, после четырехмесячных курсов в Москве, был направлен на укрепление органов госбезопасности в Литву, где работал сначала в одном из уездов, потом в министерстве республики... Да, и это называлось работой, хотя шла жестокая борьба с бандитизмом, и в этой борьбе Гавриленко за семь лет потерял многих товарищей, сам не раз видел смерть в лицо.

Потом снова Оренбургская область — уже до самой отставки. Но были еще в его послужном списке задания, связанные с дальними командировками и смертельным риском. Много заданий. Так что переживаний на его долю выпало с лихвой.

И была среди них одна беспокойная страсть: в любом деле, всегда он отстаивал принципы добра и справедливости.

Со времен революции, когда молодая Советская Республика доверила чекистам свой карающий меч, для истинных наследников Дзержинского не существовало ничего выше справедливости. Но «железный Феликс» был и человеком добрым. В то суровое время, чтобы творить добро, нужна была беззаветная отвага.

Беззаветная отвага...

Когда Гавриленко однажды ночью в далеком кавказском городке стоял перед дверью дома, где жил матерый главарь банды, он знал, что имеет право применить оружие и при малейшей попытке сопротивления застрелить противника. И то, что добровольно враг не сдастся, он тоже знал. Но Гавриленко все-таки сунул свой пистолет в карман, тихонько постучал, попросил расписаться за телеграмму. А когда дверь открыла старуха, он, разговаривая с ней, вошел, а потом стремительно бросился к кровати, на секунду опередив руку, метнувшуюся под подушку за оружием, скрутил бандита.

Максим Максимович всегда помнил пример Дзержинского, который умел обезоружить врага и силою духа. В Литве ему как-то довелось говорить с девушкой, брат которой находился в банде. Гавриленко убеждал ее: пусть брат добровольно сдастся, и он может рассчитывать на прощение у Советской власти. Девушка колебалась. «Какие гарантии?» — недоверчиво спросила она. «Закон гарантирует». — «Нет, лично ваши гарантии?»

И тогда Гавриленко дал адрес своей семьи — жены и детей. Что еще могло быть большей гарантией? Всем известно: бандиты безжалостно расправлялись с семьями чекистов. Но в это время многие втянутые в банды уже бросали оружие, выходили из леса. Нужно было, дабы избежать лишнего кровопролития, заставить поверить и других: амнистия для них — не обман.

Брат этой девушки поверил. Он и своего товарища убедил явиться с повинной. Однако уйти из логова было непросто. Помог случай. Бандиты задумали расправиться с сельской учительницей, а исполнить это послали двух друзей, торопясь крепче привязать их к себе пролитой безвинно кровью. Вел их в ту ночь в село матерый враг, еще при фашистах служивший карателем. К рассвету он рассчитывал вернуться в лес. Но оказался с крепко связанными руками у чекистов — двое друзей не просто ушли из банды, но и привели с собой этого головореза.

Гавриленко не считал никогда своим главным искусством ни умелое владение оружием, ни приемы рукопашной борьбы. Он старался побеждать противника, изучая его повадки, опираясь на помощь честных людей, и силою ума, воли и выдержки.

Было у Максима Максимовича сложное дело — дело Морозова-Чакова, агента абвера, затем перевербованного английской разведкой и посланного после войны резидентом на территорию нашей страны. За обезвреживание этого шпиона Гавриленко был награжден орденом Красной Звезды.

Гавриленко также отдал в руки советского правосудия выродка-убийцу, который во время оккупации служил у гитлеровцев и участвовал в уничтожении тысяч людей. На расстрелы, которые он вершил с такими же, как он сам, подонками у края громадного карьера, людей подвозили по железнодорожной ветке вагонами. Допрашивая этого нелюдя, Максим Максимович пытался понять, за какую же плату тот совершал свое кровавое дело. «Выдавали талоны на водку, жратву. Вечерами пили в ресторане». Тошнота подступала к горлу, когда слушал эти признания палача.

Иметь на своем счету поимку даже одного такого преступника — и то можно считать, что чекистская судьба удалась. Но с молодых лет не этим мерил Максим Гавриленко свою работу. Быть чекистом — значит понимать людей, уметь распознать людей, внушать людям честным доверие и, благодаря этому, получать от них помощь.

Есть одна старая переводная книжка, которая называется «Охотник за шпионами». Автор, английский контрразведчик, излагает в ней свои методы работы, основанные в большей мере на принципе «подозревай всех», на изобретении хитроумных ловушек, в которые попадают завербованные противником агенты.

Мог ли такими методами пользоваться, например, Гавриленко, когда ему во время войны поручили охрану безопасности целого ряда предприятий, в том числе эвакуированных, в общем насчитывающих семь с половиной тысяч работников?

Подозревать каждого? Нет, у советского контрразведчика есть другой путь. Он всегда может рассчитывать на помощь патриотов, честных граждан социалистической Родины. Поэтому его исходный принцип как раз обратный — доверие к людям.

О чем вспоминает Максим Максимович, прогуливаясь погожим вечером по аллеям приветливого сада имени Фрунзе? Что мог бы рассказать?

Не только о тех фактах своей биографии, которые могут стать основой острого сюжета для детективного рассказа. Есть у него истории, связанные с этими улицами, этим городом.

Была, например, одна с директором электростанции Насыровым, которого Гавриленко спас от тюрьмы, опровергнув на суде обвинение в саботаже и представив доказательства того, что электростанция работала с перебоями из-за объективных причин, в частности — скверного снабжения углем.

Еще был случай, когда прямо в управление пришел человек, которого Гавриленко видел в последний раз ровно десять лет назад, и, вызвав через дежурного Максима Максимовича, сказал ему: «Отсидел я свой срок и пришел в конце концов к окончательному выводу: правильно отсидел, что заслужил — то и получил. Но вам хочу сказать спасибо, что о семье моей в трудную минуту позаботились, моему греху не дали на жене и детях отразиться. Вы — Человек, это я должен вам сказать. Спасибо».

А еще была драматичная история одной девушки из оккупации — Елизаветы Метельниковой, уроженки Смоленской области, которая совершила предательство...

* * *

Тонкую, сложную работу вели в военные годы в глубоком тылу на Южном Урале многие чекисты. Среди них и Максим Максимович Гавриленко.

В ту холодную военную оренбургскую зиму он обычно возвращался к себе домой — в квартиру на четвертом этаже — далеко за полночь. После быстрой ходьбы по темным заснеженным улицам он не сразу чувствовал, как сильно выстужена комната, где на широкой кровати, укутавшись в одеяло и пальто, тесно прижавшись друг к другу, спали жена и дети.

Раскутывал чайник на столе, пил желтоватый, уже едва теплый чай и быстро ложился. Мелькала мысль, что к утру холодная вода в ведре наверняка опять покроется льдистой пленочкой, и... проваливался в сон.

Просыпался, когда жена уже хлопотала: стирала пеленки в тазу, из которого валил густой пар, и сушила их на большом листе жести, установленном над горящим керогазом, или готовила кашу для маленького.

Через полчаса Максим уже снова чуть не бегом, чтобы согреться в своей шинели, отправлялся на работу. Припотаннный снег на тротуаре под подошвами сапог не то что скрипел — взвизгивал. «Ух и морозище», — Гавриленко сжимал холодные пальцы в рукавицах, сильно размахивал руками. От центра города до Красного Маяка — путь неблизкий. Пока шагаешь, многое успеваешь обдумать.

В Оренбурге в ту военную зиму сорок второго — сорок третьего годов шло строительство эвакуированного завода, ставшего позднее одним из крупнейших предприятий города.

Возводил объект особый строительно-монтажный батальон. Работали в нем сотни людей, побывавших в плену у фашистов или отправленных сюда с территорий, уже освобожденных советскими войсками. Ужасов они навидались, о каких жители Оренбурга только из газет знали. Но у кого как там, за линией фронта, жизнь складывалась — об этом не каждый откровенно скажет.

Максим Гавриленко ходит сюда чуть ли не ежедневно, говорит со многими, завязывает и близкие знакомства, ищет готовых помочь ему в деле, именуемом охраной государственной безопасности.

Разобраться в людях помогут сами люди. Кто испытал фашистскую оккупацию на себе, не сможет простить предателя. Обязательно ему, Максиму Гавриленко, скажет, коли почувствует в ком-то нечистую совесть, приметит недобрый помысел.

Вот и в последние дни замечает он, как будто ищет случая заговорить с ним немного знакомая черноволосая девушка, занятая на земляных работах. Фамилия ее Воробьева — это он помнит. Месяца два назад разговаривал с

ней о житье-бытье в общежитии. Когда он проходит по стройке и оказывается близ места, где она работает, постоянно видит ее взгляд из-под толстого платка — долгий и упорный... Что же ей нужно ему сказать?

В том, что такая нужда у девушки есть, он не сомневался. Опыт научил его угадывать подобные взгляды. Как часто человек сам не решается подойти. В себе сомневается, может быть, не уверен — надо ли говорить... И ждет, чтобы он, Гавриленко, сам позвал и спросил.

Итак, Воробьевой нужно что-то ему сказать. Сегодня же вызову ее, решил Гавриленко, заходя в свой крошечный кабинетик на стройке. Только не спешить, не сразу с утра. Ближе к середине дня послать за ней кого-то из конторских как бы между делом. А пока посмотреть бумаги и потом — к заместителю начальника строительства по снабжению Шакуруину для серьезного разговора. Что-то перестал он некоторые безобразия замечать. Вчера опять при разгрузке гору кирпича побили. Инженер Смагин на днях буквально из себя вышел — по указанию Шакурина часть неустановленного оборудования разукomплектовали, чтобы его снабженческие «дыры» залатать. А на третьем участке людям не выдают рабочих рукавиц, инструмента там вечно нехватка, простаивают.

Часов в одиннадцать Гавриленко постучал в дверь кабинета зама. Увидев его, Шакурин — крупный, упитанный мужчина — встал навстречу, пожал руку и пригласил сесть.

— Ну, как служба? — спросил Шакурин и тут же, будто предупреждая ответ, замахал руками. — Знаю, знаю я, дело ваше секретное, подробности там разные мне знать ни к чему. Главное, одно дело делаем вместе.

Он был в добром расположении духа. Решив, что контакт налажен, заоткровенничал:

— Вот как начнем выпускать продукцию, тогда работать станет куда легче. Увидишь, в каком почете я здесь буду, как дела у меня пойдут. К примеру, спирт у меня будет, а он мно-о-гим нужен. — Шакурин заговорщицки подмигнул. — В моей воле велеть: отпустить такому-то. А могу и отказать...

Максим встал со стула резко. Глядя в застывшие от неожиданности зрачки заместителя, проговорил:

— По вашей вине, товарищ Шакурин, допущено разукomплектование оборудования. На участке люди простаивают — лопат, топоров не хватает, рукавиц нет, обморожения могут быть. Допускается порча стройматериалов.

Гавриленко перечислял факты и видел, как твердеют щеки Шакурина, как медленно отливает от них кровь.

— Не может быть...

— Пойдемте посмотрим.

— погоди. Сейчас санки запрягут, поедем.

Усевшись в санки, одетый в овчинную шубу и валенки заместитель начальника оглядел шинель и сапоги Гавриленко и с заискивающей ноткой в голосе предложил:

— Ты, это... Зайди потом, я тебе выпишу со склада доху потеплее да валенки, а?

— Вижу, сейчас мне в моей шинели и в сапогах теплее, чем вам в шубе и валенках, — отрезал Максим.

К концу объезда территории строительства Шакурин только лепетал:

— Все сегодня же исправим, непременно все сделаем, только не надо дальше... это самое, только не надо никому сообщать, пожалуйста.

Максим пошел к себе, закурил и посидел, согреваясь с мороза и с удовольствием затягиваясь. В дверь робко и торопливо постучали.

— Входите.

Порог переступила та самая черноволосая высокая девушка, которую он собирался сегодня вызвать к себе.

— Здравствуйте, можно к вам?

— Входите, входите, — повторил Гавриленко. — Здравствуйте, садитесь, прошу вас. С каким делом пожаловали? — спросил он прямо, поняв теперь, что искать встречи с ним заставило ее что-то серьезное.

— Спасибо, — девушка села, ослабила возле шеи туго затянутый теплый платок. — Моя фамилия Воробьева, может быть, помните? Валентина Воробьева. А по делу я к вам, товарищ Гавриленко, вот по какому. В общежитии живет со мной вместе Метельникова, она в деревообделочном цехе работает. Девушка ничего вроде, замкнутая только. Но сколь ни замыкайся, невозможно же без конца молчать, если душу что-то гложет. Верно я говорю?

Гостья вопросительно посмотрела на него.

— Верно, очень даже верно.

— Мы вроде как подруги. Нет, не близкие, Елизавета близко ни с кем не дружит, какая-то все время, ну, настороженная, что ли, даже когда смеется. Да мало ли у кого какой характер. Тем более, у нашего контингента... Сами знаете, у многих судьба изломана. О том и зашел у нас недавно разговор. Уж не помню, с чего началось. Кажется, говорили сначала о своих родных местах. Елизавета-то из Смоленской области. И чувствую — больно вспоминать о доме ей. Я думала — тоскует очень, хотя и мать здесь. Тянет, думаю, человека к родным местам. Потому что говорит: домой, мол, теперь не скоро попадешь, до-о-олго, мол, держать на таких стройках да проверять нас будут. Ну, я и давай ее успокаивать: это, мол, пока война. Время, мол, такое, что ж тут поделаешь. Она тут скривилась и говорит, я даже не ожидала: «Скоро ли? У немцев силы немало. Да из наших им тоже кое-кто помогает. Я-то знаю...» «И я знаю, — отвечаю ей, — служат им только трусы да подонки».

Она тут как будто себя помнить перестала. Как закричит: «Ах, подонки! А я, по-твоему, кто? Когда мать расстрелять пригрозят, все, что они захотят, им выдашь. А что делать? Там, в лесу, партизаны эти все равно бы пропали, а то их в плен только взяли, может быть, еще живы будут...»

Я, как услышала такое, поняла — это она кого-то фашистам выдала. «Предательница ты!» — говорю. А она тут как разревется и все говорит: что, дескать, было делать мне? Вот и решила я вам все сказать, товарищ Гавриленко. Вы сами разберетесь. Если она действительно предательница — не хочу я ее покрывать. Не могу. У

меня самой брат без вести на фронте пропал, может, его она немцам и выдала там, в лесу.

— Вы правильно сделали, товарищ Воробьева, что пришли ко мне. Но прошу, Валя, о том, что были у меня, — никому ни слова.

— Заметила я, к ней парень один хаживает. Рыженький такой, прихрамывает, Кадкин его фамилия. О чем он с ней говорит, не знаю. Только как-то услышала, когда под фундамент вместе с их бригадой землю копали, я как раз с носилками подошла, этот Кадкин и говорит другому рабочему: «Надоело надрываться. Строим, а немец подходить к Уралу станет — так, чтобы ему не досталось, взорвут все к чертовой матери». А тот ему в ответ: чего, дескать, болтаешь чепуху, работай.

— Кадкин? Вы ни с кем не спутали? — спросил Гавриленко.

Воробьева отрицательно покачала головой.

— Ну что ж, еще раз большое спасибо вам.

Воробьева ушла, а Максим задумался. Личное дело Кадкина он вспомнил сразу. По его объяснению был ранен в ногу, попал в плен. Пленных фашисты на ночь заперли в церковь. Кадкин, якобы, бежал вместе с несколькими другими пленными, спустившись по веревке с колокольни. При переходе через линию фронта товарищи погибли, только ему одному удалось добраться до своих.

Недоверие к этой версии у Гавриленко возникло уже, когда знакомился с бумагами прибывших на стройку, потому теперь и вспомнил ее.

Как мог раненный в ногу человек спуститься по веревке с колокольни? Как же охраняли немцы пленных, что прозевали такой побег? А если Кадкин завербован и заслан через линию фронта?

Гавриленко встал. «Гадать нечего, — решил он. — Надо действовать. А пока взгляну-ка я на эту Метельникову».

Полчаса спустя Максим разговаривал в деревообделочной мастерской с двумя рабочими — старым и совсем мальчишкой, расспрашивал о станках, о древесине, еще о чем-то, а сам незаметно наблюдал за девушкой невдалеке. По привычке отметил сначала ее приметы: роста среднего, волосы светлые, прямые, лицо овальное, глаза серые. «А она симпатичная, — подумал он вдруг. — Лицо даже располагает. Видно, сдержанная, такой-то и доверишься, не подумаешь, что она может предать».

* * *

Никогда не думала и сама Елизавета Метельникова, что способна на предательство. Когда началась война и линия фронта подкатила прямо к околице ее родного смоленского села, она никак не могла поверить в реальность происходящего.

Суматошно собрались Лиза с матерью и младшей сестренкой и отправились в дорогу. Но дошли только до районного центра. Остановились в просторном доме у дальних родственников — людей преклонного возраста, чтобы переночевать, а заодно и обдумать, куда дальше двигаться.

А наутро по улице городка прогремели танки с фашистской-свастикой.

Ко многому человек может привыкнуть. То, что еще недавно казалось невозможным, стало теперь реальностью: чужие солдаты на улицах городка, рокочущая военная техника, наклеенные повсюду приказы со страшным словом «расстрел». Особых событий не происходило, и жизнь стала уже приобретать оттенок обыденности. Но однажды во дворе в сумерках Лизу кто-то тихонько окликнул — и с этого мгновения началось все то жуткое, что потом долго точило, грызло совесть, невольно вырвалось в разговоре с Валей Воробьевой...

...Она обернулась и увидела в сумеречной тени угла дома человека. Выцветшая гимнастерка, заправленная почему-то в брюки, сапоги. Ту же поняла: красноармеец. Он помнил к себе. Она подошла, как завороченная.

— Слушай, сестренка, выручай. Харчами помоги. Раненые мы, подлечились тут, а теперь в лес нам уходить надо. Там попросить не у кого будет.

— Сейчас, — она опомнилась и схватила протянутый вещмешок.

Через несколько минут Лиза торопливо вынесла его, набитый картошкой, и еще две буханки хлеба и брусок сала, завернутые в полотенце. Незнакомец взял, сказал: «Спасибо, выручила». И тут же исчез.

Лиза повернулась и... встретилась глазами с соседкой, которая, стоя на крыльце своего дома, внимательно и как будто насмешливо на нее смотрела. Лизу пронял озноб. «Господи, она видела. Что же теперь будет?»

Соседка, известная всему городку спекулянтка и злая склочница, донесла. Лизу вызвали в жандармерию. Сначала ласково предложили сказать, где теперь скрываются бежавшие военнопленные, а после того, как она в третий раз повторила: «Не знаю», офицер размахнулся и ударил ее в лицо.

Потом ее долго били, поминутно спрашивая: «Скажешь?» Когда боль и унижение стали нестерпимыми, она, плача навзрыд, выкрикнула с мукой в голосе: «Но я же правда не знаю».

И тут удары прекратились. «Хорошо, — сказал ей офицер. — Мы тебе верим. Но ты совершила преступление против армии фюрера и должна быть расстреляна. Однако мне не хочется убивать такую юную и симпатичную девушку. Ты пойдешь в лес, найдешь этих беглецов и укажешь нам. В заложниках остаются твоя мать и сестра. Не вернешься — расстреляем их. А выполнишь задание, простим тебя».

...Боль, страх, еще больше возросшие от сознания того, что в опасности мать и сестренка, гнали ее все дальше в лес. И вот злая удача: наткнулась на землянку с шестью партизанами. Она им сказала, что отправилась в деревню обменять вещи на продукты да заплуталась. Ей указали дорогу.

А на следующий день она вернулась сюда по этой дороге в кузове машины с фашистскими солдатами...

Смалодушничав раз, она уже не имела сил даже возразить, когда тот же самый офицер послал ее через линию фронта для сбора разведанных о советских войсках. «В заложниках остаются мать и сестра. Не вернешься — расстреляем», — не забыл напомнить офицер.

Несколько раз переползала она по льду реки, накрывшись белой простыней, через линию фронта и приносила офицеру интересующие его сведения.

А когда советские войска пошли в наступление, гитлеровец сказал: «Это временно, мы вернемся и найдем тебя».

Фашисты в городок не вернулись, но Лизу не забыли.

Метельниковых после оккупации направили на строительство в Оренбург. Елизавета жила в общежитии, мать с младшей сестренкой — на квартире в одной семье в частном доме. И можно бы, казалось ей, все забыть навсегда, жить, как будто ничего и не было. Но часто вставал перед глазами зимний день в лесу, землянка и лица тех шестерых партизан. И тогда хотелось выть, она ненавидела себя, того солдата, который попросил у нее продукты, — всех. Верно говорится: совесть без зубов, а загрызет.

В каком-то непонятном и злом исступлении она выговорила Воробьевой. «Вот дура, дура», — ругала после этого сама себя. В ушах стоял странно приглушенный голос Воробьевой: «Как ты могла?» Страшно стало после этого Лизе. По всем суставам, подсуставам, жилкам и поджилкам мороз пробежал. Как тогда на льду под простыней случалось.

Но прошло несколько дней, ничего не произошло, и она стала успокаиваться. Несколько раз разговаривала с этим рыжим — Кадкиным, который явно оказывал ей особое внимание. И, Лиза чувствовала это, догадывался, что у нее на душе, но не осуждал, а, наоборот, как будто понимал. Однажды сказал ей в разговоре: «Эх, Елизавета, зажили бы мы, я чаю, неплохо, коли бы не тянули с этой войной, не гнали бы народ на смерть бесполезную. Разве ж одолеешь его... Видели мы...»

Его намеки, недомолвки, казалось ей, свидетельствуют о том, что знает он что-то о ней и еще вдобавок что-то ей неизвестное. Это успокаивало и вселяло какую-то смутную надежду. А на что, сама понять не могла. Скорее всего, на оправдание того, что она совершила, на подтверждение: не было смысла сопротивляться, бороться с неодолимым.

* * *

В несколько последующих дней Гавриленко время от времени находил полчаса, чтобы побывать в деревообделочной мастерской или в общежитии. Он наблюдал за Метельниковой, будто хотел по лицу угадать движения ее души, а по ним, насколько это возможно, характер.

Но Максим был человеком вполне обыкновенным, далеко не ясновидцем, да и возрастом всего на пять лет старше Метельниковой. Правда, профессия выковала в нем кое-какие особые качества, которые появляются, как правило, только в результате долгой, трудной, порой мучительно трудной внутренней работы. Ему хорошо знакомы были сомнения и голос совести: правильно ли ты решаешь судьбу другого человека?

Изучая Метельникову, Гавриленко, наряду со сбором фактов, после заявления Воробьевой, накапливал собственные наблюдения. Он всегда действовал по принципу: свой глазок — смотрок. Не верю, а видением.

Беседовать с Метельниковой сам он не мог. Если действительно она связана с Кадкиным, а тот завербован, его можно спугнуть, Гавриленко на стройке знают.

Время шло, надо было быстрее разобраться в деле Метельниковой, чтобы предотвратить, пресечь ее возможную враждебную деятельность. Однако Гавриленко нужны были дополнительные доказательства и, главное, требовалось выяснить, что за личность Кадкин.

Как это сделать, Максим придумал, и только собрался доложить о своей идее, как его вызвал начальник управления.

— Гавриленко, — гремел по телефону голос начальника. — Надень-ка свою знаменитую шинель и зайди ко мне.

А когда Гавриленко исполнил это странное приказание, начальник осмотрел его со всех сторон, приказал позвать заведующего хозяйством управления и сказал тому:

— Степан Трофимович, видишь, в какой одежде ходит у нас Гавриленко? Как еще воспаление легких не схватил! Полушубок какой-нибудь не найдется у нас на складе?

— Нет полушубков.

— Тогда пальто теплое ему сшейте, материал-то найдешь? Да чтобы подкладку ватную. Ведь за безопасность на десятке предприятий отвечает, где тысячи людей работают. А ну как сляжет, кем мы его заменим?

— Ну, пальто закажем, сошьют.

Потом состоялся разговор с начальником, Максим сказал о трудности в деле Метельниковой — Кадкина и попросил дать ему в помощь молодого оперативника Ивана Густерина, который в городе работал недавно...

Расследование по делу Метельниковой заканчивалось. Нужные свидетельские показания собраны, надо было арестовывать ее, но так, чтобы об этом на стройке никто не знал, чтобы не знала ее мать, а главное, Кадкин, которого продолжал изучать Густерин.

* * *

Следователь Елизавета Метельникова рассказала все сразу и подробно, как будто рада была свалить груз со своей совести. Свою вину не отрицала, но о Кадкине сообщить что-либо существенное не могла. Хотя откровенно призналась: догадывается, что тот не случайно к ней подход искал и как-то связан с ее бывшими хозяевами. «Осторожен, оказывается, больше, чем я думал», — отметил Гавриленко, когда прочитал показания Метельниковой. Чутье подсказывало ему, что Кадкин — враг. Но чутье чутьем, а доказательства нужны неопровержимые. Гавриленко был уверен, что найдет их.

* * *

Взяли Кадкина месяца через полтора с поличным. Гавриленко, отложив на время другие дела, которые только можно было отложить, кропотливо изучил окружение Кадкина.

Вскоре получил данные, что Кадкин осторожно интересуется некоторыми предприятиями на территории Оренбургской области и продукцией, выпускаемой ими. Это утвердило Гавриленко в подозрении, что Кадкин шпион. Чекисты усилили наблюдение, а через несколько дней Кадкин был задержан, когда на железнодорожных подъездных путях одного из оренбургских заводов фотографировал платформы с находящейся на них военной техникой и в записной книжке делал пометки о ее количестве.

На допросах Кадкин рассказал, что в плену был завербован абвером. Попав в Оренбург, по обусловленному каналу дал о себе знать, где находится. Через некоторое время получил письмо, содержащее тайнопись, с заданием собрать сведения о выпускающейся в городе и области продукции оборонного значения. К сбору шпионских сведений ему предлагалось привлечь и Елизавету Метельникову.

Это не удалось. Заслуга в этом — Максима Максимовича Гавриленко.

Для него то дело осталось одним из многих, обычных. Главные, большие дела в это время у него были еще впереди.

Н. СОЛОВЬЕВ Обезврежены своевременно

Весна 1944 года. Казалось, теплые ветры сгоняют не только снег с необъятных просторов нашей Родины, но и фашистские орды.

Индустриальный Орск жил в ту весну ожиданиями больших перемен. В магазинах появилась мануфактура, кое-какие бытовые товары. И нехитрые эти товары убедительнее сводок Информбюро говорили: близок конец войне, страна готовится не только к окончательной победе, но и к восстановлению мирной жизни...

— Василий Петрович! Товарищ Полухин! Здравствуйте!

К Василию подошел мастер паросилового цеха Кудрявцев:

— Что это вы нашли интересного под ногами на нашей территории? — мастер не спеша снял рукавицы, расправил усы и только тогда протянул Полухину руку.

— А, Федор Никифорович! Здравствуйте! Да вот, смотрю. Сапоги-то, пожалуй, пропадут. Когда же мы эту грязь изживем? От цеха к цеху пройти невозможно. Видно, опять придется с руководством ругаться.

— Не спешите, Василий Петрович. Время сейчас горячее. Комбинат не свадебные сорочки шьет, дает стране металл. Да еще какой! Вот кончится война, фильтры на трубы поставим, деревьями всю территорию засадим.

— Так-то оно так, но не у всех же обувь надежная. Как только она выдерживает эту едкую кашу...

— Занят, поди, времени нет? — вроде бы некстати спросил старый мастер. — Но к нам в цех загляни.

— Случилось что-нибудь?

Василий уже привык: мастер порой переходил с официального «вы» на доверительное «ты».

— Да нет, — как-то неуверенно произнес Кудрявцев. — Пока еще нет. Но настроение некоторых в цехе мне не нравится. Заходи. С людьми поговори.

— Ох, Никифорович, темните что-то. Ладно. Сегодня не смогу. Завтра после обеда забегу. Устраивает?

Василий отошел от мастера слегка встревоженный. Неспроста кадровый рабочий приглашает его. Неспроста. Надо будет с ним потолковать на досуге. И, вероятно, он прав, что ничего мне здесь не сказал. Не уличный, видимо, разговор. Но и не очень спешный. Иначе не отпустил бы меня так спокойно.

— Лучшему чекисту Южного Урала — привет!

Василий резко повернулся вправо, откуда раздалось это приветствие, произнесенное звонким голосом и довольно громко, так, что даже проходящие в отдалении рабочие повернули к ним головы.

— А-а, Павел! Все остришь! — скривился в натянутой улыбке Полухин. Одно время он достаточно долго возился с этим парнем. Тот болтал всякие нелепости, чуть под статью не угодил. Василий Петрович потратил тогда немало усилий, пока понял, что ничего враждебного за душой у парня не было, однако чувствовал, что кто-то сбивает его с толку. Затем Павел, как ему показалось, исправился. Взрослее, что ли, стал, степеннее, активнее в общественных делах. А работал он всегда хорошо, за что и ценили, хотя пожилые и считали его шалопаем. Да и

знакомые у него водились разного сорта.

Не понравилось, ох как не понравилось опытному чекисту такое громогласное обращение на улице. Тем более, что рядом с Павлом стоял незнакомый мужчина средних лет, в потертом сером демисезонном пальто и сравнительно новой коричневой шапке-ушанке. Держался он, пожалуй, скованно, но с достоинством.

— В следующий раз рупор возьми, когда со мной поздороваться захочешь! — Полухин отвернулся и быстрым шагом пошел прочь, унося в памяти широкую и глуповатую улыбку Павла.

Переговорив с добрым десятком людей и исколесив изрядную часть территории комбината, Полухин пошел в свой небольшой кабинет, расположенный в укромном уголке одного из цехов.

К вечеру он, как обычно, решил мысленно обобщить итоги дня. Вычленил главное из всех и обстоятельных, и беглых разговоров, припомнить не только смысл услышанного, но и интонацию, выражение лиц и связать все это в единое целое. Эти крупинки информации из разных источников, соединяясь в его мозгу в единое целое, позволяли Полухину быть в курсе почти всех событий, порой даже незначительных. И не раз удивлял он руководство свое и комбината широким спектром понимания проблем и общей осведомленностью по самым разным вопросам.

В последнее время он ощущал какую-то внутреннюю тревогу, словно находился накануне события, которого еще не знал. Только интуиция, и ничего больше. Впрочем, и это немало...

— Разрешите? — голос вошедшего прервал его размышления.

Полухин поднял голову.

— Павел?! — не скрывая удивления, произнес он. — Заходи, казак. На пару ласковых...

— Здравствуйте!

— Вот тебе и раз! Да мы же сегодня виделись. Иль забыл? Лучше скажи, зачем из меня пугало делаешь?

— Ну-у, Василий Петрович! Нашли на что обидеться! Да вас ведь на комбинате знают. Или в лицо, или понаслышке.

— Садись-ка, «понаслышке», — передразнил его Полухин. — А ты, однако, обнаглел, паря. Если честно, я от тебя этого не ожидал. Не по-мужски это, Павел.

— Если вы это про улицу, Василий Петрович, так это я нарочно так.

— Мальчишка! Я же не артист, чтобы рекламировали и привлекали ко мне внимание каждого встречного-поперечного. Кстати, кто это с тобой по лужам шлепал?

— Не он со мной, а я с ним. Я, может, потому и окликнул вас, чтобы вы на него посмотрели, а не на меня.

— Вот как! — посерьезнел Полухин. И сердце его неожиданно гулко ударило в груди. Он испытующе посмотрел на Павла, затем на дверь.

— Не бойтесь, Василий Петрович, никто не видел, как я к вам просочился. Используя ваш опыт и умение...

— Ну! И кто же был рядом с тобой? — перебивая его, равнодушным тоном спросил Полухин. — И зачем это мне надо было на него смотреть?

— А хотя бы затем, что он вас хорошо знает, а вы его — нет. Ну и... меня он тоже знает, как и то, что вы мне «полоскали мозги» в недавнем прошлом.

— Это уже интересней. Продолжай, коли начал. — Полухин посмотрел Павлу в глаза. — А ты не мог нас познакомить несколько другим способом?

— Во-во. И он так же меня спросил. И тоже соответствующее внушение сделал.

— Серьезно говорить будем?

— Серьезно, Василий Петрович, — парень посмотрел на Полухина и не отвел глаз, когда их взгляды встретились...

Уже к полуночи Полухин нашел начальника горотдела НКВД и пересказал разговор с Павлом, суть которого кратко сводилась к следующему.

Около месяца назад Павла встретил его старый знакомый Григорий Просо, тоже работник комбината. Когда-то раньше у них были общие делишки. Кое-что доставали, продавали. Деньги, как правило, пускали на пропой. Затем каждый осел в своей компании, и где-то до полугода они не встречались. И вдруг Просо снова объявляет Павла своим лучшим другом, чуть ли не в любви ему объясняется. Жаден Просо до выпивки, а здесь щедро делится за просто так. Настроением парня очень интересуется. Дружков Павла знает наперечет. А дружки, прямо сказать, разные. Есть и с грешком.

Сначала Павлу, как он сказал, невдомек было, зачем это Просо его так старательно обхаживает. Думал, что компаньона по выпивке ищет. Только встречи не прекращались, и Павла любопытство заело. Просо как работник характеризуется, мягко говоря, никудышным. По натуре трусоват, ненадежен. При случае продаст и дорого не возьмет. Но становится наглым, когда находит очередного покровителя или покровителей, без которых он не живет и жить не может — своего ума не нашол, как говорит Павел. Сам Павел — парень с головой, работу любит, чувство рабочей гордости имеет. Да и совесть, если отбросить мальчишество, чиста. К тому же Павел терпеть не может трусов и подхалимов, чьи интересы не выходят за рамки мелкого рвачества, недовольного брюзжания да пересказывания скабрезных анекдотов. Именно к такому типу людей он относит Просо.

Так что их отношения не назовешь приятельскими. Разные люди, хоть и пересеклись их судьбы случайно в прошлом. Павла как раз и насторожило то обстоятельство, что Просо чуть ли не идеалом дружбы называл их прежние отношения и с разговора на любую тему к этому возвращался. Павел стыдится прошлого, а Просо его идеализирует, даже героизирует — мол, только те и есть настоящие люди, кто не боится противопоставить себя власти, а если нужно, то и всему миру. И если, говорит, Павел готов рискнуть, он, Просо, по старой дружбе может

познакомить его с одним человеком. Тот хорошо заплатит.

— За что заплатит? — перебил Полухина полковник.

— За риск.

— Риск бывает разного сорта, — задумчиво произнес полковник. — Кстати, заплатит или заплатят?

— Заплатит.

— Павел, — продолжал Полухин, — почувствовав, куда клонит Просо, чуть ему по шее не дал. Да сдержался. Знает он Просо, тот с чужого голоса «поет». Сам хотел все разузнать и вывести этого субъекта на чистую воду. Поддакивал ему, где надо и не надо. Просо, в свою очередь, подумал, видимо, что обработал парня.

А сегодня... Сегодня Павла завербовали, если так можно выразиться. В качестве кого и куда он и сам не знает. В роли вербовщика выступал некий Николай Иванович, как он представился. Павел видел его впервые, где он работает, ему неизвестно. Но тот хорошо осведомлен о Павле и его дружках, похоже, что со слов Просо. Павел дурачился, торговался даже, спрашивал, что он получит за свое согласие. «Вербовщик» пообещал всерьез хорошую плату, о чем просил пока поверить ему на слово. Ничего конкретного при этом Николай Иванович ему вроде бы не сказал, все больше намеками на будущее оперировал. Но держался уверенно. Намекнул, что у него везде свои люди, и, если что, Павлу придется туго.

Здесь Павел и понял, что шутки кончились. Растерялся. Затем допустил большую ошибку — увидев меня на улице, окликнул, да еще так неудачно. Хотел мое внимание к этому Николаю Ивановичу привлечь, влип по-крупному. Сразу после этого Николай Иванович ему сделал серьезное внушение — у них, мол, так не делается. И как тот ни пытался объяснить свою выходку бесшабашностью, похоже, ему не поверил. Расстались они сразу после нашей встречи, и незнакомец пошел на выход с территории комбината, запретив Павлу сопровождать его дальше.

Полковник слушал молча, и только легкое постукивание торцом карандаша по столу — его давняя привычка — показывало, что он внимателен.

— Все? Что думаешь по этому поводу, Василий Петрович?

— Похоже, враг действует. Диверсант? Или даже резидент?

— Не спеши с выводами, капитан. Парню веришь?

— Верю.

Полковник помолчал.

— Диверсант? Резидент? Что-то маловероятно. Сегодня не сорок второй год. А ведь лавливали и таких. Помнишь, Петрович, заброс целой группы этих головорезов под Гурьевом? Ты же участвовал в их ликвидации. Не твой ли это недобитый «крестник» у нас объявился?

— Из тех ни один не ушел, товарищ полковник. Здесь что-то другое. Думаю, кто-то из осевших в городе действует. Не чужак, не пришлый недавно. Скорее всего, еще до войны засел. И людей уже наших знает, изучает исподволь. Возможно, рассчитывает действовать чужими руками, чтобы самому остаться в стороне. Сдается мне еще, что Николай Иванович — не то лицо, о котором Просо намекал Павлу.

— Думаешь, есть и третий?

— Уверен.

— Допустим. А цель?

— Комбинат дает фронту металл. Очень нужный металл. Остановка комбината, даже кратковременная, весьма заманчива для противника. Особенно сейчас, учитывая наше повсеместное наступление.

— Хорошо. Не будем исключать эту вероятность. Перепроверить все надо, Василий Петрович. Тщательно перепроверить. Далеко от нас бои, но фронт, он проходит и здесь, через наш Орск. В первую очередь, отработывая версию — связь с врагом. А парня на всякий случай предупреди, чтобы никакой самодеятельности не предпринимал. Твои, Петрович, отношения с ним — только конспиративные, это тоже внуши ему строго-настрою. Если встреча с тобой их вспугнет, на него выйдут. Или... его постараются забыть. Это в лучшем случае. Пусть парень поостережется. Подстрахуй его, Петрович. Всякое может быть.

— Этот Николай Иванович Павла о его связях расспрашивал. Насколько я понял, им — или ему — нужны люди вроде Павла и его окружения. Так что и на них могут выйти. Павел, между прочим, мне своего приятеля порекомендовал, подходы к нему подсказал. А Просо я сам займусь, если возражений не будет.

— Не возражаю. Но главное — не упустить Николая Ивановича. Найти его нужно непременно. А затем сделать так, чтобы он и на минуту не выпадал из нашего поля зрения. Через недельку-другую, Василий Петрович, об этих Просо, Николае Ивановиче, и если есть и другие, то и о них, мы должны знать больше, чем они сами о себе знают. А тебе, Василий Петрович, — полковник посмотрел на утомленного Полухина, вздохнул, но тем не менее твердым голосом продолжил: — ночь на раздумье. Завтра первая половина дня — для уточнения и проверки данных Павла, вторая — для выработки плана и оперативных версий. К вечеру доложишь. На сегодня все.

Звон будильника отозвался в Полухине громом канонады. Не думая — сработал рефлекс, — он сел и выключил будильник. «Да, очень это негусто — полтора часа сна», — вяло шевельнулась грустная мысль. И тут же он осадил себя: «Об отдыхе теперь нечего думать. До него далеко». Стараясь не шуметь — кругом еще все спали, — Полухин начал ежедневную двадцатиминутную зарядку. Отгоняя все мысли, он целиком отдавался броскам, прыжкам и приседаниям, с удовольствием ощущая, как оживают мышцы. Знал из опыта — эти двадцать минут окупаются сторицей.

В предрасветный час Полухин уже был на комбинате. Он встретился с нужными ему людьми из третьей смены; вопреки вчерашнему намерению, уже утром повидал старого мастера паросилового, в котором, кстати, работал и Павел. Но, к сожалению, это не дало ожидаемых результатов. Мастера тревожили другие вопросы,

которые в данной ситуации могли еще подождать.

И все же к концу дневной смены Полухин успел многое. Помимо деловых разговоров с кадровыми рабочими, в честности и партийной закалке которых у него не было оснований сомневаться, он разыскал комсомольского вожака Смолина, возглавлявшего оперативный отряд комсомольцев комбината, и попросил подобрать группу особо надежных и проверенных ребят, с каждым из которых он впоследствии переговорил наедине и, не скрывая своего замысла, дал отдельные поручения.

Используя свои обширные связи и знакомства, он узнал кое-что и о Николае Ивановиче. Оказалось, что тот работает в строительном тресте по делам снабжения, нередко бывает на комбинате. Правда, еще не были известны его фамилия и должность, но это уже, как говорится, дело техники. Полухин связался со своим сослуживцем Каревым, который знал этот стройтрест как свои пять пальцев, и заручился его содействием.

Впервые за последние сутки Полухин позволил себе расслабиться. В полудремотном состоянии он просидел в кабинете не более получаса, пока не заметил, что Павел, которого он ждал для детального инструктажа, запаздывает. Полухин недовольно поморщился, встал, разминаясь, подошел к небольшому окну, раздвинул плотные занавески и выглянул на улицу. Темнь. Уже наступала ночь. Только кое-где лампочки на столбах выхватывали из темноты небольшие островки грязного снега.

Он решил выйти на улицу, встряхнуться, а заодно и встретить Павла на предполагаемом маршруте. Подморозило, и сапоги с хрустом давили тонкий ледок и смерзшийся снег. Увидев у темной стены обжигового цеха небольшую кучку людей, Полухин невольно ускорил шаг. Но, только подойдя вплотную, понял, что случилось непоправимое. Прямо на снегу возле открытого канализационного люка без движения лежал человек. Еще не видя его лица, Василий Петрович узнал по потрепанному зеленому ватнику Павла.

«Не уберег парня, — захолонуло сердце у Полухина. — Моя вина».

Он невольно ссутулился, словно только сейчас на него лег весь груз ответственности за случившееся и еще не случившееся, и напрочь отпалили все сомнения в ошибочности предположений. Есть темная сила, которой Павел перешел дорогу и жестоко поплатился за это. Его долг — найти эту силу, человека или людей. Найти и обезвредить. Какими бы ни были их цели, несомненно одно — они преступны, опасны для жизни, может быть, многих.

— Оступился парень в темноте, упал в колодец, голову расшиб, — тронул за рукав Полухина пожилой рабочий, — потемки какие. Тут и днем-то не сразу эту дыру увидишь, да еще какой-то раззява крышкой на ночь забыл закрыть.

— Да, конечно... Такие потемки... Да, может, и пьяный, — кривя душой, пробормотал Полухин и пошел прочь, не замечая неодобрительно посмотревших на него рабочих. Ему захотелось хоть ненадолго заглянуть в цех, где работал Павел.

После улицы свет в цехе показался особенно ярким. Полухин медленно проходил мимо агрегатов, на ходу здороваясь с немногочисленными слесарями. Каждый занят своим делом. Только возле одного из котлов толпились ремонтники. Здесь и задержался Полухин, заметив среди них Просо.

— Там на улице, возле обжигового, парень один упал в канализационный колодец... насмерть зашибся, — вместо приветствия обронил он, мельком оглядывая лица собравшихся.

Как ни мимолетен был его взгляд, он заметил, что в глазах Просо метнулась тревога.

«Знает, подлец, кого имею в виду. Но, кажется, это не его рук дело», — подумал чекист.

Все заговорили разом. Подошли рабочие с других участков. Некоторые направились к выходу посмотреть.

«Да это же Павел Кузнецов, ваш товарищ!» — хотелось во весь голос крикнуть Полухину, но вместо этого он тихо сказал:

— Молодой какой-то...

Чуть позднее он узнал, что Павел вышел к нему на встречу к назначенному часу. Просо работал в группе ремонтников и из цеха не отлучался. Правда, нервничал, все валилось у него из рук.

Горько было Полухину, нестерпимо хотелось узнать подробности о гибели Павла, но его ждали другие люди. От того, что они ему сообщат, зависело многое...

Через две недели Полухин в целом уже знал «круг», как условно назвали Просо, Николая Ивановича и центральную фигуру — некоего Кочарова. Опытный чекист оказался прав, предполагая, что кто-то стоит за «мелкими сошками». Изучить группу «изнутри» очень помог друг Павла, Антон, которого тот рекомендовал Полухину накануне своей гибели. Преступники спешили, им были нужны сообщники, и они вышли на Антона. Тот был сметливым хлопцем, а когда чекист рассказал ему подлинную историю убийства Павла, хотя это пока и не было доказано официально, надо было только сдерживать его горячность, давать подробные инструкции по поведению и действиям.

Итак, Кочаров. Выходец из кулацкой семьи, распавшейся из-за постоянного пьянства отца. Еще мальчиком Кочарова, по просьбе его матери, взял на воспитание бывший дьяк, родственник по линии матери. За антисоветскую деятельность после революции дьячок был наказан и в гораздо меньшей степени, чем он этого заслуживал. Но урока из этого никакого не извлек. Напротив, затаил злобу. В этом же духе он воспитал Кочарова.

Мальчик рос любознательным, интересовался учением. Вступил в комсомол, стал инженером. Но под воздействием враждебно настроенных по отношению к Советской власти родственников вел себя вызывающе, работал спустя рукава. В результате последовало исключение из рядов комсомола. Но Кочаров обманым путем вступил снова — для карьеры. Мало кто знал, что в быту он окружил себя людьми злобными, недовольными

существующим строем и своим положением в нем. Это были, как правило, «бывшие» — бывшие кулаки, представители духовенства, судимые за кражи и должностные преступления.

Имеющий бронь специалиста от призыва в действующую армию, Кочаров на людях никогда не показывал своего интереса к положению на фронтах, уклонялся от обсуждения наших побед, наших неудач. Но был начитан, грамотен, выглядел среди дружков и знакомых интеллигентом, что явно льстило им, и дружки хвалили его ум, умение грамотно, «по науке» излагать свои и чужие мысли, пророчили ему большое будущее.

На работе он слыл энергичным, предприимчивым, пробивным, умеющим достать нужное «из под земли», обходительным. Его довоенное отношение к труду забылось и затушеввалось. Его ценили как специалиста, ему доверяли. Это подтверждал и Антон.

Но к этому времени открылось еще одно лицо Кочарова, о котором в Орске не знал никто. И оно перечеркнуло жирной чертой все его мнимые положительные качества.

Оно открылось, когда чкаловские чекисты, установив личность Кочарова, шаг за шагом анализировали его поступки, выявляли его связи в Орске, Чкалове, многочисленных городах страны, куда он выезжал в служебные командировки, изучали его биографию. И наконец последнее звено было найдено.

Чекисты получили неопровержимые данные о том, что Кочаров еще в 1939 году был завербован германской разведкой в период его пребывания в Заполярье. Используя свои связи и временный статус командированного, он накануне войны по заданию фашистского резидента пытался создать группировку в Мурманске. Местные чекисты, напав на след, спугнули его, и Кочаров, изрядно перетрусивший, но невредимый, вернулся в Орск. Его поиски не удалось тогда завершить — помешала война.

Кочаров затаился и ничем не выдавал себя даже тогда, когда враг подступил к Москве и берегам Волги. Он ждал. Ждал приближения фронта, ждал связного с инструкциями.

И тот появился, но не в сорок первом и не в сорок втором, как думал Кочаров, а в конце сорок третьего, когда былая вера предателя в приход немецких армий на Урал заметно пошатнулась, но надежда еще не иссякла.

В один из осенних вечеров прямо на улице к Кочарову подошел невзрачный мужичишка средних лет и попросил огоньку. Кочаров уже чиркнул спичкой, когда тот назвал пароль и передал привет от Вилли. От неожиданности Кочаров выронил коробок и растерянно посмотрел по сторонам.

— А нервишки-то укреплять надо, Гавриил Яковлевич, — наставительно произнес незнакомец. — И не надо делать лишних движений, — добавил он, наступая на спички, заметив машинальное намерение Кочарова поднять их. — Пройдемся-ка вот этим переулком, на пустырь. Там все и обговорим. Для вас я — дядя Миша. Знакомство шапочное. И если чего, работаю, скажем, на Орско-Халиловском металлургическом комбинате.

Кочаров шел с «дядей Мишей», и невеселые мысли роились в мозгу: «Да-а, это не Вилли. У того и лоск, и блеск, уверенность, сила. Джентльмен, одним словом. А этот? Заморыш какой-то. Наверное, трусит не меньше, чем я. Да разве может этот мне дать то, что обещал Вилли — богатство, положение, власть?!»

— А как Вилли? — не выдержал он.

— О Вилли лучше не говорить. Дай нам бог избежать его участи.

Кочаров пожегился, но промолчал. «Дядя Миша», вопреки ожиданию, оказался, однако, проницательным и напористым.

— Что, не приглянулся? — усмехнулся он, поглаживая свою телогрейку и поправляя шапку не первой свежести. — Ничего, я не девка, чтобы нравиться, переживу... А временные неудачи не должны смущать таких, как мы с вами. Кстати, проценты на ваш счет в рейхсбанке растут, — «дядя Миша» испытующе посмотрел на Кочарова. — Мало, наверное, процентов? Чтобы вклад вырос, надо хорошо поработать. Тогда можно рассчитывать на безбедное будущее.

«Если оно будет», — подумал Кочаров, но внешне приосанился:

— Значит, не забыли? — И неожиданно для себя вдруг, торопясь и захлебываясь словами, рассказал связнику, что он давно ждал этого момента, что не забыл, чему его учил Вилли. Он, невзирая на опасность, как мог, восхвалял фашистскую Германию, сеял слухи о невиданных победах германской армии, опровергал сообщения о ее потерях, расправах над мирными жителями на оккупированных территориях...

— Мелочи, — перебил его связник, — тактика изменилась. Надо думать и действовать зримо, дерзко. Как я понимаю, вы вне подозрений, имеете определенное положение, вес, нужные знакомства. Это хорошо. Вы, Кочаров, еще можете оказать Германии большую услугу. Действовать будете так, как я скажу. И учтите, это не мои личные требования. От себя лично могу добавить — не советую отсиживаться в тиши. Мы этого не прощаем. Мне здесь долго оставаться нельзя, слушайте меня внимательно...

После разговора со связником Кочаров оживился, зашепел. Перетряхнул в уме свои многочисленные знакомства и связи. Для осуществления задуманного нужны были люди. Где взять исполнителей? Где? Среди близкого ему окружения решительных, готовых на смелые действия людей было немного. Он рискнул поделиться замыслами, а точнее, частью полученных инструкций, с давним приятелем Пеоновым, само собой разумеется, умолчав о своей связи с гитлеровцами.

Семен Пеонов, он же Николай Иванович, сын бывшего крупного, даже по сибирским масштабам, землевладельца. По наблюдениям Кочарова, он давно созрел для решительных действий. И они действительно быстро столковались, объединенные общей злобой против всего советского. Пеонов неожиданно проявил себя ярким сторонником индивидуального террора и только после длительных уговоров согласился не предпринимать ничего самостоятельно. Памятуя наставления связного, Кочаров решил не размениваться по мелочам, а накопив людей и силы, подготовившись основательно, приступить к террористическим и диверсионным акциям, а также к

сбору нужной информации.

Людей Кочарову самонадеянно пообещал поставлять Пеонов «хоть пачками». Как ни нелепо звучало это обещание, Кочаров ему поверил — очень уж хотелось ему верить, что нет преград для получения обещанной награды. Будь Кочаров хоть на йоту менее влюблен в себя, не стал бы так опрометчиво считать потенциальными предателями советских людей. Конечно, город в то время испытывал трудности, но они были рядовыми на фоне осажденного Ленинграда, разоренных сел и городов на оккупированной территории всей нашей страны, отражавшей натиск фашистской Германии. Орчане, как и все советские люди, выполняли свой боевой долг. Крепили оборону, мужественно сражались на фронтах. Недаром около четырех тысяч орчан в годы войны были награждены орденами и медалями, более десяти из них стали Героями Советского Союза.

Но злота слепа, как слеп и тот, кто подчиняется ее власти. Впрочем, при «подборе кадров» Кочаров вскоре приуныл — его не понимали, вернее, не хотели понимать, хотя у него, да и у Пеонова, был отличный нюх на разного рода «бывших». Весьма расщипывал Кочаров на свое ближайшее окружение, сплоченное водкой и недовольным брюзжанием. Но стоило ему объявить себя руководителем и попытаться требовать, многие порвали с ним всякую связь, не польстившись и на дармовое угощение. Даже лучшие его приятели, Ржанин и Михеев, наотрез отказались выполнять какие-либо поручения, хоть формально и согласились числиться в группе. Не смущаясь таким поворотом, Кочаров не терял надежды на обещанное Пеоновым пополнение.

К этому времени Полухин через Антона и другими путями контролировал действия Кочарова. Но этого было мало. Требовались другие меры.

Однажды Антон с тревогой сообщил Полухину, что в окружении Кочарова появился Смеляков, кадровый офицер Красной Армии. Где Кочаров его отыскал, он не выяснил. Однако у новичка и Кочарова имеется много общих знакомых из числа бывших белых офицеров, сыном одного из которых и является Смеляков. Кочаров проверял его по своим каналам, а затем представил своему активу, как сына офицера белой армии, принимавшего участие в операциях по уничтожению красных отрядов в 1918 году под селом Изобильным, где, как известно, в неравной схватке погибли герои гражданской войны на Южном Урале Персиянов и председатель Оренбургского губернского исполкома Цвиллинг. Но, как ни тревожился Антон, и как ни доверял ему Полухин, чекист не мог ему открыть правду. По тщательно разработанной легенде под фамилией Смелякова в группу Кочарова был введен сотрудник соседнего комиссариата Тумин. В его ближайшую задачу входило завоевать доверие Кочарова и максимально нейтрализовать его преступные замыслы изнутри. И, судя по сообщениям Антона, «вживание» Тумина произошло успешно.

Найдя в Смелякове «единомышленника» и сведущего в военном деле специалиста, Кочаров приблизил его к себе. Чекистам стала известна вся подноготная этого оборотня.

Кочаров лихорадочно искал себе подобных и, естественно, в соответствующей ему среде. Угрозами расправы над малодушными или разоблачением за неблагоприятные делишки в прошлом пытался привлечь на свою сторону, чтобы затем угрозами же заставить их действовать по указке его или Пеонова. Убийство Павла стало пробным камнем. Инициативу при этом проявил Пеонов. Кочаров упрекал его за излишнюю поспешность и несвоевременность, но все же хвалил за «чистоту» операции. А в душе ликовал. Наконец-то у него появился надежный, показавший на деле свою преданность союзник. Этот не выдаст, будет ходить у него на веревочке до тех пор, пока он, Кочаров, ее не ослабит. А он ее не ослабит никогда.

Благодаря Тумину, Антону и другим, Полухину удалось прояснить ситуацию вокруг Кочарова. Но брать его самого и его подручных было еще рано. Неясными оставались некоторые связи в соседних городах, возможные сообщники в Орске. Требовали перепроверки уже поступившие сведения на известных участников. Но труднее всего было отделить правду от вымысла, желаемое преступников от действительного.

Кочаров, например, как выяснилось впоследствии, для солидности перед Туминым заявлял, а Пеонов вовремя поддакивал, что в Орске всюду «их» люди. Они вооружены, ждут сигнала. Чекистам стоило немалого труда в сжатые сроки доказать, что это вообще не соответствует действительности. Была доказана невиновность и многих оболганных честных граждан. Ложь оказалась основным методом Кочарова, который был убежден, что чем она наглее и масштабнее, тем лучшим средством и инструментом будет служить для сплачивания группы. Втуне же Кочарова еще не покидала надежда, в которой его укрепил и связник, — германские войска придут на Урал не сегодня, так завтра...

Тем временем земля полностью освободилась от снега, просохла под лучами щедрого уральского солнца. Люди радовались наступившему теплу и все свободное время стремились посвятить огородным проблемам. Неактивные соучастники Кочарова, не без помощи Тумина, тоже целиком ушли в хозяйственные дела. Стали пропускать сборища.

От Кочарова не ускользнуло настроение большинства, и он решил действовать. Вместе с Пеоновым составил «черные списки» актива госучреждений города и ненадежных «своих», подлежащих уничтожению, разрабатывал планы захвата оружия, взрыва моста через реку Урал, вывода из строя железнодорожных путей, разрушения линий связи и коммуникаций. Но главный удар был намечен по никелькомбинату. Недаром Кочаров пристально изучал его в последние годы. Ему удалось выявить легкоуязвимые места в диверсионном и пожароопасном отношении. Выход из строя основного оборудования потребует для восстановления больших материальных и временных затрат. Против каждого пункта схемы разрушений на комбинате Кочаров карандашом аккуратно проставил предполагаемые сроки простоя и примерное количество... жертв. Руководство по исполнению этой варварской акции Кочаров возложил на себя.

Кочаров был настолько ослеплен своей ненавистью, что не удосужился подсчитать свои реальные силы. Уж

очень вдохновлял его злобный по натуре Пеонов. Люди же, которых он обманом затащил в свою группу, и в мыслях не держали какого-либо организованного выступления, тем более вооруженного.

Что было невдомек Кочарову, было теперь ясно как день чекистам. Тем более, что часть его актива, под ненавязчивыми, но убедительными доводами Тумина, поняла, куда клонит их мнимый лидер, и добровольно обратилась в органы госбезопасности. Не снимая с себя ответственности за свои заблуждения, «активисты» без утайки рассказали о своем участии в группировании, предложили свою помощь чекистам в выяснении истинных намерений Кочарова. По рекомендации чекистов они оставались его «единомышленниками» и пытались воздействовать на зарвавшееся окружение Кочарова и его самого, но, к сожалению, безрезультатно. Когда Кочаров составил план диверсионных действий, органам госбезопасности стало ясно, что медлить дальше нельзя...

...После ночной операции по захвату Кочарова и участников группы Полухин стоял у проходной комбината, ожидая новую смену.

Небо светлело. Свежий утренний воздух легко вливался в грудь. Капитан смотрел на робкую весеннюю листву, а в утомленном бессонными ночами мозгу все мелькали картинки прошедшей ночи: растерянные лица Кочарова и его сподручных, когда чекисты внезапно прервали их очередное «заседание», лежавшие перед Кочаровым на столе «документы» и «черный список», яростные потуги Пеонова вырваться из его и туминских рук...

Пошла смена. Сначала по одному, жиденькой цепочкой, а затем сплошным потоком шли мимо Полунина те, кто встанет сейчас на свои рабочие места, те, кто своими руками дает Родине победный металл, те, кого занес в свой список со страшным заголовком враг.

— Привет, Петрович! — окликнул Полухина знакомый мастер. — Опять дела с утра пораньше?

— Нет, — улыбнулся Полухин, — у меня сегодня выходной.

Г. САТАЛКИН Поздней осенью в Польше

1

Один офицер был вида самого обыкновенного: красноватое лицо, цепкие, с хитровато-веселым прищуром глазки, мешковатый, плотный такой, с покатыми плечами — из тыловых служб каких-нибудь, наверное, из интендантов.

Другой картиннее был: корпус, шаг, разворот плеч, строгое лицо — кадровый военный, за версту видно.

Они вошли в корчму, и Витольд Буряк тотчас же и рассмотрел и определил с тою мгновенной безошибочной зоркостью, которая выработалась в нем за долгое, страшное это время разбоя, разрухи, сплошных убытков — за годы войны. Никто ни за что не давал настоящей цены. Плохо идут дела, говорил он всем с каким-то тоскливо-отсутствующим взглядом в пространство перед собой, плохо, совсем плохо. Это же самое он твердил и себе и вздыхал для убедительности — тяжело так, безнадежно, словно за ним кто-то все время подсматривал, и вздохи предназначались именно постороннему наблюдателю: смотри, мол, я ничего не скрываю, доходов никаких нет.

Но дела у Витольда Буряка все-таки шли неплохо и прибыль была. Он знал, что людям сейчас требуется, что в самой, так сказать, цене. Что, наряды, может быть нужны? Шелка, крепдешин? Костюмы из довоенной английской шерсти? Но женщины давно уже перестали наряжаться — зачем, для кого? — это опасно! В ходу сейчас то, без чего уж никак не обойдешься, — еда. И чем грубее, сытнее, тем лучше: сало, колбаса, картошка, хлеб. Ну и выпить чтоб было — крепкий и пахучий польский самогон бимбер. Это тоже имеется у Витольда Буряка.

Он торговал умело — с постным лицом, со вздохами, а злотый лепился к злотому, и потихонечку, втайне, собирался капитал. Капиталец пока еще вернее.

— Что панам советским офицерам угодно будет? — спросил он, попеременно, но с одинаковым выражением доброжелательного внимания глядя то на кадрового, то на интенданта. — Есть свежая колбаса, есть сало, хорошее сало. Вы знаете, что это такое? Заколотую свинью обсмаливают на пшеничной соломе, тут нужно большое умение. О, я это делаю сам. И колбасы я делаю сам, и откармливаю свиней — везде все сам. Посмотрите! — он вдруг выбросил вперед и раскрыл ладони, по-прежнему переводя благожелательно-выжидающие глаза с одного офицера на другого. — Видите? Это мозоли. Такие даже за год не наживешь. Всю жизнь нужно трудиться, чтобы иметь такие мозоли. А кто мне помогает? Жена да вот Ольга, покойного моего брата супруга, несчастная женщина. Она, как и вы, русская.

Витольд Буряк сразу почувствовал в этих офицерах выгодных клиентов. Он не ошибся: интендант снял комнату в крошечной гостинице при корчме, сказал, что поживет какое-то время. Кроме того, они поужинали поджаренной колбасой и от бимбера не отказались, оценив его, кажется, по достоинству. Прислуживала им Ольга.

Она оказалась совсем еще молодой, эта Ольга, лет двадцати пяти-семи, но двигалась грузно, припадая на протез, поскрипывая и постукивая им, — левой ноги у нее до колена не было. Лейтенант Половинкин каждый раз провожал ее каким-то прищуром в глазах, переставая жевать при этом. Капитан, комендант отдела контрразведки дивизии, привезший лейтенанта в Маркушево, ел аккуратно, не обращая внимания на прихрамывающую эту официантку.

— Ну что? — вдруг спросил он, доставая из кармана платок и вытирая им губы и длинные крепкие пальцы. Лейтенант вскинул выгоревшие брови и подвигал ими неопределенно.

— Как тебе корчмарь? — продолжал капитан.

— Кто же его знает... Посмотрим... Мозоли показывал, — кривовато хмыкнул Половинкин, подумал, опять вскинул брови: — Поживем — увидим.

— Ольга эта, по-моему, на тебя глаз положила.

— Да уж...

— Нет, я серьезно. Обрати внимание.

Капитан знал, с какой целью прибыл в Маркушево лейтенант Половинкин, у которого была такая «интендантская» внешность, и старался ему помочь чем только мог, хоть мелочью вот такой вот — «посмотри», «обрати внимание»...

— Да-а, — углом рта, с бесстрастным лицом глядя на Витольда Буряка, который возился за своей стойкой, проговорил капитан. — Мозоли он показывал.

— А что?

— Немцы, когда в плен попадали, тоже иногда мозоли свои показывали.

— Ну, поживем — увидим, — отдуваясь и удивленно оглядывая пустую тарелку, сказал лейтенант.

2

В жаркие июльские дни лета сорок четвертого, прорвав фашистскую оборонительную линию на Западном Буге, войска 1-го Белорусского фронта под командованием генерала Рокоссовского, развивая наступательную операцию «Багратион», перешли границу Польши.

Бои развернулись ожесточенные. Фашисты оказывали отчаянное сопротивление. И не только они одни...

Вчера в отделе контрразведки СМЕРШ 370-й стрелковой дивизии 69-й армии, перед тем как отправить в Маркушево, лейтенанта ввели в курс дела. Оперативная обстановка была архисложной. В тылах фронта по имеющимся данным, кроме остаточных групп солдат и офицеров противника, которые пробивались на запад, действовали подпольные организации польского эмигрантского правительства в Лондоне, в том числе «Армия Крайова», ядро которой составляли польские офицеры и подофицеры запаса, помещичье-буржуазные элементы и частично интеллигенция.

Лондонским центром польскому подполью была дана директива о проведении активной подрывной деятельности в тылах Красной Армии, для чего приказано сохранять подпольно большую часть отрядов, оружия и все приемопередаточные радиостанции. Представителям Лондонского эмигрантского правительства на местах были даны конкретные распоряжения: с приходом Красной Армии саботировать указания военных и гражданских властей, совершать диверсии на фронтовых коммуникациях и террористические акты в отношении советских военнослужащих, местных руководителей и актива, собирать и передавать шифром сведения разведывательного характера о подразделениях Красной Армии и обстановке в ее тылах.

Кроме того, с продвижением частей Красной Армии на запад, «Армия Крайова» (АК) приступила к созданию на освобожденной территории тайных складов оружия и боеприпасов, а также различного военного снаряжения и обмундирования, необходимых для длительной диверсионной борьбы.

Были получены также данные: в местечке Маркушево Куровского уезда, неподалеку от города Пулавы, проявляют активность и пытаются скрытно действовать подрывные трупы «Армии Крайовой».

— Вам необходимо выехать на место, — говорил начальник отдела контрразведки дивизии, — изучить оперативную обстановку. Приглядеться, сойтись с местным населением — крестьянами из окрестных хуторов. Не исключено, что в лесах под Маркушевым готовится база аковцев. Действовать надо осторожно, смотреть и смотреть — в нашем деле нет мелочей. Нужно также учесть, что из Лондона бойцам «Армии Крайовой» был передан приказ: стоять насмерть, — начальник отдела взвешивающе, холодновогосмотрел на лейтенанта.

Да, это было его первое, по сути, самостоятельное дело, и весь прежний его жизненный опыт — учеба в нефтяном и сельскохозяйственном техникумах, служба в авиачастях на Дальнем Востоке — отступал теперь на второй план в этой обстановке. Ведь только с января сорок четвертого, после окончания спецшколы, началась его служба в контрразведке СМЕРШ.

Вот разве что прежняя его партийная работа — а он был замполитрука, затем политруком, секретарем партийной организации авиачасти, — умение подойти к человеку, приглядеться к нему то с одного бока, то с другого пригодятся ему здесь. Впрочем, кто знает, кто знает... Там, среди своих, — одно дело. А здесь? Корчмарь вот показывает мозоли. И Ольга эта... Лейтенант и сам поймал один ее взгляд — странный, мертвенно-томный какой-то. Нет, такими взглядами мужчин не завлекают. Тут что-то другое. Так смотрят... из-под страха, который изводит, изнуряет душу.

Чего, кого она боится? Их, русских, советских? Петра Половинкина? Н-да...

Вдруг капитан, когда Ольга убирала уже посуду, легонько поправив выбившуюся темную прядь, значительно и строго сказал, не замечая вроде бы ее:

— Сено, овес, конечно, нужны, заготовливай, но и того... поглядывай, лейтенант, приглядывайся, н-да.

И сосредоточенно зацыкал зубами. У Половинкина даже сердце сжалось: проговорился капитан, проболтался элементарно! Но, подыгрывая ему, сказал, что сеном он обеспечит — видел в окрестностях ометы, должно быть, и

овес у местного населения имеется. Ну и другой какой фураж — он посмотрел. И тут, заметив, что Ольга смотрит на него, простовато-весело подмигнул ей, и у той что-то дрогнуло в лице, тень измученной улыбки мелькнула.

Но сколько ни присматривался, ни вглядывался лейтенант, оставшись в Маркушеве, ничего особенного он не замечал. Все дальше отодвигалась передовая, глуше, слитнее звучали разрывы бомб и снарядов. Казалось, фронт уходит под землю, и там, в недрах ее, идет какая-то яростная возня. Все реже через местечко передвигались части наступающей армии — подтягивались тылы: обозы, склады. Высоко в небе пролетали самолеты — дальняя авиация с тыловых аэродромов.

А лейтенант Половинкин закупал сено, торговался за каждый пуд, за килограмм овса, был прижимист, но и весел был, хитроват — чувствовалась в нем крестьянская хватка. Местные зауважали его — за скуповатость эту, кажется, больше всего: о, знает человек настоящую цену, приятно с таким дело иметь!

И с Ольгой он познакомился поближе. То подхватывал с рук у нее тяжелый поднос с этакой неуклюжей галантностью, над которой он и сам посмеивался, то словом-другим перебрасывался с молчаливой молодой женщиной, редко поднимавшей глаза на своих клиентов. И узнал кое-что о ней, о жизни ее нескладной, несладкой в панской Польше, а затем и под немецким сапогом. Это был истрадавшийся человек, с какою-то своей тайной мыслью, над которой она сосредоточенно думала, часто хмурясь и уходя в себя.

Но над чем? Над своею трудной судьбой? Лейтенант узнал, что Ольга из дворян, что родители ее в революцию были репрессированы, а она пятилетней девочкой была вывезена в Польшу своею теткой, женой царского посла. Что же все-таки держит ее в напряжении?

По сути, ни одной нужной ему зацепки он не находил. Ничего не давали и разговоры с крестьянами из окрестных хуторов ни в корчме, ни на улице. Знал он, что можно заплатить за клевер, за воз лугового сена или болотного.

Ему, выросшему в башкирском подстепье, крестьянскому потомственному сыну, не так уж и трудно было разобраться во всем этом. Но вот аковцы — есть ли они здесь, а если да, то как и где проявляют себя? Над этим он мучительно ломал голову.

Он приехал в Маркушево в конце октября. В ноябре пошли дожди — тяжелые, угрюмые, ледяные. Пожар осенний, полыхавший по дубравным лесам, угас, начал тлеть под этими ливнями, и стволы деревьев стали отливать чернильной какой-то зеленцой.

На душе у лейтенанта было тяжело, тоска какая-то — смутное и неопределенное чувство, которое иной раз охватывает человека. Неужели пустышку тянет он здесь, в Маркушеве, где все так тихо? Где воцарилась уже тыловая размеренность? А что, если подтолкнуть события? «Проболтаться», например, Ольге о чем-нибудь или сказать ей, что уезжаю, мол. Но почему ей? Может быть, лучше с Витольдом поиграть? Он вспомнил, как показывал корчмарь свои мозоли. Нет, говорить нужно с Ольгой. Что-то она знает, что-то таит в себе, чутьем он это угадывал своим!..

— Ну вот, Оля, командировка моя, кажись, к концу подходит, — бросил он ей небрежно во время обеда, со смешочком таким беззаботным. — Как тут ни хорошо у вас — тихо, спокойно, — а уезжать надо: служба! Ждут новые дела.

— Когда же вы... уезжаете?

— Да завтра можно и отчалить.

— Вы все уже... дела свои закончили?

— Да вроде бы все, — вскинул он свои белесые брови и закрыл глаза, как бы размышляя: все или нет.

— Знаете что?.. Н-не уезжайте! — вдруг как-то тихо воскликнула она.

Лейтенант открыл глаза и впился в нее взглядом. Ольга стояла в напряженной позе.

— Почему, — спросил он тихо, — не уезжать мне?

— С вами капитан был... Помните? Я поняла, что вы не простые офицеры. Не одно только сено и овес вам нужны.

— Так, интересно, а что же еще?

— Немцы вам тут тоже не нужны.

— Допустим.

— Вы говорили Витольду, что хотите уезжать?

— Нет... Но он, наверное, и сам это понял. Да?

— Не время вам уезжать отсюда, поверьте мне!

— Почему я должен тебе верить? — Понизив голос, он перешел почему-то на «ты».

— Вы верить мне не должны, это так... Витольд сказал вам, что моего мужа арестовали немцы? Конечно, сказал, ему это выгодно.

— Ты сядь, Оля, — подвинул ей тяжелый стул лейтенант.

— Нет, нельзя, — она покачала головой, поправила волосы, оттенявшие белизну ее лица. — Витольд заметит. Вы не думайте, он не сонный, он все видит.

Она замолчала. Протез поскрипывал, хотя Ольга и не двигалась, только грудь ее тяжело поднималась и опадала. Лейтенант с тихим прищуром смотрел на нее. Ждал.

— Тут у нас, в корчме... явочная квартира, — бесцветным, равнодушным голосом проговорила она, сморщилась удивленно, потрогала пальцами белое свое горло, точно застряло там что-то и мешало ей говорить.

— Витольд... хозяин? — спросил он таким же обыденным, маловыразительным голосом, неторопливо доставая папиросы и закуривая, хотя сердце его колотилось тяжело и сильно.

— Да. Он хозяин.

— А жена его, Мария?

— Нет, она ничего не знает.

— А ты?

— Я... встречаю связных.

— Когда они бывают?

— Когда как.

— Мужчины?

— Нет, женщины тоже приходят.

— Как ты их узнаешь?

— Знак подается. Платочек, например, в кармашке пиджака, цвет шляпы. Это все оговаривается заранее.

— Понятно. Что еще?

— Я только встречаю. С Витольдом они разговаривают в особой комнате, у стойки боковушка есть. Он туда заходит из кухни.

— Н-да... Придется мне того... поработать тут еще, прикупить сенца, да и овса еще нужно.

— А Витольд? — испуганно глянула она на него. — Вы же ему... дали понять, что уезжаете?

— Ты не волнуйся. Тут мы все уладим, это же мелочи, — усмехнулся он.

Ольга тоже усмехнулась, но кривовато, горько так. Белое, полное лицо ее вдруг серебристо заблестело потом. Собрав посуду, она тяжело пошла к дверям и уже на пороге оглянулась — с какою-то измученной просьбой, с исстрадавшейся доверчивостью.

Вот тебе и капитан, расхаживая по комнате, думал лейтенант, вот тебе и «проболтался»... Голова, умница! Но Ольга-то, Ольга! Нет, не зря он вел беседы свои — легкие вроде бы, ни о чем: о себе немножко, о лесах и полях Башкирии, где он родился и вырос, о колхозе в его родной Михайловке. О том, как жили до войны, о ее житье-бытье говорили... Он ждал от нее все-таки чего-то. Он видел, смутно чувствовал, как она все это время готовится к какому-то важному шагу. Пожалуй, только раньше нужно было бы подтолкнуть ее к этому.

4

В отделе контрразведки дивизии информацию о явочной квартире в корчме Витольда Буряка оценили быстро. Вскоре в Маркушево заглянул подполковник Журавлев.

— Покажи-ка мне свою Ольгу.

А в корчме распек лейтенанта за недостаточное усердие при закупках фуража у местного населения — вполголоса, но гневно так, внушительно, чтобы Витольд Буряк вполуха услышал этот нагоняй, а больше бы догадывался сам, зачем приехал подполковник и почему остается в местечке незадачливый этот интендант-фуражир.

— Ольга сама на тебя вышла? — Они шли по улице, по сырому песку, и лейтенант подставлял под ветерок разгоряченное недавним хоть и разыгранным, но все же выговором лицо. — Да ты не обижайся, — усмехнулся Журавлев. — Мог бы и раньше эту Ольгу выявить. Сколько ты уже здесь сидишь?

— Виноват, товарищ подполковник!

— То-то, — примирительно буркнул Журавлев, — время дорого, а мы его упускаем!.. Теперь об Ольге. Все верно: русская, из дворян. Муж ее посажен и сидел в Люблинской тюрьме. Тут не все еще выяснено, дело запутанное. Немцы его завербовали как агента-provokatora, он на это пошел, но вот служил-то вроде бы не столько немцам, сколько аковцам, предупреждал, когда кому-то из них грозил арест. Раскрыли его. Были попытки освободить из тюрьмы, хотели подкупить стражу и деньги уже собрали — десять тысяч золотых. Не удалось. Неизвестно, жив ли он. Учти это... Она его любит?

— Не знаю.

— Узнай. Это важно. Как она оказалась в рядах аковцев?

— Скорее, муж ее втянул в это дело, обманом каким-нибудь или принудил.

— Да, пожалуй. Они ее на чем-нибудь зацепили и держат.

— У нее дочка, годиков пять ей. Куда она с нею? Голод кругом.

— Что ж, может быть, и так. Теперь вот что: связные. Их будем брать за пределами Маркушева. На вас не должна пасть даже тень подозрений. По крайней мере, на первое время. Так что держи ухо востро и... Ольгу береги!

5

Да, ее нужно было беречь. И не только потому, что теперь начнут исчезать выявленные с ее помощью аковские связные, не только поэтому... Под благовидным предлогом лейтенант перенес все свои фуражирские операции в

корчму: сюда теперь свозили сено, отсюда его отправляли в армейские части.

Шаг этот, такой простой с виду, оказался дальновидным, хорошо рассчитанным. Связных брали далеко от Маркушева. Первого — это была женщина — в поезде, идущем на Люблин. Второго взяли в лесу, третьего — в городе на базаре при проверке документов патрулем. Все вроде бы шло хорошо и не вызывало подозрений, но вскоре Ольга стала получать записки, подброшенные неизвестными лицами. Ей угрожали расправой. Но характер этих угроз был какой-то расплывчатый, туманный, словно те, кто грозил ей, сомневались сами: Ольга ли их выдает или где-то в другом месте происходит «прокол».

Тут-то и пригодилась эта «передислокация» фуражирской конторы. В корчме стали ночевать солдаты, занимавшиеся погрузкой овса и сена, оставались на ночь шоферы со своим сопровождением.

И все-таки с каждым днем обстановка вокруг корчмы все больше и больше усложнялась. Появились какие-то странные люди. Они приходили в корчму, выпивали рюмку-две бимбера, смотрели по сторонам скучающими, рассеянными глазами и уходили. Кто они? Связные? Нет, на контакт ни с Ольгой, ни с Витольдом они не шли. Но и не местные это были, чужие.

Все было странным теперь в корчме Витольда Буряка, двоилось как-то, каждое событие приобретало двойной смысл: с одной стороны, торговля шла по-прежнему, так же выпивали и закусывали местные крестьяне, заскакивали шоферы, интенданты, механики тыловых мастерских, заходили офицеры и солдаты, возвращавшиеся из госпиталей в свои части; с другой стороны, атмосфера настороженности ощущалась все отчетливее. И не только лейтенант Половинкин и Ольга ее угадывали.

Какой-то солдат, завернувший перекусить в корчму, бросил с кособокой усмешкой, удивленно оглядываясь:

— Что это у вас тут, как в гробу?

Обстановка усугублялась еще и тем, что связные совсем перестали появляться. Исчезли вдруг. Оборвалась ниточка. И это встревожило Ольгу уже не на шутку. Да и лейтенанта насторожило предельно. Спал он теперь совсем мало, думал, вслушиваясь в ночные шорохи корчмы. Враг должен себя проявить, должен. Но как?

Версий было много. А нужна была одна, безошибочная. Перебрав все варианты, все возможные комбинации, он пришел к простому, но, как ему показалось, надежному выводу. Он допускал, что аковцы выключили Ольгу из цепочки связи. Прямых улик против нее у них не было, но... на всякий случай, для страховки. Вопрос теперь в том, исключили ли они из своей игры и явочную квартиру? По логике — да: раз они не доверяют Ольге, то не должны уже доверять и Витольду Буряку, вернее, всей явочной квартире. Логично? Да.

Но время, оперативная обстановка ломали и опровергали формальную логику. Продвижение фронта на запад заставляло аковцев действовать с лихорадочной, опрометчивой даже поспешностью. Они знали, что только в «мутной воде» прифронтовой зоны, где местные власти не обрели свою силу, где все движется, перемещается — войска, беженцы, госпитали, тыловые службы, — они могут действовать эффективнее всего. И чем дальше отодвигалась передовая, чем больше входила в свои берега мирная жизнь, тем хуже было для аковцев.

Нет, должны они себя проявить, должны! И скорее всего, — ночью.

Спал он теперь совсем мало. Осунулся. Корчмарь спрашивал, почему пан советский офицер плохо кушает? Не угодно ли бимберу для аппетита? Не хочет? Странно, почему это он не хочет. Но и сам Буряк выглядел не лучшим образом. Потухла доброжелательная внимательность в его глазах, лютая, волчья терпеливость стояла теперь в них.

И вот, это было уже в декабре, когда бледный снег тонко лег на сырую землю, в глухую полночь Петр услышал, как скрипнула дверь в дальнем конце корчмы, не скрипнула даже — вздохнула. Стремительно пробежав коридорчиком, он увидел желтенькую полоску света. Теперь нужно было действовать быстро, решительно. Будить солдат, звать часового? Пока займут входы и выходы, связные уйдут. Пригодилась бы теперь даже Ольга... Нет, нужно одному. И стремительно, пока аковцы еще не успели оглядеться.

Рванув на себя дверь, он метнулся в сторону от проема, одновременно выстрелив в потолок и крикнув: «Руки!» За столом, перед керосиновой лампой, вместе с Витольдом Буряком сидели двое. Один тотчас же дернулся вниз, но лейтенант выстрелом расщепил у его лица край стола, и тот медленно распрямился.

— Руки! Не двигаться. За окном солдаты. Сидеть! — крикнул он Витольду, сделавшему движение к лампе, и выстрелил еще раз — пуля чмокнула, прошивая доску стола у самых пальцев корчмаря. Не сводя глаз с этой тройцы, лейтенант крикнул в открытые двери:

— Алексеев, Петренко! Зажечь еще огня. Быстро!

Разбуженные выстрелами и криком солдаты по всей корчме бухали уже сапогами.

При обыске у связных была обнаружена шифровка, упрятанная в сигарету. Она содержала сведения о складе оружия в лесах под Маркушевым — сто станковых пулеметов, орудия, патроны, снаряды, военное снаряжение, продовольствие, рассчитанное на длительную диверсионно-подрывную борьбу. Допрос задержанных дал сведения и о некоторых других связниках и явочных квартирах аковского подполья. А Ольга? Как она? Чем смогла, чем сумела, помогла эта женщина своей новой родине — возрождающейся Польше, проявив при этом незаурядное мужество. Ей оказали помощь, перевезли в Люблин, устроили с жильем, работой. У нее была маленькая дочка, которую нужно было растить, воспитывать, ставить на ноги...

...Это лишь один эпизод из боевой биографии Петра Федоровича Половинкина, ставшего чекистом в те далекие, грозные годы войны. После освобождения Польши и окончательного разгрома фашистского рейха Петр Федорович семь лет служил в Германии, а с 1952 года он живет уже в нашем степном Оренбуржье. Работал сначала в Орске, затем в Бугуруслане и областном Управлении КГБ.

Теперь это грузноватый краснолицый человек с седой короткой стрижкой. Он похож на многих прохожих на улицах Оренбурга, и многие прохожие, люди его поколения, похожи на него — каждый со своей и трудной, и счастливой судьбой.

Разве только вот взгляд у бывшего армейского контрразведчика, а ныне майора в отставке, прежним остался: то с хитроватым, веселым, то тихим и ласковым каким-то прищуром, тем прищуром, который так располагает к нему людей.

А. САВЕЛЬЕВ На глухом полустанке

В Ленинском районе Оренбурга многие знают ветерана войны и труда, подполковника в отставке Н. М. Огородникова. Он на пенсии, но продолжает трудиться, полон энергии и бодрости.

Человек интересной судьбы, Николай Максимович длительное время был кадровым контрразведчиком.

Когда началась Великая Отечественная война, выпускника средней школы из села Логачевка Тоцкого района Николая Огородникова направили в Актюбинское пехотное училище. Но закончить его не удалось. Из курсантов сформировали роту автоматчиков и направили на Калининский фронт.

В боях за освобождение Великих Лук был ранен. Освобождал Смоленск, Витебск, Ригу. Участвовал в разгроме японской Квантунской армии.

После войны коммунист Н. М. Огородников был направлен на работу в органы государственной безопасности Молдавии, а затем с 1955 по 1962 год был старшим оперуполномоченным в Управлении Особых отделов Группы Советских войск в ГДР.

1

Обстановка в Германской Демократической Республике тогда была сложной. Новый общественный строй утверждался в условиях яростного сопротивления затаившихся врагов из эксплуататорских классов и недобитых фашистов.

Положение усугублялось тем, что в центре ГДР оказался Западный Берлин — очаг международной напряженности в Европе и центр шпионажа западных стран против СССР. Он буквально был наштапигован десятками разведывательных органов стран НАТО.

Свободное сообщение между Западным Берлином и ГДР позволяло вражеским разведкам засылать свою агентуру в распоряжение советских воинских частей, вербовать агентов из числа граждан ГДР.

В 1958 году в Управление Особых отделов поступили данные о том, что британская разведка располагает сведениями о советской воинской части — складе боеприпасов группового подчинения. Далее уточнялось: один из английских разведорганов в Западном Берлине систематически получает информацию о количестве вагонов и характере грузов, поступающих на склад из Советского Союза и отправляемых со склада частям и соединениям наших войск. Это обеспокоило советское командование: склад относился к категории особо важных объектов и обеспечивал боеспособность войск. Надо было установить источник информации и обезвредить.

Заместитель начальника Управления Особых отделов генерал-майор В. П. Соколов вызвал старшего оперуполномоченного капитана Н. М. Огородникова и ознакомил с обстановкой:

— Вы назначаетесь ответственным за эту операцию. Подключите к работе еще двух человек, обслуживающих объект. Свяжитесь с местными органами госбезопасности ГДР. Разработайте мероприятия по выявлению английского агента.

Отвечали за объект капитан Г. Н. Краснов и старший лейтенант А. В. Метелев. Они и были включены в оперативную группу. Офицеры познакомили Огородникова с обстановкой на объекте и вокруг него, с людьми, работающими там.

На другой день Николай Максимович побывал в окружном отделе госбезопасности республики и договорился о взаимодействии. В помощь нашей группе был выделен лейтенант Макс Гартман — худощавый подвижный блондин невысокого роста, из рабочей семьи.

2

Объект, интересующий вражескую разведку, был в лесистой местности, в стороне от населенных пунктов, в полукилометре от глухого полустанка. Оттуда подходила железнодорожная ветка, по ней подавались вагоны туда и обратно. Склад был построен еще в 1936 году, и до разгрома фашистской Германии там хранились авиабомбы для «люфтваффе» Геринга. Хранилища, оборудование, транспортные средства, казармы — все оставалось в прежнем виде. И это, конечно, облегчало действия вражеских лазутчиков.

Обслуживался склад штатом советских военнослужащих. Начальником этой небольшой части был подполковник П. В. Васильченко — боевой, опытный офицер.

До пятидесятого года здесь работали слесарями, дворниками, грузчиками около двадцати вольнонаемных из соседних деревень. Все они впоследствии были уволены, а их обязанности стали выполнять военнослужащие. Кое-

кто из этих «бывших» выехал в ФРГ. И это еще раз подтверждало, что западные спецслужбы достаточно осведомлены о дислокации и назначении объекта.

И все-таки еще один местный житель продолжал числиться на складе слесарем-электриком. Это был Карл Беккер, 67-летний старик, сухощавый, с редкими бесцветными волосами. В годы войны он потерял всю свою семью: сын был убит югославскими партизанами, дочь погибла под бомбами в Берлине, жена умерла. И теперь Беккер проживал вместе со своей сестрой Мартой, примерно такого же возраста, на хуторе в трех километрах от нашей воинской части.

Старик Беккер часто болел и не всегда мог выходить на работу, но командование части держало его потому, что он хорошо знал всю сложную систему подземных коммуникаций: водопровод, канализацию, электросиловые кабели, телефон, отопительную систему. Дело в том, что в сорок пятом году перед приходом Советской Армии гитлеровцы уничтожили всю документацию на этот объект. Чудом уцелел и сам склад: стремительный рывок советских войск не позволил фашистам взорвать хранилище и все другие сооружения.

Отсутствие технической документации крайне затрудняло ремонтные работы. А Карл в свое время немало потрудился на строительстве склада и, в частности, на монтаже электрической и телефонной сети, а в последующие годы был дежурным электромехаником. И сейчас мог безошибочно определить место и характер повреждения, подсказать, что нужно сделать для его устранения. Конечно, он отлично знал расположение всех блоков, где и что хранится.

Старшему лейтенанту Метелеву было поручено совместно с лейтенантом Гартманом заняться личностью слесаря Беккера. За ним было установлено наблюдение.

3

Прошло две недели, но ни Карл, ни его сестра Марта никуда из хутора не выезжали. Ни разу не появлялся он и у железнодорожных составов, когда они подавались к складу или находились там под разгрузкой.

Стояли теплые весенние дни, и старики все свободное время проводили на своем небольшом приусадебном участке: сажали овощи, приводили в порядок старые фруктовые деревья.

Но вот однажды поздно вечером в дом Беккеров осторожно постучали. Вошел мужчина средних лет в коричневом костюме и легком плаще. По его выправке нетрудно было догадаться, что это бывший офицер вермахта. Вошедший снял шляпу, пригладил рукой густые волосы и справился о здоровье хозяина. Присел в предложенное ему кресло.

— Ведь вы продолжаете работать на военном складе у русских? — поинтересовался гость.

— Какой я теперь работник, — ответил Беккер, — но пока числюсь.

— Это мы знаем. И наши друзья на Западе хотели бы, чтобы и вы помогли в нашей общей борьбе с красными.

— Но я очень больной человек, — пытался как-то избавиться от опасного посетителя трусливый Беккер.

— Ты немец! — резко сказал гость. — Кто убил твоего сына и дочь? Коммунисты! И ты обязан отомстить за них.

Видя, что хозяин дома растерялся, гость тихо сказал:

— От тебя требуется совсем немного: положить на дно сумки для слесарных инструментов вот эти штуки, пронести на склад и незаметно положить в блок, где хранятся снаряды или бомбы.

Он вынул из саквояжа две небольшие коробки серого цвета.

— Это мины с часовым механизмом. Вот так нужно вставить запал и установить время взрыва, — показал гость. — За это вам будет хорошо заплачено. А пока вот возьмите сто марок аванса. Остальное — после выполнения задания. Связь с вами будет поддерживать наш человек по имени Гельмут.

И посетитель быстро исчез в ночи, оставив мины у растерявшегося вконец Беккера.

Наблюдавший за домом сотрудник госбезопасности ГДР доложил о ночном посетителе, и наблюдение за Беккером было усилено. Но, приходя на работу, он по-прежнему не проявлял никакого интереса ни к вагонам, ни к грузам в них. Казалось, он знал и делал аккуратно только свою работу. Именно как заботу об исправности системы электроснабжения расценил сержант Егоров, дежуривший на складе, просьбу Беккера:

— Надо бы проверить электропроводку в третьем блоке. Ненадежная там изоляция, может возникнуть короткое замыкание. А это очень опасно.

Действительно, короткое замыкание могло бы привести к непоправимой беде: в третьем блоке хранились фугасные снаряды.

— Хорошо, я доложу об этом офицеру, — ответил сержант.

Подполковник Васильченко, которому доложил сержант, что-то прикинув в уме, приказал Егорову вместе с Беккером приступить к осмотру электропроводки через два дня.

И еще один объект стал предметом тщательного наблюдения — маленький, глухой полустанок, откуда шла железнодорожная линия к воинскому складу. Здесь работали всего несколько человек из жителей соседних деревень. Один из дежурных числился начальником разъезда. Вагоны на склад и со склада подавались мотовозной бригадой из двух человек — машиниста и сцепщика, тоже из местных. На разъезде велась простейшая документация: записывалось количество вагонов, прибывших на склад. Пунктом назначения всегда указывалась одна из узловых станций. По информации работников госбезопасности ГДР, работавшие на разъезде Западный Берлин не посещали, из ФРГ никто к ним не приезжал за последнее время.

— В чем-то мы допустили просчет... Что-то не до конца выяснили. Но что? Беккер? Маловероятно. Ему, видимо, дано какое-то другое задание. Где искать вражеского лазутчика? — мучительно думал капитан Огородников.

Снова собралась оперативная группа. Анализируя факты, Николай Максимович делился своими мыслями:

— Англичанам каждый раз становится известной дата и количество прибывших на склад вагонов. Характер груза, его назначение и получатель не указывались. Значит, этими данными шпион не располагал или не мог их заполучить. Следовательно, он имеет возможность лишь наблюдать за перевозками. Проверка показала, что у нас нет оснований подозревать кого-либо из советских людей.

Исходя из этого и был разработан план дальнейших действий.

4

Капитан Огородников выехал на объект и поручил Метелеву совместно с Гартманом установить, кто дежурил на разъезде в дни поступления и отправления грузов за последнюю неделю.

Оказалось, что в четырех случаях из шести грузовые операции проводились в дежурство Бруно Рихтера. В остальных двух его дежурство было «смежным», то есть и интересующие его данные Рихтер мог узнать при приеме дежурства.

— Конечно, такие предположения еще не доказательство — подытожил проверку Огородников. — Это могло быть и случайным явлением. Но ведь набор случайностей приводит к закономерности! Значит, нужна более глубокая проверка Рихтера.

И в этом деле оказал большую помощь оперативной группе инженер-капитан Г. В. Симонов, который уже пятый год служил на объекте. Он принимал и отправлял складские грузы. Неплохо владел немецким, он имел постоянные контакты с дежурными по разъезду. Живой и общительный по натуре, капитан сумел завести с ними приятельские отношения, при случае угощал их кружкой пива. Не отказывались они и от стопки «Столичной», которую капитан привозил с собой, возвращаясь из отпуска. Такие отношения помогали безотказно и в нужное время получать вагоны под погрузку и без задержки отправлять их в любое время суток.

Капитан Огородников встретился с Симоновым. Это был энергичный, спортивного вида офицер, русоволосый и голубоглазый.

— Настоящий «ариец», — подумал про себя капитан. — Вот, видимо, почему так благожелательно относятся к нему.

Огородников попросил капитана охарактеризовать работавших на разъезде людей. И надо отдать должное этому на первый взгляд разбитному офицеру: живость и кажущаяся беспечность нисколько не помешали ему быть наблюдательным человеком и тонким психологом. Симонов очень подробно рассказал все, что ему было известно о каждом из его «камрадов».

— А что представляет из себя Бруно Рихтер?

— Его-то я знаю, пожалуй, лучше других, — оживился Симонов. — Работает он на разъезде с пятидесятого года. Немного говорит по-русски. Помнит многих служивших ранее на складе наших офицеров. Живет в деревне в семи километрах от разъезда с женой, взрослой дочерью и зятем. Имеет собственный дом и приусадебный участок. На работу ездит на велосипеде.

— Какую особенность в характере Рихтера вы бы отметили?

— Уж очень подобоострастно относится к нашим людям. Готов каждому во всем услужить. Ну, прямо слащавый до приторности! Не искренний он. И очень жадный. Всегда с завистью говорит о богатых. С ненавистью отзывается о тех, кто получает большую, чем он, зарплату и живет лучше его. Не помню случая, чтобы Рихтер предложил кому-то сигарету или кружку пива, а сам такие угощения от других принимает очень охотно.

Из рассказа о Рихтере Огородников обратил внимание на два момента. Во-первых, Симонов вспомнил, что в декабре пятьдесят шестого года Рихтер был задержан близко от территории склада, куда доступ посторонним строго запрещен. Часовой на вышке заметил в кустах на запретной территории неизвестного, о чем доложил по телефону караульному начальнику. Тот, взяв с собой солдата из бодрствующей смены, тут же выскочил в лес, где и задержал неизвестного. Им оказался хорошо знакомый нашим офицерам Бруно Рихтер, дежурный по разъезду. Он объяснил, что приехал в лес, чтобы срубить елочку к предстоящим рождественским праздникам. При нем были топор и веревка. Объяснения Рихтера признали тогда вполне удовлетворительными: дело произошло накануне праздников, которые широко отмечаются всем населением республики. Рихтера отпустили.

Второй момент. Года два тому назад Рихтер в разговоре с Симоновым как-то упомянул, что зубные протезы он вставлял у знакомого врача в Западном Берлине.

Случай задержания напомнил Огородникову эпизод из его практики в первый год службы в ГДР. В числе объектов его наблюдения был армейский склад взрывчатых веществ, расположенный в еловом лесу.

Однажды вблизи этого склада солдаты охраны задержали жителя соседнего поселка.

— Я только собирал грибы и не заметил, как оказался здесь, — твердил задержанный.

— Нет, — утверждал сержант охраны. — Он прятался в кустах, что-то высматривал и записывал.

— Это вам так показалось...

— Почему же тогда вы пытались бежать?

— Я просто испугался.

При обыске у задержанного ничего обнаружено не было. Огородников распорядился отпустить его. Об этом случае он сразу же доложил начальнику Особого отдела. Тот прежде всего спросил:

— Осмотр места задержания произвели?

— Нет.

— Немедленно и тщательно осмотрите этот участок леса, — приказал он.

Огородников тщательно прочесал кустарник. Один из солдат нашел пустой спичечный коробок. На дне его была изображена схема склада с указаниями постов и караульного помещения. Отыскали и шариковую ручку.

Когда улики предъявили, задержанный после заперательства вынужден был признать их своими и рассказал, как при посещении Западного Берлина его привлекла к сотрудничеству американская разведка. На последней встрече американец дал ему задание составить эту схему. Тогда тоже все происшедшее показалось случайным, и только опыт старшего товарища помог исправить положение.

«Во всяком случае, этот момент тоже нельзя упускать из виду при оценке ситуации по делу», — отметил про себя Огородников. Ну, а как расценить второй момент — поездки Рихтера в Западный Берлин для изготовления зубных протезов? Конечно, тысячи немцев из ГДР ежедневно посещали Западный Берлин по различным, самым безобидным житейским причинам: свидание с родственниками, приобретение товаров, посещение кино или значных мест и т. д. Не все же они были шпионами!

5

Личность Бруно Рихтера с точки зрения иностранной разведки могла представлять немалый интерес: в случае его вербовки можно получать сведения, что называется, из первых рук. Наши друзья из МГБ ГДР сообщили, что Рихтер в Западный Берлин не ездит и связей на Западе не имеет. Но исключить эту возможность полностью было нельзя. Невозможно проследить за массой людей, ежедневно посещающих западный сектор. Для Рихтера же поездка не представляла труда: между двумя дежурствами он располагал двумя сутками свободного времени. Сто километров до Берлина по железной дороге — не расстояние: он мог за один день свободно съездить.

Оперативная группа решила основные усилия направить на проверку Рихтера.

Огородников снова встретился с капитаном Симоновым. Всей сути дела перед ним не раскрыл: в этом не было необходимости. Он попросил капитана только помочь прояснить личность Бруно Рихтера.

— Нам необходимо знать, бывает ли Рихтер в Западном Берлине и какие связи там имеет.

— Я вас понимаю. Но что я должен для этого сделать?

— Нужно встретиться с Рихтером и сказать ему, что в скором времени вы выезжаете домой, в Советский Союз, и обратитесь к нему с просьбой помочь приобрести бритву фирмы «Золинген» западного производства. Упомяните, что за ценой не постоите и его услуга будет хорошо оплачена.

Расчет оправдался. При встрече с Рихтером капитан Симонов, после обмена ничего не значащими фразами, упомянул, что срок его службы кончается и он скоро едет домой.

— Не могли бы вы помочь мне приобрести бритву «Золинген»? Очень хорошая бритва, а здесь ее не купишь.

Помолчав, Рихтер согласился.

— Что ж, это можно, герр капитан. Но это будет стоить много марок!

— Я хорошо вам заплачу. А как долго придется мне ждать?

— До конца месяца. Я должен отвезти черешню из своего сада родственнику, проживающему в Западном Берлине, и попутно сделаю обещанное. Только об этом никому не нужно говорить.

Что ж, если верить Рихтеру, ждать оставалось недолго.

6

Карл Беккер шел из своего хутора к складу. Узкая, ровная лента дороги тянулась между стройных высоких елей. Было ясное тихое майское утро. Накануне прошел дождь, и лес благоухал ароматом и свежестью. Солнечные лучи пробивались через густую хвою, рисуя причудливые узоры на траве. Но ни краски весеннего леса, ни пение птиц не радовали Беккера. Он шел тяжелой походкой, словно сумка с инструментами давила его к земле.

— Пресвятая дева Мария, — шептал Карл, — помоги мне и сохрани...

У входа на склад слесаря встретил сержант Егоров.

— Доброе утро, герр Беккер! Что это вы сегодня такой хмурый?

— Плохо себя чувствую, — со вздохом ответил Карл.

— Тогда, может быть, сегодня не будем работать?

— Зачем же откладывать, если приказал герр офицер.

Оба они направились к третьему блоку, находящемуся в центре склада. Накануне с сержантом Егоровым беседовал капитан Краснов. Он предупредил, что предстоит выполнить ответственное задание.

— Внимательно следите за каждым шагом Беккера, но при этом не ходите следом за ним. Старайтесь наблюдать со стороны или из-за укрытия. Делайте вид, что вы не обращаете на него никакого внимания. Но при малейшем подозрении поднимите левую руку. Это будет условный сигнал. А наши люди будут наготове.

Когда вошли в помещение блока, Беккер сразу же подошел к щиту, открыл дверцу, осмотрел рубильник и предохранители. Потом пошел вдоль стены, осматривая толстые резиновые силовые кабели. Оглянулся. Сержанта

поблизости не было. Метрах в двух от стены тянулись штабеля ящиков со снарядами. Беккер прошел еще несколько шагов. Снова посмотрел по сторонам. Никого.

Тогда он быстро вынул из сумки с инструментами мину и трясущимися руками стал устанавливать взрыватель.

Егоров поднял руку, и тут перед Беккером неожиданно появились капитан Краснов, лейтенант госбезопасности ГДР Гартман и офицер местного отделения народной полиции.

Диверсант был пойман с поличным. Обе мины американского производства у него были изъяты.

На допросе в отделе народной полиции Беккер рассказал о ночном посетителе, который оставил у него мины и предложил установить их в блоке, где хранились снаряды, и о том, что должен прийти к нему связной по имени Гельмут.

Как предполагал капитан Огородников, Беккер не был связан с британской разведкой и не имел никакого отношения к утечке информации о грузах, поступающих на склад.

Связного Гельмута решено было задержать. Старика предупредили, чтобы он никому не говорил о случившемся с ним и никуда не отлучался из хутора.

— Ждите связного. И чтобы никаких глупостей! — строго сказал Беккеру лейтенант Гартман. — А на вопрос, почему до сих пор не установлены мины, сошлитесь на болезнь и обещайте в ближайшие два-три дня установить их.

Ждать долго не пришлось. Через пять дней связной Гельмут пришел к Беккеру и был арестован народной полицией. Потом взяли еще несколько человек, связанных с американской разведкой.

Так благодаря армейским чекистам на складе была предотвращена крупная диверсия.

7

Тем временем оперативная группа продолжала проверку работающих на разъезде местных жителей. Друзья из местных органов госбезопасности тщательно следили за прохождением документов на грузы по этому объекту в окружной дирекции железных дорог.

Но главным оставался Бруно Рихтер. Особисты с нетерпением ждали сообщений о нем. И вот в один из последних дней июня из контрразведки округа сообщили, что сам Бруно находится на месте, а его жена Анна Луиза рано утром выехала на велосипеде с большой закрытой корзиной на багажнике. Приехала на станцию, в двух километрах от деревни, оставила там велосипед, а сама с корзиной первым же поездом выехала в Берлин.

С вокзала Ост-Баннгоф, который находится в демократическом Берлине, она дошла до метро, спустилась вниз и поездом направилась в Западный Берлин.

Следующее сообщение следовало ожидать только вечером. Огородников выехал в окружное управление, чтобы на месте получить информацию о пребывании Анны Луизы в западном секторе и условиться о дальнейших действиях.

Уже поздно вечером в управление сначала позвонил, а потом явился сам лейтенант Гартман.

Его доклад был четким и лаконичным:

— Выйдя из метро в районе Тиргартена, фрау Рихтер с корзиной в руках прошла по улице. Затем вошла в подъезд пятиэтажного дома, поднялась в квартиру на втором этаже. Там пробыла около часа, вышла с той же корзиной, но порожней, в сопровождении женщины 40—42 лет, которую она называла Гретой. Дошла с ней до метро, где расстались. Анна Луиза поехала в район Шарлоттенбурга. Не глядя на номера домов, уверенно вошла в подъезд многоквартирного дома, поднялась на третий этаж и позвонила. Появилась спустя полчаса и направилась к метро. По пути заходила в некоторые магазины, долго не задерживалась. Из одного магазина вышла с большим свертком (как выяснилось — рулоны обоев). На метро тем же маршрутом вернулась в демократический Берлин и с вокзала Ост-Баннгоф поездом приехала домой.

Самое важное из всей поездки Рихтер было то, что в доме, который она посетила в Шарлоттенбурге, по данным коллег ГДР, находился один из разведывательных центров англичан.

Утром следующего дня капитан Огородников доложил Соколову о ходе операции. Василий Петрович одобрил действия.

— А что касается посещения фрау Рихтер второго дома, — добавил генерал, — то там по нашим сведениям действительно находится резиденция английского разведчика капитана Майкла Стюарта.

Итак, теперь с уверенностью можно было сказать, что источником информации английской разведки является Бруно Рихтер. И в этом случае наши контрразведчики столкнулись с обычной для англичан «семейной» агентурой: муж добывал сведения, а жена доставляла их. Теперь следовало схватить иностранных агентов за руку и пресечь шпионскую деятельность.

Решили задержать Бруно или Анну Луизу Рихтер во время очередного выезда в Западный Берлин. Обсудили план с работниками госбезопасности округа. Ведь это им предстояло «брать» супругов Рихтер. Наши же особисты готовили документы о воинских перевозках по разъезду, которые упоминались в донесениях агента.

И вот наступил день, когда Анна Луиза с корзиной ягод (на этот раз была вишня) снова на велосипеде направилась на станцию и поездом выехала в Берлин. Там, на площади вокзала Ост-Баннгоф, у перрона метро ее остановили два офицера в форме сотрудников государственной безопасности ГДР.

— Фрау Рихтер? Следуйте за нами.

Под насупленными бровями Анны Луизы зло сверкнули бесцветные глаза, а тонкие губы с ненавистью прошептали:

— Тоже продались русским...

Ее доставили в ближайший пост народной полиции. Во время обыска за подкладкой ее дамской сумочки обнаружили два листка бумаги, на них — даты и какие-то цифры.

— Что это за бумаги? Что на них написано? Кому вы должны их передать?

— Я ничего не знаю...

— Но как они оказались в вашей сумочке?

— Может быть, их кто-то подложил.

— А в прошлую поездку вы отвозили такие же бумаги мистеру Стюарту? Или вы его называете мистер Фред? Видя, что заpiresательство бесполезно, Анна Луиза призналась:

— Эти бумаги писал муж, а я должна была передать их человеку, которого вы назвали, и получить от него деньги.

— Сколько времени связан с ним ваш муж?

— Я точно не знаю. Может быть, с полгода.

8

Этот день у Бруно был свободным. Утром Анна Луиза по его поручению уехала в Западный Берлин. Вволю отоспавшись после дежурства, он сидел теперь в саду под старой вишней и ждал жену. Грузный, с обрюзгшим лицом и большими залысинами на поседевшей голове, Бруно казался намного старше своих 52 лет. В армию его не призывали по причине какой-то болезни. Всем говорил, что политикой никогда не интересовался, но при гитлеровском режиме считался лояльным. Да и при народной власти он оставался вне подозрений.

Какое-то смутное беспокойство охватило Бруно Рихтера. День клонился к вечеру, а жены все не было.

«Не случилось ли чего?» — думал Бруно. Но, перебирая в памяти все, что происходило за последние дни и недели, не находил причин для тревоги. Кажется, все шло хорошо.

И тем не менее воображение рисовало одну картину страшнее другой. А когда наступили сумерки, состояние стало невыносимым. Он был уверен, что жена арестована и это провал.

Решение пришло неожиданно: бежать на Запад. Бежать, пока не поздно! Бруно торопливо вошел в дом. Зятя и дочери не было.

«Тем лучше. Ничего не нужно им объяснять», — подумал Рихтер. Он накинул плащ, взял небольшой саквояж, сунул в карман пачку денег, которые хранились у него в тайнике, и быстро направился в сторону станции. А вскоре с попутным поездом выехал в Берлин.

Через полчаса к его дому подошла машина с сотрудниками госбезопасности и народной полиции ГДР. Дома никого не оказалось, и лейтенант Гартман, разгадав замысел, принял единственно правильное решение: дал телеграмму в управление госбезопасности Берлина о бегстве Рихтера и сразу же выехал туда сам.

Сбежать английскому шпиону не удалось. Его задержали на вокзале Ост-Баннгоф, как только он сошел с поезда. Пришлось возвращаться в свою деревню.

При обыске у Рихтера в доме был обнаружен обычный железнодорожный сигнальный фонарь с разноцветными стеклами, которыми пользуются в темное время суток. В верхней части корпуса очень искусно был вмонтирован фотоаппарат «минокс» с заряженной пленкой. На пленке оказались кадры с изображением вагонов, а также военнослужащие склада.

На следствии Рихтер рассказал следующее. Зимой пятьдесят седьмого года у него разболелись зубы, и возникла необходимость ставить протезы. На месте пришлось бы ждать несколько месяцев, пока подойдет очередь. Тогда жена посоветовала обратиться за помощью к ее родственнику в Западном Берлине. Он может подыскать там частного врача. Рихтер так и поступил: списался с родственником и поехал к нему, тот отвел его к знакомому стоматологу.

Врач удалил два зуба и предложил через неделю снова приехать: надо сделать оттиски для протезов. В беседе с ним врач интересовался жизнью в ГДР, а узнав, что он железнодорожник и участвует в перевозках для Советской Армии, стал расспрашивать:

— А что за воинская часть, которую вы обслуживаете?

— Военный склад.

— Какие же туда поступают грузы?

— Это мне неизвестно. Грузы идут в закрытых вагонах.

Рихтер заявил, что тогда он не придавал значения этим вопросам, считал их простым любопытством.

И еще несколько раз посещал Рихтер стоматолога: примерка, поправка протезов — дело обычное. В последнее посещение врач познакомил Рихтера с неизвестным человеком, назвавшимся Робертом. Высокого роста, в щегольском костюме, самоуверенный англичанин тоже подробно расспрашивал Рихтера о его работе, о военном объекте, о том, какие грузы туда поступают, а потом неожиданно предложил:

— Хотите заработать марки, фунты или доллары?

— Это смотря какая работа, — ответил осторожный Рихтер.

— Работа не сложная и не опасная. Вы будете подсчитывать количество вагонов, которые направляются на

склад и обратно, вести этот учет по дням, а в конце месяца будете доставлять эти сведения мне. Только и всего! Работа ваша будет хорошо оплачиваться.

Рихтер не устоял и дал согласие на шпионскую работу. И Роберт тут же вручил ему в качестве аванса 50 марок.

После этого Рихтер ежемесячно встречался с Робертом в Западном Берлине, передавал ему сведения и получал деньги. Спустя примерно полгода после их первой встречи сменивший Роберта Фред (это был капитан Стюарт) предложил, чтобы информацию доставлял не сам Бруно, а его жена, так как ежемесячные поездки могут быть замечены. К этому времени Анна Луиза уже знала, зачем ее муж ездит в Берлин. На его предложение отвозить бумаги Фреду, от которого она будет получать деньги, Анна Луиза охотно согласилась. И с этого времени Бруно только считал вагоны и записывал. А жена эти листки доставляла Фреду.

Иногда Фред через Анну Луизу передавал Бруно, чтобы он сам приехал к нему. Зимой следующего, пятьдесят восьмого года, Фред вручил ему небольшой прибор в виде коробки и сказал:

— Когда на склад будут поступать вагоны, положите это в карман и идите вдоль состава. Если прибор начнет издавать щелчки — не обращайтесь внимания. Так и должно быть.

Рихтер выполнил и это задание. Несколько раз проходил вдоль прибывших вагонов. Однако прибор никаких звуков не издавал. Он отправил коробочку обратно Фреду. Следователь потом показал Рихтеру несколько приборов, сходных по описанию с тем, что вручил ему Фред. Один он опознал: им оказался счетчик Гейгера для определения степени радиации. Так английская разведка пыталась установить, не поступают ли на вооружение советских войск в ГДР атомные боеприпасы.

Во время другой встречи в марте пятьдесят девятого года Фред вручил Рихтеру фонарь с фотоаппаратом и показал, как им пользоваться, и это задание Рихтер выполнял с присущей ему педантичностью, аккуратно доставлял отснятую пленку.

Так благодаря бдительности советских армейских чекистов и помощи друзей из госбезопасности ГДР шпионаж семьи Рихтер был своевременно пресечен.

* * *

Один из главных исполнителей этой операции Николай Максимович Огородников после демобилизации из рядов Советской Армии около 15 лет трудился на ответственной работе в Управлении Комитета государственной безопасности СССР по Оренбургской области. И сейчас он — активный общественник в областном центре.

В. САВЕЛЬЗОН

Легко дышится после грозы

В лесу остро пахло прелью. Лето выдалось влажным и не по-белорусски знойным. Воздух под мокрым пологом леса в полумраке не прокаливался, а настаивался в тяжелой духоте на горьковатой коре и пухлой, трухлявой подножной листве, сквозь которую редко, но мощно пробивалась новая жизнь — тугая лесная поросль.

Стояла почти кладбищенская тишина, и птицы не пели в этом лесу.

Цепкие плети ежевичника, словно чьи-то руки, резко, рывками хватали идущих за ноги.

Несколько мужчин шли вплотную за сереньким человеком, мокрым насквозь, то и дело сгонявшим ладонью холодный пот с глубоких залысин.

— Я не обманываю, честное слово, не обманываю, — торопливо уверял он. — Я все покажу. Тут все изменилось, тогда были маленькие деревца, а теперь целый лес, сколько лет прошло.

И, выведя на полянку, встретившую светом и чистым сухим зноем, осмотрелся и сказал уверенно:

— Вот здесь.

Да, он не ошибся. Чуть поодаль в летних веселых травах белел памятник, густо исписанный фамилиями тех, кто лежал здесь под тонким слоем земли.

Тех, кого серенький человек расстреливал.

* * *

А за несколько месяцев до этого и за две тысячи километров от Белоруссии, в Оренбургском Управлении КГБ, Константина Петровича Михайловского вызвали к руководству.

В Белоруссии работники Комитета госбезопасности через сорок лет нашли и арестовали полицейского — карателя из 11-го охранного батальона СС.

Поиски бывших гитлеровских прихвостней не прекращаются, хотя война все дальше уходит в глубь времени. В основном их повыловили сразу же, как только наши войска освободили оккупированные республики и области.

Но некоторым удалось уйти от возмездия, спрятаться, уехать в места, где их никто не мог опознать. Из этих, избежавших кары, кое-кто уже умер в собственной постели, оплакиваемый ничем не знающими родными и близкими.

А некоторые живы и по сей день. Нет срока давности для преступлений, которые они совершили, и смерть от

обычных болезней и старости хоть вроде бы и уравнивает всех, но все же слишком легка, несправедливо легка для тех, чьи руки по локоть в крови.

Арестованный каратель свою вину полностью отрицал и не называл тех, с кем вместе когда-то убивал. Не называл не потому, что жалел их. Он ненавидел их за то, что они, может быть, еще живы, за то, что слишком много знают о нем и могут, попавшись, выдать его.

И много пришлось белорусским чекистам поработать, чтобы собрать неопровержимые доказательства его вины.

Тогда произошла полная перемена.

Пытаясь спасти шкуру, в слабой, но все же надежде на скидку за чистосердечное признание и помощь следствию, он, напрягая память, стал называть тех, кто вместе с ним служил фашистам и участвовал в карательных операциях.

Назвал среди прочих Пронина Ивана Степановича, примерно 1920 года рождения. Где этот Пронин сейчас и жив ли вообще, не знает, не видел его с мая сорок пятого года, когда они, сдавшись в плен американцам и будучи переданы советскому командованию, выдали себя за насильно угнанных в Германию.

Коллеги из КГБ Белоруссии телеграфировали эти скудные сведения во все республиканские комитеты и областные управления госбезопасности.

Проверку по Оренбургской области и поручили Константину Петровичу.

Такого рода задания он получал не раз и с добросовестностью и скрупулезностью, которыми он славился в управлении, копался, искал, по несколько раз перепроверял. И только когда был уверен полностью, когда все версии были отработаны и все данные проверены, — только тогда докладывал, говоря уставным языком, своему непосредственному начальнику:

— Такой-то в Оренбургской области не обнаружен.

— Ну, что ж, отрицательный результат — тоже результат, — задумчиво барабанил пальцами по столу, говорил начальник, — круг поисков на одну область сузился, и среди десятков таких «нет» в конце концов останется одноединственное «да».

Вот и в этот раз Михайловский, как со старыми знакомыми, поздоровался с сотрудниками адресного бюро и попросил показать карточки на букву «П».

Уселся за столом поудобнее, из карточек всех Прониных отобрал Иванов, оказалось довольно много.

Вообще-то говоря, можно было обычным путем запросить областное адресное бюро, но Константин Петрович взял себе за правило все проверять лично.

Этот жизненный урок преподавал ему когда-то давно опытный оперативник, лысый, в очках, совершенно бухгалтерского вида. Михайловский, тогда совсем юнец, с удивлением узнал, что этот тихий, покашливающий старичок прострелен еще в одной из операций Оренбургской ЧК, а во время Великой Отечественной был в числе лучших работников СМЕРШа — организации, которая вылавливала в нашем тылу и на фронте фашистских диверсантов.

А урок был вот какой.

Константин Петрович, в те годы еще просто Костя, начинающий работник, заваленный делами, официальным путем запросил адресное бюро и получил такой же официальный ответ, что гражданин такой-то не значится. И доложил об этом руководителю группы, тому самому тихому старичку.

— Почему не проверил сам? — строго спросил тот.

— А зачем? Каждый на своем участке работы. Там, в адресном, специалисты своего дела сидят.

— Нет, дорогой мой, так не пойдет. Все проверяй своими руками, глазами и ушами. Верно, вероятность ошибки ничтожна. Но вдруг она есть, эта ошибочка? Слишком дорого она может стоить.

Один раз, это было еще в 20-е годы, искали мы матеревого бандита, Барыкин была его фамилия. Знаем, что должен он числиться в городе, но барышня из адресного стола дала справку: нет такого.

Почти день мы на этом потеряли.

— Ну-ка, — говорю, — барышня, дозвольте, я самолично посмотрю.

Передернула плечиками.

— Смотрите, — отвечает, — раз вы такой недоверчивый. Я-то свое дело, наверно, лучше вашего знаю.

Ищу я. И — представь — нахожу!

— Вы что же это, в заблуждение нас хотели ввести? А она взглянула — и в слезы:

— Тут буква «к» больше похожа на «н», почти без закорючки. Я же эту карточку несколько раз просматривала, но читала не «Барыкин», а «Барынин». А вы же Барыкина искали.

Эта закорючка нам стоила жизни такого, как ты, молодого человека: узнай мы адрес сразу же — взяли бы Барыкина дома, тепленьким, а за упущенное нами время он учуял слежку, и брать его пришлось со стрельбой.

Костя Михайловский мигом слетал тогда в адресное, пересмотрел все похожие фамилии, с «закорючками» и без. Правда, того, кого искали, не нашел, но урок запомнил на всю жизнь.

И запомнил он слова, которые любил повторять этот старый чекист, его учитель и наставник:

— Наше дело требует отзывчивости к чужой беде, требует смелости, когда необходимо — иди под пули, рискуй, спасай товарища. И в то же время будь упорным и дотошным в самых вроде бы обычных делах. Всегда проверяй себя: а вдруг не все сделано? А вдруг ошибка? У чекиста должно быть горячее сердце и холодный ум, — так нас учил Дзержинский.

...Писатели-детективщики любят описывать какое-то «безотчетное предчувствие удачи».

Нет, никакого такого предчувствия у Михайловского не было, когда он положил на стол три карточки Прониных Иванов Степановичей, проживающих в Оренбургской области, и, надев очки, стал внимательно просматривать эти прямоугольнички тонкого картона.

Радоваться было рано.

Во-первых, имя, отчество и фамилия того карателя, которого сейчас разыскивают, могли быть тогда, во время войны, частично или полностью вымышленными. Боясь расплаты, фашистские прихвостни опасались даже друг друга и могли нарочно перевернуть анкетные данные.

Кроме того, каратель мог после войны, хоть это и сложно и опасно, раздобыть себе новый паспорт или сделать подчистку в старом, изменив или имя, или отчество, или фамилию, а то и все сразу.

Во-вторых, это только в Оренбургской области оказалось три Пронина Ивана Степановича, но очень может быть, что сейчас ищут и уже нашли по всей стране десятки, сотни полных тезок и однофамильцев, и каратель — кто-то из них.

И все это, конечно, при условии, что тот каратель Пронин — жив.

И поэтому никакое «предчувствие удачи» не осенило его и не екнуло радостно сердце, когда легла на стол карточка, в которой совпало все: фамилия, имя, отчество и год рождения — 1920.

Были еще Иваны Степановичи Пронины: второй — 1922 и третий 1947 годов рождения.

Третью карточку Михайловский отложил в сторону сразу же, а над второй задумался, прикидывая.

Если каратель Пронин родился в 1920 году, то в 1942 году, когда он начал свою деятельность, ему, как и первому Пронину, было 22 года. Второму Пронину — 20.

Мог ли тот каратель, которого арестовали в Минске, так ошибиться в определении возраста — на целых два года? Вряд ли. Это в пожилом возрасте такая разница почти не определима, а в молодости она очень заметна, сразу отличишь: 22 года человеку или 20.

Отложить в сторону этого, второго Пронина? Он заколебался. Бывают же молодые люди, которые выглядят старше своих лет. К тому же в телеграмме из Белоруссии сказано, что год рождения определен арестованным приблизительно.

Так что и этого Пронина надо проверить.

Но главным сейчас был тот, чей год рождения совпадал точно.

* * *

...Над Оренбургом летал тополиный пух, словно зима вернулась. Есть в оренбургском лете противные, как правило жаркие, две недели, когда тополиный пух мешает жить, он липнет к потному телу, забивается в ноздри, лезет в глаза, расчешешь до слез — несколько дней будешь красноглазым, как кролик. Целые сугробы пуха ветер наматывает в затишные места, и мальчишки поджигают их, вызывая мгновенное, не видимое на солнечном свету пламя.

Был как раз один из таких дней, когда Константин Петрович зашел в большой двор, образованный прямоугольником домов толстостенных, желтых, с балкончиками и белой лепниной, как считалось красивым строить в 50-е годы, и населенных людьми военными, сейчас уже преимущественно пенсионерами.

Одного из них Михайловский знал по рыбалке. Кто чем занимается и где живет — обычно рыбаки не спрашивают друг друга, не до этого, да и служба не позволила бы Константину Петровичу рассказывать, что он — офицер КГБ. Но пенсионеры — в массе своей любители поговорить сами; и поэтому, посидев как-то в выходной с удочкой рядом с пенсионером, жизнерадостным и шумливым, что для настоящего рыбака не очень-то приятно, Михайловский услышал и о том, что тот живет в бывшем военном городке, что дети у него разъехались, спасибо, хоть иногда внуков подкидывают им со старухой — понянчить.

И, прочитав адрес Пронина И. С., 1920 года рождения, Михайловский стал вспоминать, что и кого он знает в этом районе, и вспомнил разговорчивого рыбака.

Повезло: отфыркиваясь от тополиного пуха, тот в приятной компании забивал козла, дожидаясь, пока жена позовет обедать. Михайловский, оглядевшись, подошел, сел на свободный край скамейки, поставил на землю сетку с зеленым лучком и первыми местными помидорами.

Но азартен настоящий доминошник, несколько раз взглядывал он на Михайловского, однако узнал только тогда, когда с треском выставил последнюю костяшку и победоносно захохотал.

— О! Кого вижу! С базара топаешь? Нет, я себя запрягать не даю. Я «свою» запускаю на базар, а сам становлюсь с газеткой у входа: вот тебе на все полчаса, пока дочитаю. Ну, а тащить до дому — это уж мое святое дело.

Начали очередную партию, усадив и Михайловского. Пошучивая, почти всерьез огорчаясь поражениям и радуясь выигрышам, он незаметно приглядывался к молчаливому человеку в темном костюме и, несмотря на жару, при галстукке, который не играл, но сидел и мрачно наблюдал за игрой, — к тому самому Пронину И. С., 1920 года рождения, «первому Пронину», как стал про себя называть Михайловский, фотографию которого и личное дело он уже несколько дней изучал в военкомате. «Пенсионер. На фронте с 1942 года. С 1953 и до выхода в отставку преподаватель военного училища». И уже не из анкеты, а из осторожных расспросов о Пронине: «Замкнут. В знакомствах осторожен. Ссылаясь на плохое здоровье, несколько раз отклонял предложение поработать в группе содействия при военкомате. К себе никого не пускает, кроме нескольких человек, которых во дворе никто не знает».

Не густо. Михайловский внимательно проверил, проанализировал все военкоматские данные, сделал несколько запросов, но теперь ему хотелось получить какие-то личные впечатления об этом человеке.

С первого раза знакомства не получилось, но кто-то из доминошников привычно зацепил Пронина: давай, мол, не отрывайся от стариковского коллектива, а то ты от живых людей отвыкаешь со своими альбомчиками с картинками. И на следующий день Михайловский заглянул в этот двор с толстым свертком в плотной желтой оберточной бумаге.

Снова доминошничали, и снова Пронин, худой старик с крупными грубыми чертами лица, нелюдимо сидел в сторонке. Когда играть надоело, а жены еще не звали обедать из-за тюлевых занавесок, Михайловский заговорил, что сегодня удачно сменял Добужинского на Глазунова.

Пронин оживился:

— Позвольте взглянуть.

Бережно взял альбом в руки, обтянутые по-старчески веснушчатой кожей, и жадно, с завистливым наслаждением стал листать. И Михайловский, сам тоже заядлый коллекционер, безошибочно понял, что такого Добужинского у Пронина нет.

Окончательно потеряв к себе интерес доминошников, поговорили о том, что альбомы раньше лежали и по цене были доступны, а сейчас подорожали, а все равно, прозевал — уже не достанешь, похвастались последними приобретениями, и Пронин, поколебавшись, пригласил:

— Если не торопитесь, зайдите, я вам свою коллекцию покажу, что-нибудь и на обмен найдем.

Михайловский шутливо вздохнул:

— Увольнительная моя от жены кончилась, влетит мне...

Пронин усмехнулся. На втором этаже загремел двумя ключами — плоским и обычным, на всякий случай по привычке оглянулся, открыл, впустил гостя, захлопнул дверь, накинул цепочку.

— Прошу в мою берлогу.

В квартире все было чисто и прибрано, кровать аккуратно заправлена, посуда вымыта и ровно расставлена в буфете, но не чувствовалось здесь того уюта, который могут навести только женские руки.

Пронин будто прочитал мысли:

— Один живу. Вот альбомами, книгами занимаюсь — вроде полегчает. А иной раз совсем тошно. Жена скончалась, детей нет. Для кого это все — квартира, коллекция? Где-то, не помню где, читал: старику нужны внук, собака и домик на природе.

И он замолчал.

Михайловскому стал понятен этот старик, потерявший интерес к жизни и в то же время боящийся умереть вот так, один, за закрытой дверью, пока кто-нибудь из соседей не спохватится, почему это его давно не слышно и не видно.

Но самое главное: этого, «первого Пронина И. С.», 1920 года рождения, на переснятой фотографии военных времен арестованный в Минске каратель не опознал.

Не опознал он и «второго Пронина И. С.», 1922 года рождения, на фотографии, которую работники соответствующей службы КГБ пересняли с фото, хранящегося в паспортном столе.

Поиски зашли в тупик. В Оренбургской области карателя Пронина не было. Дело можно было закрывать. Ну, что ж, «отрицательный результат — тоже результат».

До конца этого дня Михайловский занимался накопившимися материалами по другому делу и засиделся у себя в управлении допоздна. Но беспокоящее чувство неудовлетворенности не покидало его.

* * *

Вечером он ехал домой. Уже кончился «час пик», и в мягко плывущем троллейбусе было непривычно много свободных мест. Ехал, в основном, такой же сильно задержавшийся на работе учрежденский люд, утомленный целодневной сутолокой. Села веселая компания студентов, несколько шустрых старушек в черном, толкаясь и перебраниваясь, влезли на остановке у церкви. «Не умиротворяет их церковная благодать», — улыбнулся про себя Константин Петрович. На переднем сиденье молодая мать тетешкала своего ненаглядного малыша.

Грузно плюхнулся рядом, притиснув Михайловского, очень плотный, посапывающий мужчина в рубаше с рукавами, закатанными на толстых руках.

Михайловский отодвинулся, насколько было возможно, мельком взглянул, и толстяк показался ему знакомым. Рассматривать впрямую было неловко, и он взглянул на отражение в уже потемневшем окне. Потом до самой своей остановки он вспоминал, но так и не вспомнил: «Сколько таких лиц на свете! Вроде видел когда-то, вроде — нет... Иной раз полезно не напрягать память, а отвлечься. Мозг все равно продолжает работать, и вдруг, совсем неожиданно, выявляется ответ».

Вдали на фоне быстро черневшего степного неба показался чуть шевелящийся муравейник огней — новые районы восточной части города.

Троллейбус постепенно пустел, но толстяк выходить не собирался, сидел все так же плотно, уложив колышущийся живот на колени. Придавленному Михайловскому было неудобно, тесно, но он стеснялся вот так демонстративно пересесть и терпел.

«Под давлением обстоятельств, — посмеивался он над собой, — всегда тянет пофилософствовать, помогает.

Вот интересно, как это из многих тысяч людей, иногда очень похожих, мы безошибочно выбираем только одного, нужного нам? Для азиатов все европейцы — на одно лицо, и, наоборот, европейцы удивляются, как это азиаты различают друг друга?

А все дело, наверное, в том, что с самого раннего детства мы ежедневно и непроизвольно тренируем свою способность различать тех людей, с которыми нас сталкивает наша будничная жизнь.

Вроде бы тут, как говорится, особенно не разгуляться, природа создала небогатый типовой набор: один нос, один рот, два глаза. Вариации в размерах — всего миллиметр-другой, и в цвете глаз, волос, лица тоже гамма не очень разнообразная.

Однако же с первого взгляда мы узнаем, отличаем среди многих похожих лиц какое-то одно. Не анализируем: ага, вот тут на долю миллиметра уже разрез глаз или чуть темнее радужная оболочка. Мозг сам мгновенно, лучше всякой ЭВМ, выдает ответ, скажем, поздороваться ли со знакомым или пройти мимо очень похожего на него человека».

Уже поднимаясь по лестнице, Михайловский все же вспомнил: с толстяком учился когда-то до седьмого класса. Время сильно меняет людей. А вот встретиться лет двадцать назад — узнал бы сразу.

— Паспортная фотография «второго Пронина И. С.», 1922 года рождения, сделана всего несколько лет назад при смене паспорта, — рассуждал он. — Может быть, арестованный каратель поэтому и не опознал Пронина? Я ведь вчера тоже не сразу узнал школьного товарища, хотя у меня память профессионально тренированная.

Конечно, вероятность удачи очень мала, и все же, чтобы быть окончательно уверенным — «дело Пронина» можно закрыть, надо раздобыть фотографию хотя бы двадцати-тридцатилетней давности.

На следующий день Михайловский попросил у своего руководителя еще несколько дней.

...Тополинный пух еще не облетел, но первый за все лето слабый дождь прибил его, и воздух очистился, даже робкая радуга зависла над городом.

Однако на заасфальтированной, залитой радужными лужами автобазе свежести не ощущалось. Резкий запах бензина, адские клубы выхлопных газов, рев горячих моторов...

Под самым окном директорского кабинета газанул КраЗ. Полный, в очках, в легкомысленной джинсовой куртке директор встал и закрыл окно. Видно было, что к шумам и запахам он привык, а окно захлопнул да еще прижал шпингалетом, чтобы показать, что он понял всю важность предстоящего разговора.

— Я вам с начальником отдела кадров хочу задать несколько вопросов. Само собой разумеется, что все это должно остаться между нами, — начал Михайловский.

— Конечно, конечно. Коллектив у нас хороший, но за всех отвечать я не могу. У меня их, этих орлов, знаете сколько? Если б еще из милиции пришли — дело знакомое... А тут каждое слово надо взвешивать.

— Взвешивать, я думаю, во всех случаях необходимо. А что коллектив хороший, — не сомневаюсь.

— Все районные знамена — наши, — вмешался кадровик. — Передовиков много.

— Видел я ваших передовиков. У вас при входе Доска почета — заглядение. Заказывали, наверное?

— Худфонду. Здорово? — оживился директор. — Дорого обошлось, но для передовиков ничего не жалко, воспитательный момент, правда?

— Правда. Только одного передовика обидели. У всех большие портреты, а у него нет, только подпись.

— Опять Пронин с фотографией тянет! — вскипел директор. И блеснул очками на кадровика. — Когда же мы наших людей к дисциплине приучим, а? Сколько можно об одном и том же?

— Да вы же его знаете, долблю, долблю: принеси фотографию, все уже давно сдали, всех уже давно на портреты увеличили, все давно висят, один ты остался.

— Мало, значит, уговаривать. Скажите, что накажем. Вот возьмем и срежем премию, тогда живо принесет.

Михайловский расхохотался:

— Что же вы, за скромность — штрафовать?

— А что с таким прикажете делать? — развел руками директор.

— Да, трудно с таким народом работать, — обрадовался поддержке кадровик. — Этот Пронин всю жизнь такой: «нет» не скажет, все завтра да завтра, то ему некогда, то еще что. Я и жене его говорил, а она рукой машет: родные дети сколько его уговаривали сняться всей семьей — нет, и точка. Единственно, — она рассказывает, — на паспорт сфотографировался, тут уж — хочешь — не хочешь, но и то — сколько полагается сдал, остальные карточки порвал.

— Разгильдяй, а вы его — на Доску почета, — усомнился Михайловский.

— Нет, он вообще-то работник золотой, у меня на автобазе все бы такие были — беды-горя не знал. Насчет работы он молодец. Ему что приказал — все, можно не проверять, безотказный. Ни одного замечания за все годы, одни поощрения. Семьянин примерный.

— И со всеми старается ладить. Вот не знаю, может, об этом и не стоит... — кадровик замялся. — Ну, вы наш народ представляете, бывает, и «соображает», не без этого. Но не в рабочее время, вы, конечно, понимаете. Так вот, ребята попросят: дай, мол, Степаныч, трешку до завтра, — всегда даст и никогда даже не напомнит потом.

Но, увидев, что его заносит несколько не туда, кадровик остановился. А потом неожиданно наклонился к Михайловскому:

— Сектант он. Мы все так думаем. Не курит, не пьет. Живет хорошо, дом построил, «Волгу» купил. Но чтоб домой пригласить — никого. Закроется, наверно, и молится. На 9 Мая собрались наши фронтовики, разговор обычный — кто где воевал. А он: нет, я, говорит, вспоминать не могу, слишком тяжело. И ушел.

— Да и я тоже его как-то не пойму, хоть уже столько лет руковожу автобазой. На работе, еще раз скажу,

золотой человек. Но в общественные дела — никак не затынем, это наша недоработка.

— Ну, что ж вы его сразу в сектанты записали? Разные бывают люди: и молчаливые, и застенчивые, и замкнутые. Я только не пойму, почему бы вам просто не взять его фотокарточку из личного дела, раз уж он так не любит сниматься?

— А на водительский состав у нас дела не ведутся, — пояснил кадровик. — Да вон он сам, Пронин, собственной персоной, — он показал в окно. — Вернулся из рейса.

Михайловский подошел к окну. Из машины вылез водитель — человек как человек, «без особых примет», как говорится в ориентировке, какой-то серенький. Даже волосы ровного серого цвета, не седые, а именно серые, отступившие к макушке под натиском больших залысин.

«...Ну, и что мы с этого имеем, как любил говорить один знакомый одессит! — размышлял Михайловский о посещении автобазы. — Не любит фотографироваться. Замкнут. Старается не вступать в конфликты.

Мало. Слишком мало. И «первый Пронин» тоже замкнут, нелюдим и друзьям-пенсионерам подозрителен и непонятен. Ну и что? Нужны доказательства. Нужна старая фотография «второго Пронина». Неудача: оказывается, на автобазе водительские дела не ведутся. Где еще может быть его фото? В военкомате. Но Пронину за 50, значит, он с воинского учета снят».

В военкоматской учетной карточке, которую Михайловский внимательно изучил, содержались только данные о том, что в 1942 году Пронин был насильно вывезен фашистами на территорию Германии, освобожден советскими войсками в мае 1945 года и после этого служил в саперной части.

Старая фотография может быть только на военном билете Пронина, но билет хранится у него дома. Надо найти ненастораживающий повод взглянуть.

...Вскоре на доске объявлений автобазы появился небольшой листок. Отдел кадров просил для составления отчетности по гражданской обороне сдать военные билеты следующих товарищей... Среди 28 фамилий была и фамилия Пронина.

Еще через день военный билет был в руках Михайловского. Пронин был снят в начале 50-х годов. Переснятое фото отправили в Белоруссию, военный билет вернули Пронину.

И еще через несколько дней из КГБ Белоруссии сообщили: арестованный каратель опознал на предъявленной ему фотографии Ивана Степановича Пронина, полицейского 11-го немецкого охранного батальона СС.

* * *

Каждый из этих двух людей — Константин Петрович Михайловский и Иван Степанович Пронин — сделали свой жизненный выбор в ранней юности.

Комсомольца Костю Михайловского в 18 лет взяли на чекистскую работу. Тогда он по наивности предполагал сплошные засады и погони. В детстве ему попала книжка о Дзержинском, и особенно запомнилось и восхитило, как во время эсеровского мятежа Дзержинский безоружным пошел в самое логово мятежников и только словом, убеждением заставил их сдаться.

Кто из мальчишек не переболел страстью к фильмам и книгам «про шпионов», кто в детстве не мечтает о приключениях?

В детстве... Его-то и не было у Михайловского. Как отец уходил на войну, он почти не помнит. Помнит — как вернулся.

В те годы в Оренбурге (Чкалове) еще не было автобусов и троллейбусов, у вокзала стояли серые печальные ослики, запряженные в непомерно большие тележки. Казалось, что длинноухий и пустую-то тележку с места не стронет, но, сторговавшись, хозяин «ишакси» — так с юмором прозвали чкаловцы этот вид транспорта — и клиент усаживались, и ослик, семеня ножками, тащил свой груз по пыльным улицам.

И вот однажды «ишакси» остановилось у домишка, где жили Михайловские, в Кузнечных рядах (это — на месте нынешних корпусов политехнического). Неловко сполз с тележки, еще неумело передвигая костыли, одноногий солдат в шинели с вещмешком за плечами. Увидев Костю, всхлипнул, хотел обнять, прижать, да костыли, стуча друг о друга, заплетаются.

Стоял Костин долгожданный папка, и слезы застревали в щетине небритого в дальней дороге лица.

Рано Костя стал кормильцем семьи. Там же, в Кузнечных рядах, в темных, прокопченных кузницах мелких артелей бил молотом по раскаленному, податливому металлу, а намахавшись за день, после жара, грохота, шипения пара долго не мог отойти, унять дрожь в пальцах, и бегать с мальчишками его не тянуло.

Война не Парадом Победы кончилась, а долго еще чувствовал весь народ ее остывающее, тяжелое дыхание. Конечно, сейчас Константин Петрович уже и представить не мог себя тем зеленым юнцом, каким он пришел когда-то в Управление госбезопасности, и на себя на старой фотографии смотрел отстраненно, с некоторой даже долей удивления. Но не так, как почтенная зрелость с мечтательным умилением взирает на запечатленные черты своей юности, а просто как опытный мастеровой человек вспоминает с безумилительной строгостью себя, прежнего неумеху-новичка.

Сказали бы тогда, когда пригласили для первой беседы, что засады и погони будут не каждый месяц и не каждый год, — не поверил бы.

Чему надо, его научили там, где он проходил чекистскую подготовку, многое дала ему многолетняя оперативная работа. Приходилось бывать и в опасных переделках, в дальних ответственных долгих командировках

и вот так упорно копаться в пыльных архивных бумагах. Вылавливал фашистских недобитков и тех, кого забрасывают к нам разведки империалистических стран, — и восстанавливал доброе имя тех, кого оклеветали.

Такая у него служба — охранять безопасность государства. Недаром символом чекистов стали щит и меч: защищать советских людей, разить их врагов.

А Пронины были крепкой, зажиточной семьей. Под раскулачивание не попали, хотя из их села в Калужской области некоторые отправились «по казенной надобности» на Север.

В колхоз вступали последними, старались жить тихо-мирно. На общественном поле не выкладывались. Поворовывали из колхоза понемногу, чтоб не попасться, жили обособленно, замкнуто.

Старик Пронин кое-что записывал в толстой клеенчатой тетрадке. Острая вонь черной липкой обложки почемучему-то с годами не выветривалась, и Ванька Пронин помнил ее с детства. Отец запирает дверь, задергивал ситцевые занавески, доставал из потайного места — из-под короткой половицы в углу избы — эту тетрадь. Ваньке приказывал язык держать за зубами, но прочь его не отсылал, наоборот, читал вслух, что писал, объяснял:

— Переменится власть — цены не будет этой тетрадке. Смотри. Вникай. Запоминай.

Записывал старательным крупным почерком колхозных активистов, коммунистов, комсомольцев — кто что сказал, где и кому, кто именно раскулачивал, что конфисковано, сколько и где хранится. Аккуратно отмечал и рядовых колхозников, если они усердно работали в поле или на скотном дворе.

Много чего было в той тетрадке.

И когда в село, треща, волоча сизые шлейфы дыма, вкатилась колонна немецких мотоциклистов, все эти записи были переданы им, и чернила прониинские обратились в кровь тех, кто значился в этой вонючей тетради.

Власть, которую Пронины так ждали, хорошо понимала, что своими силами удержать в повиновении советский народ на оккупированной территории не удастся, и поэтому стала вербовать подонков, недобитое кулачье и создавать из них карательные полицейские формирования.

Иван Пронин из Красной Армии дезертировал. Посоветовались в семье и решили, что нужна «рука» при новой власти, и Иван пошел служить в полицию.

Говорят, что каждый преступник должен сделать первое усилие, первый шаг в новую, преступную, то есть переступившую нравственные человеческие законы жизнь, ведь не убийцей и насильником родила его мать. А дальше уже покатится само собой, и не будет мучить совесть, и не будет трогать чья-то боль.

Но Иван Пронин сделал свой жизненный выбор спокойно и осознанно. У него не было совести, как нет совести у гиены, пожирающей чьи-то останки. Он был просто доволен, что теперь в селе многие заискивают перед ним и боятся его, что немцы хорошо его обмундировали и хорошо, до сытой отрыжки, кормят.

Фашисты бросали полицейские части на облавы в партизанских местах; и Пронин участвовал в этих расправах, нес охрану немецких объектов; в удачной засаде у поселка Рог Могилевской области им и другими полицейскими были убиты 4 партизана — братья Печуровы, Захар и Григорий, Василий Голуб и Иван Круталевич.

Его рвение было замечено, и фашисты перевели его в 3-ю роту 11-го полицейского немецкого охранного батальона СС.

В этом очерке несколько изменены фамилии действующих лиц, но выписка из справки о деятельности карателя, названного здесь Прониным, и его сослуживцев-полицаев — подлинная:

В октябре — ноябре 1943 года немецко-фашистскими захватчиками с участием полицейских 11-го батальона СС была организована и проведена крупная карательная операция по массовому уничтожению мирных советских граждан, содержащихся в Минском гетто. В результате этой операции, продолжавшейся 10—12 дней, было умерщвлено в специальных автомашинах-«душегубках» и расстреляно в урочище Благовщина Минского района свыше 10 000 граждан еврейской национальности, в том числе женщин, стариков и детей.

В марте 1944 года немецко-фашистские захватчики в целях уничтожения советских людей и заражения инфекционными заболеваниями наступающих войск Советской Армии вблизи линии фронта в районе местечка Озаричи Гомельской области создали лагеря, в которых было согнано около 50 000 советских граждан, в том числе около 16 000 детей до 13-летнего возраста и свыше 13 000 нетрудоспособных женщин. Для распространения инфекции в лагерь поставляли тифозных больных.

В конце апреля — начале мая 1944 года 3-я рота в составе особой «Зондеркоманды-7а» и немецкие воинские формирования принимали участие в карательной операции против партизан и мирного населения на территории Пуховичского и Червенского районов Минской области, Осиповичского района Могилевской области. В ходе этой операции расстреливали и сжигали мирных советских граждан, уничтожали партизанские лагеря, сжигали деревни, грабили, задерживали людей для отправки в Германию.

В конце апреля полицейские 3-й роты, обнаружив в лесу недалеко от деревни Усохи Червенского района скрывшихся в землянках не менее 30 мирных жителей, расстреляли и забросали их гранатами, а затем сожгли.

1 мая 1944 года они же при проческе лесных массивов задержали большую группу советских граждан, скрывавшихся от карателей, приконвоировали их в деревню Усохи Червенского района и загнали в сарай. На следующий день они отобрали 300 человек, в основном стариков, женщин и детей, группами водили их в колхозный гараж и там расстреливали. После этого гараж с трупами подожгли. Оставшихся трудоспособных граждан отправили в г. Бобруйск для угона в Германию.

В конце июня 1944 года при отступлении немецко-фашистских войск оставшиеся в г. Бобруйске полицейские 3-й роты приняли участие в расстреле 40—60 советских граждан, доставленных из Бобруйской тюрьмы в расположение роты. При совершении этого злодеяния они конвоировали заключенных во двор штаба СД, ставили их на колени около траншеи и стреляли им в затылок из винтовок.

После совершения этого преступления полицейские прибыли в лагерь «Тростянец» Минского района, где за несколько дней до освобождения города Минска приняли участие в расстреле и сожжении узников, содержащихся в этом лагере. В сарае, на штабелях бревен и в других местах на территории лагеря полицейскими 3-й роты было уничтожено 6500 мирных граждан, в основном женщин, стариков и детей. С целью сокрытия совершенных злодеяний все постройки с трупами в лагере каратели подожгли.

...Иван с детства пристрастился к технике, и все, что двигалось, тикало, стреляло, увлекало его своей тонкой взаимосвязанностью и причинностью, хитроумием, подгонкой и притертостью деталей.

— Ну, надо же, как это все придумано! — восхищался он, увидев какую-то новую машину или механизм. — И голова же у того, кто выдумал!

И немцев он особенно уважал за аккуратность, за умение устроить все так, чтобы все шло в дело, ничего не пропадало, за маленькие удобства, которые они умели себе создавать, за продуманность и порядок (они даже расстреливали не когда придется, а в специальные «расстрельные» дни — вторник и пятницу), за крепкие, не пропускающие воду сапоги и за автоматы «шмайссер». Полицейские из его батальона рассказывали, посмеиваясь, истинный случай, как он, не добив стонущего в груди уже охладевших тел, отошел от рва, расстелил куртку кого-то из расстрелянных, достал ветошь и летнюю смазку, аккуратно разобрал пулемет, — показалось ему, что пружина ослабла, — проверил, смазал, тщательно собрал, поклацал замком удовлетворенно и только потом вернулся к рву, лег за пулемет, поерзав задом, перебирая немецкими коваными сапогами, устроился поудобнее. И одиночным добил стонавшего.

— Куда проще было бы — финкой или из пистолета. Нет, он только из ручного пулемета, чудила! Далеко пойдет, — качали головами полицейские.

И свою автомашину, на которой он проезжал много лет, до самого ареста, он тоже любил и ревниво оберегал. Когда уходил в отпуск, договаривался с заведующим гаражом:

— Никого из шоферни на машину не сажай, присмотри за ней, а то живо фары снимут или еще что.

Он любил хорошие рейсы и чувствовал подлинное счастье, какого не знал никогда в общении с людьми, когда он сам плотно и вкусно поел, бензобак полон под крышку, дорога не выстлана гололедом и не переметена бураном, а ровной черной лентой бежит под колеса, и ухоженная машина послушна ему, как когда-то был послушен ухоженный ручной пулемет.

Но он не любил, больше того — боялся тех, военных, лет воспоминаний. Нет, не только опасался проговориться кому-нибудь из знакомых, жене, детям, — это было исключено. Он боялся вспоминать даже про себя.

Он до ужаса боялся, что кто-то догадается.

Он никогда не «соображал» со всяким пьющим людом, когда тот раскладывал селедочку на в момент промасливающей газетке и разливал по мутным стаканчикам водку, и его уже и не приглашали. Он боялся потерять контроль над собой. Но при обыске в его сарае обнаружили сотни бутылок из-под водки, покрытых толстым слоем пыли и мусором. Жена объяснила, что он пил и пил крепко, но только дома, в одиночку. И, напившись, принимался плакать.

Он плакал не из-за того, что его мучила совесть. Погубивший сотни людей, распоряжавшийся сотнями жизней, он был, в сущности, мелким трусом.

И когда орал, бил людей сапогами, подгонял ко рву, — он их боялся. И от этого страха зверел, как озверел в то памятное ему до секунд летнее утро, когда он убил первого человека.

Странно, что лица его он не запомнил, но запомнил почему-то какую-то чепуху: капельку утренней росы, склонившую своей тяжестью тонкую травинку у самого его, Ваньки Пронина, лица... Он с другими полицейскими лежал в засаде. Откуда узнали, что несколько партизан в это утро выйдут из леса, — не его ума было дело, он и не стремился никогда знать то, чего не положено. Он только догадывался: узнали от своего человека, засланного к партизанам.

Ему приказали — вот он и лежал в высокой траве на опушке леса и терпеливо ждал, загнав патрон в ствол винтовки (ручной пулемет он получил уже потом, когда отличился).

Солнце взошло уже довольно высоко, и капелька чуть подрагивала, переливалась, истаявая невидимым паром.

Он боялся, и от этого, наверно, зрение и слух его были так обнаженно остры, что он первым заметил тех четверых, осторожно пробравшихся сквозь кустарник, и, толкнув локтем соседа, глазами показал: там.

Быстрая мысль, что их, полицейских, больше и что партизаны не знают, что их выцеливают, а расстояние такое — не промахнешься, успокоила его, уняла нервную дрожь, и он уже мягко, как учили, подвел мушку под крайнего справа, поднял, чтоб — в голову, и плавно нажал на спусковой крючок. Грохнуло, толкнуло в плечо, загремели и выстрелы соседей, он увидел «своего» — как тот, скручиваясь, переламываясь, медленно падал на землю уже нечувствующим лицом в колючую кустарниковую поросль.

И опять Иван заметил ту каплю. Она все так же переливалась на солнце, не успев истаять, и он подумал почему-то, что человеческие жизни, подвластные теперь ему, короче жизни этой капли. Вот только что человек был жив — и вот его уже нет, осталось только тяжелое тело, подмявшее кустарник и траву.

И почему-то опять вернулся страх. Он не осознавал, что это страх, который теперь будет мучить его всю жизнь, — страх быть узнанным, опознанным, страх самому попасть на чью-то безжалостную мушку. От этого страха он озверел и долго под одобрительные улыбки других полицейских бил, словно потеряв рассудок, сапогами вздрагивающее от ударов тело убитого им человека, пока, наконец, старший полицейский не прикрикнул:

— Ну, будет, будет.

* * *

За городом, но уже где-то близко, за Уралом, набирала силу большая гроза. Подбрюшье черных туч то и дело озарялось всполохами молний.

Но в городе, придавленном духотой, еще было тихо, только начали змеиться по тротуарам струйки сухой тонкой пыли, завихряясь в подворотнях, и стало доноситься отдаленное глухое ворчание грома.

Потом засвистело, вспухли выше крыш клубы пыли, взмыли в помутневшее небо стаи неживых голубей — обрывки бумаги и старые газеты.

Шлепнулись оземь первые, самые крупные капли. И все сразу притихло.

Люди торопились укрыться в домах.

...Михайловский взглянул на часы: 17.55. Сейчас Пронин должен возвратиться из рейса, и его попросят зайти на минутку в кабинет директора.

Все было готово, и Константину Петровичу оставалось только ждать, разглядывая большой, уже знакомый ему кабинет, перечитывать висящие в рамках грамоты за успехи автобазы и поглядывать в окно.

Машина, фыркнув у ворот сизым дымком, въехала, завернула на стоянку. Человек, скучавший неподалеку на скамеечке, снял кепку и стал ею обмахиваться. Это сигнал: «Пронин».

Да, ничего не скажешь, аккуратный человек этот Иван Степанович Пронин. 18.00, ни минутой раньше, ни минутой позже.

Вскоре послышался робкий стук.

— Войдите.

Дверь приоткрылась, и просунулась серая голова с глубокими залысинами.

— Проходите, — пригласил Михайловский. — Это я просил вас зайти. Садитесь.

Пронин сел.

— Я из Комитета госбезопасности.

Можно было ожидать бессмысленного яростного сопротивления или, наоборот, мгновенной окаменелости, но Пронина словно кто-то невидимый ударил сзади обухом, он качнулся, отвисла челюсть, мгновенная обморочная бледность залила лицо. Тело будто безвольно размазалось по стулу.

— Я ничего не делал, — всхлипнул он. Спазма перехватила ему горло.

— Вы арестованы. Впереди следствие и суд. Они покажут и докажут степень вашей виновности. Встаньте.

Но Пронина не держали ослабевшие, подламывающиеся ноги, и в ожидавшую машину его пришлось вести под руки. И Михайловскому почему-то подумалось, что если б каким-то чудом те люди, которых этот каратель погубил, могли бы перед расстрелом хоть краем глаза увидеть вот этот ополоумевший от ужаса полутруп, им, может быть, легче было бы умереть.

* * *

Следствие и суд состоялись в Минске. Очные ставки, архивные документы вплоть до ведомостей на зарплату (фашистская аккуратность и педантичность), сохранившиеся в живых свидетели злодеяний полностью доказали вину Пронина и других бывших карателей. Они с торопливой угодливостью рассказывали о своих преступлениях, показывали на местности, где и как именно они убивали. Их черная память, отказывающаяся, если они пытались вспомнить события совсем недавние, скрупулезно точно хранила мельчайшие подробности их зверств.

Судебная Коллегия по уголовным делам Верховного Суда Белорусской ССР признала их виновными в измене Родине и участии в массовых убийствах советских граждан и приговорила к смертной казни с конфискацией всего имущества.

Приговор, не подлежащий обжалованию и опротестованию в кассационном порядке, был приведен в исполнение.

* * *

Ударом грома прорвало переполненный резервуар грозовой тучи, и вся вода, что накопилась там, сразу упала на город. Без струй, плотной, видимой стеной прошел гудящий ливень через весь город и обессилев, ушел моросить куда-то в поля.

Люди выглянули на улицы и увидели, что город уже снова обласкан жарким солнцем и очищен от мусора и грязи.

М. ВАЙНШТЕЙН От возмездия не ушли

После ночного дождя медленно пробивался осенний рассвет. Они спускались в лесную низину, укутанную плотным туманом.

Тяжелая рация оттягивала спину. Намокшие мужские сапоги были великоваты, и хоть Лида тщательно намотала портянки, она все-таки натерла ноги.

— Давай понесу! — подошел один из парней-проводников.

— Нет, я сама! — твердо ответила девушка не останавливаясь.

Никому и никогда не доверит она рацию. Их так учили еще в клубе Осовиахима на курсах, когда заканчивала десятый класс.

— Упрямая. За что тебе орден-то дали?

— Значит, было за что.

— Секрет?

Да, секрет. После зимних боев ее наградили орденом Красного Знамени! Всю зиму и лето она обеспечивала бесперебойную связь с Главным штабом партизанского движения Смоленщины и даже с Большой землей.

И вот последние дни — тяжелые бои, погибшие товарищи. Свежая гитлеровская дивизия по дороге на фронт нанесла сильный удар по партизанскому отряду «Дедушки».

При выходе из окружения ей было приказано вот с этими проводниками спасти рацию. Доставить ее на новую базу отряда в соседний район...

Она опасливо присматривалась к своим спутникам. Кто же эти парни, сопровождавшие ее? Что-то в отряде «Дедушки» она их не замечала.

Не нравятся их разговоры. Вдруг ни с того ни с сего начали пугать ее, как холодно, голодно и одиноко зимой придется партизанам в лесу.

В другой раз еще хуже.

— Красная Армия все уходит и уходит, — нудил Сашка Ковалев. — Говорят, уже бои на Волге за Сталинград идут, немцы уже на Кавказе орудуют...

— Для чего мы тут в партизанах мыкаемся, если война все равно проиграна, — противной скороговоркой сыпал Володька Жуков. — Может... лучше сдать? Принесем оружие, рацию. Они ведь жестокие только к коммунистам. А нас домой отпустят... Мы ведь, Лида, с тобой смоленские, а Смоленск у немцев уже глубокий тыл...

— Сейчас же замолчите! — возмутилась Лида и вынула пистолет.

Они рассмеялись.

— Это мы тебя испытать хотели — такое задание от командира получили, — объяснил Володька Жуков.

— Придем на базу, обязательно расскажу комиссару, — пообещала Лида.

Идти все труднее. Лесная тропинка становилась все уже.

— Далеко еще? — забеспокоилась радистка.

— Километров десять, не ближе. Может, привал сделаем? — предложил Сашка Ковалев. — Вот здесь, по моему, посуше.

Лида вынула из вещмешка сухую плащ-палатку, поставила на нее рацию и с облегчением присела, разулась.

— Может, позавтракаем? — предложила. — Давайте.

Она достала буханку хлеба, нарезала ломтиками сало, каждому положила по два кусочка сахара.

— Угощайтесь, ребята.

Парни молча жевали.

— Я сейчас за водицей сбегаю, — сказал Сашка Ковалев и отбежал.

Володька, криво усмехаясь, зло процедил:

— Значит, слушать нас не хочешь?

Лида все поняла, возмущенная, вскочила. В этот момент грянул выстрел. Подкравшийся сзади Сашка прицелился прямо в затылок девушке...

Отпуск майор Левин провел в Крыму. Его всегда тянуло в места, где прошла военная юность: под Сталинград, в Крым, на Украину и в Белоруссию.

Радостно было смотреть, как восстанавливались разрушенные города и села, подрастали новые, не знающие войны поколения. Вспоминались дорогие сердцу товарищи по оружию. Какие это были люди!

Николай Яковлевич всегда чувствовал себя неловко перед вдовами и сиротами. Вот он пришел с войны. А их мужья, сыновья и отцы остались на полях сражений. Никто его в этом никогда не упрекнул. Но от этого было не легче. Светлая память о друзьях и товарищах всегда была с ним, так же, как и чувство ненависти к врагам и их пособникам. А с последними ему по долгу службы приходилось иметь дело: он разоблачал военных преступников, изменников Родины, приспешников оккупантов.

Левин всегда поражался их духовной нищете, алчности, стремлению выжить любой ценой, даже шагая по трупам товарищей. Трусливые, подлые, жадные, эти отщепенцы верно служили своим хозяевам, рассчитывая получить хоть кость с барского стола.

...Начальник отдела поинтересовался настроением, здоровьем, погодой в Крыму, а затем сразу перешел к делу:

— Так вот, Николай Яковлевич, поступили сведения о том, что в нашей области скрывается государственный преступник, некто Александр Ковалев, примерно 1918—1924 года рождения. Не исключено, что он изменил свою настоящую фамилию. Вот, познакомьтесь с документами.

Левин просмотрел бумаги. В них сообщалось о действиях на временно оккупированной территории

Смоленской, Витебской и Псковской областей тайной полевой полицией гитлеровцев, так называемой ГФП-703. Она проводила контрразведывательную и карательную деятельность вблизи линии фронта. При подразделениях были группы штатных агентов, завербованных из числа изменников Советской Родины, а также небольшие воинские формирования. Они осуществляли карательные операции против партизан, проводили обыски, истязали и расстреливали советских людей.

В 1945—1948 годах некоторые преступники были разысканы и преданы суду Военного трибунала. Другие продолжают скрываться. Розыск на территории Смоленской, Псковской и Витебской областей пока результатов не дал...

— Чем мы еще располагаем? — ожидающе спросил Левин.

— Есть показания некоторых карателей, в свое время разоблаченных и представших перед судом. — Начальник протянул ему старую папку.

Левин с обостренным любопытством стал читать. Вдруг найдется какая зацепка?

Марков И. П. — показывает, что знал Александра Ковалева по совместной провокаторской службе у немцев в ГФП-703. Их подсаживали к советским военнопленным, занятым на различных работах. А потом Марков и Ковалев докладывали своим хозяевам о настроениях заключенных военнопленных, о командирах и политработниках, о тех, кто готовился совершить побег.

На основании этих доносов заподозренных расстреливали или отправляли в концлагеря.

А вот показания пособницы карателей Ивановой П. П. Она заявляет, что Александр Ковалев служил вместе со своим двоюродным братом Владимиром Жуковым. И оба они похвалялись, что пришли служить к гитлеровцам не с пустыми руками. Убили радистку партизанского отряда — она пыталась их отговорить от перехода на сторону врагов, — и принесли с собой не только оружие, но и рацию.

Это подтверждает осужденный в свое время полицией Брюсов М. И.

А вот документ, который, пожалуй, представляет наибольший интерес, — показания двоюродного брата Александра Ковалева, а может, просто приятеля — надо уточнить, — самого Жукова Владимира Степановича. Он вместе со своими хозяевами отступал сначала в Польшу, а затем в Германию. Боясь кары за совершенные преступления, остался жить в Западной Германии, затем перебрался в Бельгию, во Францию и снова оказался в Мюнхене. Там, в лагере перемещенных лиц, вступил в так называемый «Народно-трудовой союз» — НТС.

Известно, что господа из НТС, состоящие на довольствии спецслужб США и НАТО, громкогласно объявляют себя истинными «борцами за свободу и счастье русского народа». Жуков неоднократно выступал у них по радио.

Но вот в пятьдесят седьмом году он будто бы раскаялся в своей антисоветской деятельности, порвал с НТС и попросился на Родину. Заявил, что в полиции у немцев хотя и служил, но только в охране. Никогда не участвовал в расстрелах, никого не предавал.

Времени после войны прошло уже немало. Его простили. Жуков даже на пресс-конференции выступал, разоблачал деятельность пресловутого «Народно-трудового союза» (НТС).

Потом Жукова потянуло на родину, в Смоленскую область. И здесь чекисты предложили ему рассказать поподробнее о деятельности карательной группы гитлеровской ГФП-703. О своих дружках.

И Жуков показал, что Ковалев ему не двоюродный брат, что вместе с Ковалевым они находились в партизанском отряде «Дедушки», были захвачены немцами в плен и согласились перейти к ним на службу, что Ковалев активно работал на фашистов, участвовал в расстрелах, в провокаторской деятельности.

И между прочим сообщил очень важный факт: настоящая фамилия Ковалева — Уткин и зовут его не Александр, а Михаил. Родом он не смоленский, а из Оренбургской области. Это он немцам назвался Ковалевым, а в партизанском отряде его звали не Сашкой, а Михаилом...

Левин закрыл папку, задумался.

— Вот чем мы располагаем, — заключил начальник. — Не так уж много, но и немало. Надо найти этого Ковалева-Уткина и доказать его преступную деятельность.

— Фамилии довольно распространенные в нашей области, как бы не ошибиться...

— Надеюсь на ваш опыт, Николай Яковлевич. Желаю удачи!

Ковалевых и Уткиных в Оренбурге тысячи. И напрасным подозрением никого нельзя обидеть.

А приметы преступника расплывчаты: среднего роста, светловолосый, лицо продолговатое, чистое, глаза голубые. Фотографий нет...

Левина и его сотрудников заинтересовало такое направление розыска.

В шестидесятых годах военные комиссариаты провели большую работу по представлению к орденам и медалям солдат и офицеров, в свое время не получивших по различным причинам государственные награды.

Кто-то из них был ранен, эвакуирован сразу в глубокий тыл, кто попал после госпиталя в другую часть, а кто и оказался в плену.

Были среди этих товарищей и такие, кто просто не знал о своих наградах.

Сотням воинов вручали давно заслуженные боевые ордена и медали.

А нет ли среди этой категории лиц партизан из отряда «Дедушки»?

И вот первая удача. Житель села Филипповка, в одном из районов, Михаил Андреевич Уткин ходатайствовал о награждении орденом за отличие в боевых действиях зимой и летом 1942 года в партизанском отряде «Дедушки» на Смоленщине.

Уткин писал, что в 1941 году он бежал из плена, и в селе Новый Платовец Глинковского района Смоленской области его укрыл депутат сельского Совета Андрей Павлович Коваленков. А оттуда он ушел в партизанский отряд

«Дедушки». Участвовал в нападениях на гитлеровские гарнизоны, на автоколонны, идущие на фронт. И командование его якобы представляло к награде.

В 1942 году Уткин снова попал в плен и был сослан в концлагерь в Германию, откуда был освобожден союзными войсками, вернулся домой в Оренбургскую область.

Характеризовался в колхозе Уткин положительно.

Но подтверждений о награждении Михаила Андреевича Уткина не было.

Этот ли Уткин? Подозрение еще не доказательство. Николай Яковлевич выехал в район.

Уткина пригласили в военкомат по делам, и Левин со стороны впервые увидел его воочию. Лицо не показалось чекисту таким уж обыкновенным. Чувствовалась какая-то глубоко затаенная настороженность, даже хитрость.

В военкомате нашлись фотографии Уткина. Одна маленькая, но довольно четкая, еще сорокового года — на документах призывника, другая — современная.

Теперь уже было с чем обращаться к смоленским чекистам.

Отбывающие длительные сроки полицаи из карательной группы ГФП-703 Александра Ковалева, того самого, который хвастал, что вместе с Владимиром Жуковым убил партизанскую радистку Лидию Кондрашову и доставил гитлеровцам ее рацию.

Постепенно раскрывались преступные дела карателя — прислужника гитлеровцев.

В сентябре 1942 года Ковалева внедряли в рабочие команды советских военнопленных в районе Гжатска. Он регулярно доносил о тех, кто готовился к побегу. Их сразу же арестовывали и публично расстреливали.

В начале 1943 года на болоте за поселком торфзавода в районе Витебска Ковалев лично участвовал в расстреле советского военнопленного... Весной 1943 года участвует в карательной экспедиции против партизан в районе Лосвидо Витебской области... Летом 1943 года снова был внедрен в лагерь наших военнопленных в городе Великие Луки. Доносил на тех, кто сплывал советских людей в трудный час в неволе, вселял в них уверенность в близкое освобождение.

Вскоре военнопленные заподозрили в Ковалеве провокатора. Тогда руководство ГФП-703 перевело его под видом санитаря в госпиталь военнопленных. И там он выявлял патриотов и предавал их карателям.

Осенью 1943 года сотрудники ГФП-703 участвовали в карательной экспедиции в 15—20 километрах от Витебска.

Для встречи в лесу один из полицаяев переоделся в гражданскую одежду. Партизан заманили в засаду. Десять из них погибли, пятерых доставили в Витебск и там расстреляли.

В селе Городняны Витебской области Александр Ковалев неоднократно пытался добиться расположения молодой девушки Татьяны Васильевны Евдокименко. Однако она ему прямо заявила, что знаться с полицаями не желает. Тогда зарвавшийся каратель застрелил девушку. Это было 21 сентября 1943 года.

Родственники Татьяны Евдокименко сразу же опознали его по фотографиям.

Николаю Яковлевичу Левиному стало известно, что в одном из сел Оренбуржья проживает отбывший наказание один из участников карательного отряда ГФП-703 Кулаков И. И.

Кулаков заявил, что лично знал Александра Ковалева по службе у немцев. А увидев фотографию Уткина, заявил, что Уткин и Ковалев очень похожи, по-видимому, это один и тот же человек.

Материалы на Ковалева набирались неопровержимые. Но надо было еще доказать, что Ковалев и Уткин — одно и то же лицо, проследить весь его путь.

Уткин в своем заявлении на получение боевой награды писал, что, бежав из плена осенью 1941 года, скрывался в селе Новый Платовец у Андрея Павловича Коваленкова.

Надо было навести справки и по этому адресу. Но оказалось, что гитлеровцы сожгли село. Часть жителей расстреляли, остальных угнали в концлагерь.

Тем не менее следы семьи Коваленковых все-таки отыскивались. Их дочь Мария Андреевна жила в Москве. Она сразу же узнала на фотографии Михаила Уткина и охотно поведала о грозных событиях той поры.

...Первый раз мы познакомились с Уткиным летом 1941 года. Их часть стояла в нашем селе. Уткин заходил к нам, беседовал с отцом. Рассказывал, что из Оренбургской области...

Затем поздней осенью, когда немцы были уже под Вязьмой, он ночью пришел к нам, сказал, что бежал из плена. Отец с матерью его пожалели и спрятали у нас в доме. А когда пришли немцы, отец сказал, что Уткин — его племянник из Смоленска.

Михаил был очень удручен своим положением, говорил, что война проиграна, что не нынче-завтра немцы займут Москву и надо идти к ним на службу...

Отец с ним спорил, — ведь он был депутат сельсовета, заведовал молочной фермой в колхозе. Отец его убеждал, что Советская Россия велика и сильна. И покорить ее никому не удастся.

А тут стало известно, что немцев под Москвой разбили. Все мы очень радовались. Ждали скорого освобождения.

И действительно, к нам в село пришел отряд красноармейцев генерала Белова, совершавший рейд по тылам врага.

Это еще больше подняло дух.

Отец сказал Михаилу Уткину, что надо уходить в партизаны, помогать Красной Армии.

Уткину уходить в партизаны не хотелось. Но отец настаивал. Все молодые парни из нашего села ушли в отряд «Дедушки». Потом туда ушел и Михаил Уткин, деваться ему было некуда. Он был даже обижен на моего

отца.

Партизаны всю зиму и весну держали гитлеровцев в большом страхе. В село к нам немцы даже не показывались. А вот в конце лета 1942 года им удалось окружить отряд «Дедушки». Много партизан погибло в бою. До нас дошел слух, что Михаил Уткин перешел на сторону немцев.

Видели его среди полицаяв. Вскоре в село нагрянули каратели. Михаила не было.

Но они почему-то точно знали, что мой отец прятал у себя бежавших из плена красноармейцев и помогал партизанам. Отца сразу же схватили и угнали в концлагерь. Больше мы его не видели. Каратели расстреляли папу.

Село наше сожгли дотла — ничего не осталось. Кого убили на месте, а кого угнали на тяжелые работы. Многие там и умерли.

Народ говорил потом, что навел немцев на моего отца Мишка Уткин...

Так, точно следуя требованиям советского законодательства, работники КГБ скрупулезно собирали материалы, подтверждающие предательскую деятельность карателя.

Только располагая вескими доказательствами, майор Левин пришел к выводу: Александр Ковалев и М. А. Уткин — одно и то же лицо.

Для завершения дела осталось взять у проживающего в селе Филипповка Уткина объяснения, потребовать уточнения всех обстоятельств его преступных действий.

А вдруг где-то произошла ошибка, и под подозрение попал честный человек...

И вот перед чекистами Михаил Андреевич Уткин. Поняв, что работники госбезопасности многое знают, долго не отпирался.

Да, в партизанском отряде «Дедушки» и на службе у немцев он действительно значился как Александр Ковалев.

Радистка куда-то исчезла от них с Жуковым, наверное, заблудилась. Леса большие.

А его с Владимиром Жуковым немцы потом задержали и заставили охранять склады и железную дорогу. Больше они ничего не делали. Только несли охрану...

Уткин все отрицал, изворачивался. Но на каждом повороте наткнулся на неопровержимые факты. Ни одной лазейки не оставил врагу майор Левин. По-фронтовому провел от всю операцию: упорно, шаг за шагом выявил весь кровавый путь гитлеровского палача.

Николай Яковлевич смотрел в злобные глаза обложенного зверя и думал: их немного, но сколько горя причинили они нашему народу! Все дальше уходит время Великой Отечественной... И этот отщепенец попытался замести свои страшные следы: написал заявление «на орден». Кошунство! Но для него ведь этого понятия не существует. Он потерял человеческий облик еще в те далекие годы...

Нет, нельзя оторвать свою судьбу от судьбы своей Родины и продолжать жить. Возмездие — неотвратимо!

В 1960—1966 годах органами госбезопасности в различных районах страны были разысканы другие каратели из ГФП-703. Все они, в том числе Уткин М. А., в декабре 1967 года Военным трибуналом Белорусского военного округа были осуждены. Уткин — к высшей мере наказания. В помиловании ему было отказано.

В. ЛУКАТИН С двойным дном

1

Самолет начал снижаться. В ушах появилось неприятное ощущение, и Вилли Шернер открыл глаза. На табло светилась надпись: «Пристегнуть ремни». В ту же минуту по радио раздался голос стюардессы. Через несколько минут самолет должен приземлиться в аэропорту Оренбурга. Стюардесса дала короткую справку, которую Вилли внимательно выслушал. Оказывается, это вполне цивилизованный город с театрами, дворцами культуры, высшими учебными заведениями. Да и температура для апреля довольно приличная — плюс шестнадцать.

Вилли напряженно всматривался в иллюминатор, однако, кроме черной степи и узкой извилистой полоски леса, ничего не мог рассмотреть. Где же город, в котором ему предстоит пробыть целый год? Он покосился на сидевшего рядом Причарда. Интересно, знает ли он о задании, которое получил Вилли? Едва ли. Шеф не доверяет Причарду. Он наверняка «красный». Побывав в России, уж очень восторженно описывал жизнь за «железным занавесом». Конечно, если бы Причарда можно было заменить, шеф не отправил бы его вновь в Оренбург.

Самолет коснулся бетонки, взревели двигатели, и он побежал по полосе, быстро усмиряя скорость. Сразу стало жарко.

Аэродром оказался небольшим.

«Едва ли здесь могут приземляться военные самолеты», — профессионально оценил Вилли.

Встречающих было двое: девушка-переводчица и водитель.

«Где же сотрудники безопасности?» — подумал Вилли. Он внимательно, цепким взглядом осматривал привокзальную площадь. При инструктаже представитель ЦРУ неоднократно предупреждал, что с первых же шагов на русской земле за ним будет организована плотная слежка. Однако он ничего не заметил подозрительного в Москве, где прожил четыре дня, безуспешно искал слежку в самолете, не может обнаружить ее и здесь.

Это раздражало, создавало неуверенность. Оказывается, не так-то все просто... Видимо, не готов он еще к серьезным делам.

Вилли вспомнил, как за два месяца до отъезда в Россию его вызвал шеф и познакомил с бойким молодым человеком из ЦРУ. Поскольку Джекоб, так представился новый знакомый, вел беседу с Вилли в присутствии шефа, нетрудно было догадаться, что шеф работает на шпионское ведомство.

— Мне сказали, что вы говорите по русски. Откуда это у вас? — начал Джекоб.

Вилли насторожился. Как и все простые американцы, он много был наслышан о делах этого ведомства и не все, чем оно занималось, одобрял.

Вилли Шернер знал от своих родителей, что его предки переселились в США из России перед первой мировой войной. В России же Шернеры объявились еще при Екатерине II. Русская императрица решила с помощью немцев освоить волжские районы, дотоле заселенные свободлюбивыми кочевниками — калмыками, башкирами и киргизами. Она обещала переселенцам из Германии землю, невмешательство в их внутренние дела, дала деньги на еду, одежду, жилье, подписала указ не взимать с них налоги в течение тридцати лет. Хорошо жилось немецким колонистам в Поволжье. Но вот в 1871 году русское правительство решило брать их на военную службу, ввело в школе обязательное изучение русского языка, увеличило налоги. И началась их массовая эмиграция из России, продолжавшаяся до первой мировой войны. Так появился дед Вилли в штате Канзас.

Нельзя сказать, что манна небесная сыпалась на Шернеров в Америке. К моменту появления на свет Вилли они владели лишь небольшой фермой неподалеку от Канзас-Сити. Тем не менее после окончания колледжа Шернер-младший своим упорством и настойчивостью сумел пробить себе дорогу в жизни и стал неплохим специалистом. Надо сказать, что дед Вилли тосковал по своей утраченной Родине и в память о ней обучал внука русскому языку. Другие члены семьи не проявляли интереса к учебе и после смерти деда практиковаться стало не с кем. Язык постепенно забывался. Услышав вопрос Джекоба, Вилли только теперь понял, почему шеф остановился именно на его кандидатуре, когда решал, кого послать в Россию на монтаж оборудования фирмы. Им нужен человек, владеющий русским языком!

«Втянут в какую-нибудь авантюру, — подумал Вилли. — Опасно. В то же время появилась хорошая возможность поправить материальное положение. Не хочется ее терять. Что же делать? Отказаться? Тогда прощай фирма любимая, достаточно оплачиваемая работа. Шеф не простит отказа». И он решил: «Соглашусь, а там видно будет!»

Он рассказал Джекобу о себе, своих предшественниках. Откровенно признался, что подзапустил свой русский. Но здесь же поправился, что готов восстановить, если это понадобится.

Джекоб похлопал его по колену.

— Ну что ж, сэр, вы нам подходите. Россию вам благодарить не за что, она оказалась для ваших предков мачехой. Вы же — полноправный гражданин нашей свободной страны, и ваш долг отблагодарить ее за гостеприимство. Задание не будет для вас сложным: ищите людей, недовольных Советами, алчных, корыстолюбивых. Напористо влияйте на них. Постарайтесь сделать из них врагов советского строя. Не жалейте на подарки денег, мы вам все оплатим. Эти люди будут нашим капиталом. Есть и вторая часть задания. Для организации пропаганды нам нужны материалы, которые бы порочили жизнь в России: фотографии неприглядных зданий, плохо одетых людей. Ну и еще что-либо в этом роде. Потом мы изготавим хорошенький монтаж. Так что американцы ахнут, глядя на то, как живут бедные русские. Чтобы вам легче работалось, покажите себя этаким рубахой-парнем. Подкиньте насчет ностальгии по земле предков. Русские это любят. Ну и, конечно, до отъезда позанимайтесь языком. Мы вам поможем. Дадим кое-что с собой из литературы. Есть такие хитрые книжечки, которые можно в качестве пробы подсунуть почитать, а потом легонько поспорить. Итак, вы согласны? Ну вот и прекрасно! Мы с вами еще не раз встретимся до отбытия и все подробно обговорим. Вы не пожалеете, что будете работать и на нашу фирму. Когда вернетесь через год, на вашем счету будет кругленькая сумма. Как русские говорят: «Ты — мне, я — тебе», — почти без акцента выговорил Джекоб и расхохотался.

Потом было несколько таких встреч, и с каждой из них Вилли чувствовал себя все увереннее. Он научился довольно сносно фотографировать. Преуспел в русском. Подобранный Джекобом преподаватель остался доволен.

...И вот с первых шагов в России нервы сдают. «Спокойнее, — убеждал себя Вилли. — Главное — не показать своего волнения. В конце концов, никто не знает о задании».

...Машина долго шла по сравнительно ровному асфальтовому шоссе. Переводчица — симпатичная девушка с серыми глазами — на довольно хорошем английском рассказывала о природе края и его богатствах:

— И вот, 6 ноября, в канун 49-й годовщины Октября, неподалеку от областного центра вырвался из недр мощный газовый фонтан. Это было второе рождение Оренбуржья. Отсюда берет свое новое начало город, раскинувшийся на обширной равнине, пронзенной седым, много повидавшим Уралом-рекой...

Шернер заметил, что у переводчицы мягкий, располагающий голос.

— Появление богатейшего газоконденсатного месторождения не осталось незаметным за рубежом. Многие фирмы США, Франции, ФРГ, Италии, Японии и других стран предложили свои услуги в его освоении. На монтаж закупленного у них оборудования в Оренбуржье поехали сотни иностранных специалистов...

Причард поинтересовался какими-то общими знакомыми. Вилли молча наблюдал, как по обочинам дороги мелькают еще не распустившиеся деревья лесных посадок. Минут через двадцать показались первые городские здания. Шернер был приятно удивлен. Город оказался современным, с широкими улицами, многоэтажными новыми домами. Но вот Вилли воспрянул, как боевой конь при звуке трубы. Машина катилась по узкой улочке между двумя рядами приземистых деревянных домиков. Некоторые из них стояли за покосившимися заборами.

— Что это за дома? — спросил Вилли.

Переводчица посмотрела в окно:

— Это наш Форштадт. Он доживает последние дни. А когда-то был городским предместьем. Дальше вы увидите, что часть домов уже снесена и на их месте выстроены многоэтажные корпуса.

Шернер про себя отметил: здесь надо побывать с фотоаппаратом. Джекоб будет очень доволен снимками этих домишек.

Вскоре водитель затормозил возле пятиэтажного здания.

— Вот вы и дома! — звонким голосом по-русски объявила переводчица.

Вилли сделал вид, что не понял и переспросил по-английски:

— Прибыли?

Джекоб рекомендовал ему с первых дней скрывать свое знание русского.

Гостиница для иностранных специалистов оказалась очень уютной и хорошо мебелированной. Вилли разместили в двухкомнатном номере на третьем этаже. Придаться пока было не к чему.

...С первых же дней Шернер вынужден был активно включиться в работу на газовом заводе, а затем увлекся ею по-настоящему. Специалист он действительно был хороший. Дело свое любил. Ежедневно возникали проблемы. Будто из ничего появлялись вопросы. Как правило, они быстро разрешались советской стороной. Но иногда решение затягивалось, и все нервничали. Со всеми вместе неудачи переживал и Вилли. Относились к нему доброжелательно, с уважением, считали «своим». Он иногда искренне, уже без всякого умысла, высказывал симпатии окружающим его людям, их образу жизни. Стал понемногу забывать Джекоба и встречи с ним. Постоянно пребывал в хорошем настроении. Месяца через три, в самый разгар лета, в Оренбург прибыл на неделю по каким-то срочным делам представитель фирмы Оверланд.

Однажды вечером он зашел в номер Вилли и пригласил прогуляться в Зауральскую рошу, а может быть, и искупаться с реке. Вилли охотно согласился: в гостинице было душно.

Солнце стояло еще по-летнему высоко и жгло немилосердно. «Как в канзасский полдень», — подумал Вилли. Листья на деревьях съежились, будто ошпаренные кипятком. Казалось, огромный вентилятор гоняет по городу горячий воздух. На берегу реки было многолюдно. Искупавшись, легли на обжигающий песок. Лениво перебрасывались ничего на значащими фразами. И вдруг Вилли насторожился. Оверланд произнес имя Джекоба. Внутри что-то сжалось. Не отрывая головы от песка, Вилли украдкой взглянул на собеседника. Оверланд внимательно разглядывал свои ногти, потом медленно повернулся к Шернеру:

— Да, да, Вилли. Я встречался с Джекобом перед отъездом в Россию. У нас был длинный разговор. Джекоб просил выяснить, как ты здесь устроился, как вжился в свою роль, не заподозрили ли тебя русские, нашел ли объекты для работы. Если у тебя есть что для Джекоба, можешь смело довериться мне.

Вилли показалось, что все вокруг потемнело, стало враждебным. Вот сейчас эти молодые парни, играющие неподалеку в шахматы в окружении болельщиков, встанут, подойдут к нему и скажут: «Пройдемте!» Совсем как в тех книжках, издаваемых в Америке, где описывается «произвол» советской милиции.

Ему стало не по себе: «Да, не хватает мне решимости для тех дел, что задумал Джекоб, еще ничего не сделал, а трепещу как заяц. Что же будет, когда начну действовать?»

Оверланд видел, какое ошеломляющее впечатление произвел на Шернера, и отметил про себя: «Раскис здесь Вилли. Прав был Джекоб, говоря, что русские разлагающе действуют на наших людей. Наверное, и этот поддался пропаганде о социалистическом рае и всемогуществе органов безопасности. Пожалуй, следует его припугнуть. Такой вариант тоже оговорен с Джекобом».

И Оверланд рассказал, что шеф намерен был отозвать Вилли из России раньше срока — он нужен фирме на месте. Однако Джекоб уговорил не делать пока этого, ибо имеет большие виды на Шернера здесь, вдали от родины. Шеф согласился с Джекобом, но заявил: окончательное решение примет после возвращения Оверланда в США. Вилли все понял. Ему не оставляли путей для отступления. Джекоб знал: Для Шернера пребывание в России — единственная возможность прочно стать на ноги и он этот шанс не захочет упустить. В ЦРУ умели разбираться в характерах и учитывать их в своих интересах.

«Что делать? — лихорадочно соображал Вилли. — Послать бы по-русски всех этих Джекобов. В конце концов, я честный человек, я неплохой инженер, и голова и руки устроены вроде бы неплохо. Не пропаду же, не докачусь до ночлежки.

Нет мне уже не выкрутиться. У ЦРУ — длинные руки, так просто от этих ребят не уйдешь.

И денег, что ни говори, жалко. Круглый счет в банке! Заработать такую кучу «зелененьких»! Деньги — это клыки и когти для борьбы за существование в наших джунглях. В конце концов, откажусь я — другой желающий найдется.

Может, если быть очень осторожным и осмотрительным, десяток-другой снимков нащелкать удастся. Сложнее личные контакты с недовольными Советской властью, с валютчиками, со всякими подонками»...

— Ну не будь тряпкой, Вилли.

И он решил. «Своя рубашка ближе к телу», — учил его дед. Теперь заговорил другой Шернер, алчный, трусливый и злобный. Он словно забыл и дружеское отношение к нему рабочих и инженеров на заводе, и свои многочисленные беседы в их семьях за обильными угощениями. Забыл, что только вчера в разговоре с переводчицей одобрительно отзывался о возможностях советской системы и слегка покритиковал порядки у себя на родине. За то, что его загнали в угол, за свой неожиданный испуг Вилли отомстил всем, кто бескорыстно, от души старался скрасить его одиночество, тоску по семейному уюту. Оверланд понял, что недооценил Вилли. Ушат грязи

вылил тот на все советское: специалисты на заводе плохие, хозяева неважные. Везде — неразбериха. Живут скудно. Завидуют всему заграничному.

И пошел, и пошел... Оверланд слушал с удивлением. Он не первый раз находился в России и не замечал, чтобы жизнь здесь была такой беспроектной, как ее рисует Шернер.

«Ну что же, это его личное дело, — подумал Оверланд. — Каждый видит жизнь так, как хочет ее видеть».

А Вилли между тем продолжал:

— Передайте Джекобу, что я обосновался здесь хорошо, завоевал авторитет. Длительное время за мной велась слежка, — приврал он. — Теперь все успокоилось, и я приступаю к выполнению задания. Есть на примете люди, которыми занимаюсь. Думаю, что доверие шефа и Джекоба оправдаю. Так и передайте.

С этого дня у Вилли появилась вторая, скрытая от людских глаз, жизнь.

2

Сотрудник областного Управления госбезопасности старший лейтенант Олег Николаевич Зайцев, возвратившись к себе в кабинет от начальника отдела, с удовольствием снял пиджак, повесил на спинку стула, ослабил галстук. Несмотря на распахнутую форточку, в помещении было жарко. За окном угасал длинный летний день.

Олег вновь и вновь перечитывал документы, о которых только что докладывал полковнику. Думалось тяжело. Мешала духота.

Вот уже несколько заявлений поступило в Управление КГБ от жителей областного центра с требованиями пресечь недоброжелательную деятельность некоторых иностранцев. Скорее всего, речь шла о ком-то из тех специалистов, которые вели шеф-монтажные работы на газовом комплексе. Одна из женщин эмоционально высказывала свое возмущение тем, как на ее глазах иностранец во дворе большого жилого дома раздал детям дошкольного возраста жевательную резинку, а затем фотографировал их ссору между собой. Увидев женщину, он быстро ушел. Прораб стройки с негодованием описывал, как мужчина, по виду иностранец, фотографировал дома Форштадта, подготовленные к сносу. Делал какие-то записи в блокноте. Рядом так и просились в объектив многоэтажные красивые здания, о чем и хотел сказать прораб незнакомцу, но тот просто-напросто убежал. Подобных заявлений набралось уже немало. Из них явствовало, что особый интерес «фотограф» питает к тем местам, которые были вчерашним и даже позавчерашним днем города. А рядом рос и хорошел на глазах сегодняшний Оренбург.

— Поистине злоба слепа, — подумал Зайцев.

Судя по описанию свидетелей, это был один и тот же человек — примерно пятидесяти лет, высокий, седой, с большим носом и толстыми губами. С ним никому не удалось поговорить, но все свидетели в один голос утверждали, что этот человек — иностранец. Для жителя города такое поведение не характерно, считали очевидцы.

Можно было не заниматься поисками Шатуна, как назвал про себя незнакомца Олег, в конце концов, это дело его совести. Но начальника отдела насторожил один факт. В материалах имелось заявление водителя такси, который из окна машины видел, как человек с подобными приметам разглядывал поверх забора территорию крупного завода, выпускавшего во время войны оборонную продукцию. В руках его был какой-то небольшой черный предмет, возможно, фотоаппарат. Водитель хотел поближе рассмотреть этого человека, но пассажиры такси торопились на вокзал. Освободившись, водитель сразу же приехал в Управление КГБ и все рассказал. Однако было уже поздно. В районе завода никого из подобных лиц обнаружить не удалось, не нашлось и других свидетелей. Дело смотрелось уже иначе. Речь могла идти о целенаправленной враждебной деятельности кого-то из иностранцев.

Олег Зайцев знал, что в городе работают представители зарубежных фирм и подавляющее их большинство относится к нашей действительности доброжелательно. Познакомившись близко с советскими людьми, нашли среди них настоящих друзей. Убедились, насколько необъективно изображают у них, за рубежом, русских. В беседах неоднократно осуждали за это средства массовой информации Запада.

— Да, — говорили они, — в России победнее витрины магазинов. Но насколько богаче духовно живут люди. Нет разобщенности. Каждый готов, не задумываясь, помочь, протянуть руку дружбы. Интересы каждого — это интересы единой семьи.

Безусловно, среди иностранцев были люди, не воспринимавшие наш образ жизни. Они делились на две категории. Одни просто выполняли свои служебные обязанности, не ввязываясь ни в какие политические дискуссии. Другие же, которых, к счастью, были единицы, выполняя волю своих хозяев из специальных служб, в первую очередь, ЦРУ и зарубежных антисоветских центров и организаций, пытались выведать наши секреты, стремились отыскать «недовольных», «обиженных», «непризнанных», оказать им моральную и материальную поддержку, разложить, привить мещанскую, потребительскую психологию, втянуть в пьянство, разврат, заставить открыто выступить против своей страны.

В прошлом году Олег беседовал с официантом одного из городских ресторанов Потаповым. Здоровый детина, Потапов ничем в жизни не интересовался, кроме денег. Выбыл из комсомола, чтобы не платить членские взносы. В стремлении к наживе на брезговал ничем, и «успешно» воспитал в этом духе свою жену. А началось все со встреч с иностранцами. Ходили слухи, что Потаповы занимались скупкой у них валюты и ее перепродажей. Олег решил предупредить Потапова — не по той дороге идет. Но беседа не получилась. Потапов от всего отказался, а прямых

доказательств не было. Вместе с тем не мог скрыть, что напуган, и предупреждение Олега о прекращении недозволенной деятельности принял к сведению. В течение года о нем ничего не было слышно.

...Зайцев набросал план действий на завтра и только сейчас вспомнил, что договорился с женой пойти на спектакль ленинградского театра, гастролирующего в городе (Вера еще вчера вечером предупредила, что купила два билета). Его даже бросило в жар — стало неловко перед женой. Действительно, с тех пор, как он, молодой инженер, три года назад пришел с завода на службу в органы госбезопасности, все меньше и меньше у него оставалось времени на себя. Новая работа захватила, требовала полной отдачи. Домой приходил поздно и, чаще всего, уставший. Правда, Олег видел, что сотрудники, длительное время работающие в Управлении, находили возможность побывать в театре, на концерте, посмотреть новый фильм, обсудить интересную книгу. У Зайцева же почему-то все получалось наперекосяк. Куда бы он ни собрался: в кино, театр, на концерт, — обязательно подвернется какое-нибудь срочное дело. Вот и сегодня. Если бы он не напросился на доклад к начальнику отдела с этими документами, вполне бы мог успеть на спектакль.

Олег сложил бумаги в сейф и заторопился домой. Ему не хотелось обманывать жену, и он честно признался, что забыл о театре, увлекшись одним срочным делом. Зато здесь же торжественно пообещал, что уже завтра исправится и примет все меры к тому, чтобы посмотреть весь репертуар театра.

Они поженились пять лет назад, когда оба были студентами последних курсов. Олег кончал политехнический, а Вера — медицинский институт. Жили они все эти годы дружно, относились друг к другу с любовью и уважением. Вера с одобрением отнеслась к переходу Олега на новую работу. Гордилась, что ему оказано такое доверие. Службу в органах госбезопасности оба представляли по книгам и фильмам о чекистах и были готовы к тому, что она потребует много времени и сил. Но одно, когда об этом читаешь в книге, и совсем другое, когда речь идет о близком человеке. Чаще стал Олег задерживаться, не всегда мог поделиться с Верой своими затруднениями по службе. Но она верила, что Олег серьезно занят.

Увидев его виноватым и взбудораженным, Вера успокоила мужа, стала рассказывать какой-то смешной случай.

Мир снова стал прекрасным.

«Какая она умница у меня», — подумал Олег.

Да, как мало и как много нужно человеку. Надо, чтобы его понимали, любили, верили ему. Тогда по плечу самые сложные задачи.

...Наутро он пришел на работу с хорошим настроением и вновь взялся за анализ вчерашних документов. Прежде всего, следовало разобраться, об одном ли человеке идет речь в заявлениях граждан. Приметы были скудными и в некоторых деталях не сходились. Трудность поиска заключалась, кроме всего прочего, и в том, что нельзя было бросить тень подозрения на всех иностранцев. Работать необходимо было с большой осторожностью.

Переводчица шеф-монтажного отдела Ирина Колосова часто работала с Шернером, и это ее устраивало. Он был корректен, аккуратен, пунктуален, одержим работой, за что пользовался уважением со стороны советских специалистов. Шернер установил добрые отношения со многими инженерами завода. Не все иностранцы вели себя просто, как он. К тому же Вилли проявил с самого начала интерес к изучению русского языка.

Ирину Шернер отличал среди других переводчиков. Он при любом случае хвалил ее английский, хотя она сама относилась к своим знаниям языка не так восторженно. Преподносил ей недорогие подарки, от которых она считала неудобным отказываться. В общем-то так относились к переводчикам почти все иностранные специалисты. Но иногда она ловила на себе его изучающий взгляд.

В июле на заводе побывал представитель американской фирмы Оверланд. При встрече его с руководителями завода в качестве переводчицы была приглашена Ирина. Оверланд всячески расхваливал деятельность Шернера на шеф-монтаже. Заявил, что фирма им довольна и доверяет Шернеру. У руководства завода было такое же мнение. На следующий день, после отъезда Оверланда, Ирина при встрече с Шернером рассказала о вчерашних оценках его деятельности. Однако Вилли отреагировал на это без видимого энтузиазма.

Однажды вечером, часов в восемь, Ирина сидела одна в бюро переводчиков над срочным документом, который ее попросили перевести с английского к завтрашнему дню. В документе было много незнакомых ей технических терминов. Приходилось часто обращаться к словарю. Вошел Шернер. Ирина пожаловалась, что плохо идет перевод. Американец предложил свою помощь. Вдвоем они быстро закончили работу. Ирина поблагодарила Шернера и похвалила за хорошее знание русского языка. И тогда Вилли рассказал, что его предки — приволжские немцы, а склонность ко всему русскому, видимо, заложена у него в генах. Вот и здесь, на заводе, у него много друзей. Разговор шел легко, то на английском, то на русском. Как-то незаметно Ирина, по просьбе Вилли, стала рассказывать о руководящих работниках завода. Давала им характеристики, подчеркивала и слабые стороны. Женщины ведь всегда много знают о людях. Вилли был доволен беседой, глаза у него блестели. При расставании он галантно преподнес Ирине французские духи. Ирина начала было отказываться, но Шернер заявил, что это — подарок фирмы за ее труды на ниве перевода. И Колосова не устояла. Именно такие духи она давно хотела иметь.

С этого дня Шернер постоянно стремился остаться наедине с Колосовой. Он расспрашивал о родителях, о средствах, на которые она живет, какие трудности в жизни испытывает. Сочувствовал, что ей много приходится работать, а получает она, по его мнению, мало. В присутствии руководителей всегда отзывался о ней похвально.

Такой интерес иностранца импонировал Колосовой, и она все больше испытывала к нему доброе чувство.

Как-то Шернер пригласил Ирину к себе в гостиницу после работы. Вообще-то она избегала таких посещений, но Шернеру отказать не могла. Лишь предупредила, что долго у него задерживаться не может, ее ждут дома. Шернер был несколько разочарован, но смолчал. Он усадил Ирину в кресло, включил телевизор, а сам вышел в соседнюю комнату. Возвратился он с толстой книгой в красочном переплете. Ирина прочитала по-английски: «Армагеддон», автор Леон Урис. Она ранее не слышала о таком американском писателе. Название книги ей также ничего не говорило. Она вопросительно посмотрела на Шернера. Вилли начал поспешно объяснять, что и сама книга и ее автор пользуются в США громадной популярностью. Он рекомендует Ирине обязательно прочесть это произведение.

Затем они обменяются мнениями о содержании. В книге оказалось более шестисот страниц, и Ирина с сомнением взвесила ее на руке: едва ли она сможет осилить. Но Шернер заявил, что не будет торопить. Больше того, не будет возражать, если Ирина даст почитать книгу своим подругам-переводчицам. На прощание Шернер подарил Ирине набор красивых шариковых авторучек.

— Чтобы было чем записывать интересные места из этой книги, — сказал он.

Несколько дней Ирина не имела возможности заняться чтением. Но вот однажды, в выходной день, управившись по хозяйству, она раскрыла книгу. Пробежала глазами несколько страниц, заглянула в середину, и ей стало не по себе. С оголтелых антисоветских позиций автор отзывался о нашей стране, коммунистах, искажал деятельность Советского государства в борьбе за мир, предрекал ему гибель. Ирина испуганно закрыла книгу. Ранее ей не приходилось читать ничего подобного.

— Что же делать, — подумала она, — зачем он мне дал эту книгу? Что ему от меня нужно? Надо ее завтра же вернуть.

На следующий день Ирина встретила с Шернером на заводе. Протягивая ему книгу, она сказала, что, к сожалению, не имеет времени на такой толстый фолиант и возвращает его не прочитанным. Шернер пытливо посмотрел на Ирину. От него не ускользнуло, что девушка смутилась. Внутренне он торжествовал. Шернер был уверен, что Ирина, если и не всю, то прочитала отдельные места этой книги. Раз она не упрекает его в неблагоприятной деятельности, значит, семена упали на благодатную почву. Он с сожалением протянул:

— Ну что же. Очень жаль. Значит, дискуссия не состоится. По правде говоря, я и сам толком не успел прочитать эту книгу. Придется отложить до возвращения в Америку. Спрячу ее подальше в чемодан.

Однако через несколько дней Ирина увидела эту книгу в руках переводчицы Ларисы Скуратовой. А вскоре Лариса прибежала домой к Колосовой, раскрасневшаяся, возбужденная, и пригласила Ирину прогуляться. Как только подруги остались одни, Лариса трагическим полупшепотом заговорила:

— Слушай, Ирка! Твой американец-то — шпион. Ты знаешь, он мне такую книгу подсунул! Называется «Армагеддон». А там что пишут, что пишут! Аж волосы на голове дыбом становятся. Все против Советской власти. Посовещуй, что мне делать. Возвратить Шернеру книгу и отругать? Сообщить в КГБ? Представляешь, я его всегда почему-то считала «своим». Да и не только я. Он ведь ни разу не сказал ни одного плохого слова о нашей стране. И работает так упорно. Что с ним случилось? Зачем он дал мне эту книгу? Как ты думаешь?

Ирина представила, как компетентные товарищи начнут разбираться с этим фактом. Установят, что книга действительно антисоветская, что она побывала и у нее, Колосовой, а она никому не сообщила. Узнают, что принимала от Шернера различные подарки, давала ему кое-какую информацию. И ей стало страшно.

— Ну что ты, Лариса, — успокоила она подругу, — напрасно волнуешься. Наверняка Шернер не имел дурных намерений, давая тебе книгу. Возможно, он и не знает ее содержания. Как она выглядит? Зачитанная или совсем новая? Ну вот видишь — новая! Я вспоминаю, он мне говорил об этой книге. Сказал, что приобрел ее перед самым отъездом из США и не успел прочитать. Это — бестселлер. Возможно, Вилли хотел сделать тебе приятное, а ты шум поднимаешь. Он ведь действительно хороший человек. Зачем причинять ему неприятности? Верни книгу тихо-мирно и скажи, что такая литература тебя не интересует.

Лариса с сомнением посмотрела на подругу:

— А правильно это будет? Может быть, его все же предупредить, чтобы он этот «Армагеддон» больше никому не показывал? А то по незнанию попадет в неудобную ситуацию.

— Ну что же, — согласилась Ирина, — предупреди. Только еще раз прошу — никому из наших не рассказывай. Знаешь, могут неправильно понять. Раздуют из мухи слона.

Расставшись с Ларисой, Колосова решила завтра же поговорить с Шернером. Нельзя вести себя так неосмотрительно. Однако на следующий день Ирина не смогла увидеться с Вилли, ей пришлось переводить на официальной встрече с представителями фирмы в заводоуправлении. Шернер же в беседе не участвовал.

Встретились они лишь через два дня и в довольно сложной для Ирины ситуации.

Вечером, после работы, роясь в бумагах у себя на столе в комнате переводчиков, Ирина наткнулась на июньский номер американского журнала «Ньюсуик». Листая его, она заметила статью, обведенную красным карандашом. Американский журналист, побывавший в нашей стране, увидел лишь теневые стороны жизни и всячески смаковал их. В это время дверь открылась. На пороге стоял Шернер. Увидев журнал в руках Ирины, он принял смущенный вид:

— Ах, извините. Я случайно оставил журнал на вашем столе. Здесь есть одна статья, она, вероятно, неприятна для русских. Но написал ее наш известный журналист. Я его знаю как объективного человека. Вы уже просмотрели ее? Как ваше мнение?

Ирина замялась. Ей не хотелось говорить Шернеру резкие слова. Пропала вся решимость объясниться с ним

прямо. Он так хорошо к ней относится. В конце концов, Вилли — взрослый, умный человек и сам знает, как себя вести. И Ирина, сбиваясь, пролепетала:

— Нет, я только что взяла журнал и не успела его прочитать.

Шернер внутренне торжествовал — он все правильно рассчитал. Теперь уже можно не опасаться. Она не только никому не расскажет, но и, постоянно влияя на нее, он подчинит Ирину своей воле, заставит помогать ему во всем.

Он ласково посмотрел на Колосову:

— Дорогая Ирина! Я очень рад, что судьба столкнула нас с вами. Вы — умный, все понимающий, тонкий человек. Это воздастся вам сторицей. А сейчас разрешите мне взять у вас этот журнал, взамен же примите от меня маленький сувенир.

И Шернер протянул женские ручные часики с электронным ходом. Ирина вновь приняла подарок. Часы были советского производства. Долго сидели они в тот вечер в комнате переводчиков. В здании стояла тишина, все давно разошлись. Разговор, на первый взгляд, был далек от политики. Говорили о семейном бюджете. Сравнивали цены на продукты. Затем Ирина упомянула о своей заветной мечте — побывать за границей, посмотреть, как живут там люди. Шернер поддержал ее. Он готов по возвращении на родину оформить для нее персональный вызов и затем принять ее у родителей на ферме в штате Канзас. На одном из трех имеющихся в семье автомобилей он мог бы провезти Ирину по всей Америке, показать большие города, заводы и фабрики. Шернер умело перевел разговор на местные дела. Посетовал, что нет времени посмотреть города и села Оренбуржья. Затем начал расспрашивать у Ирины, какие отрасли промышленности развиты в области, какие крупные города и предприятия имеются. Поинтересовался, какую продукцию выпускают заводы здесь, в городе. Ирина никогда не вникала в подобные проблемы и ничем не могла помочь Шернеру.

4

У Шернера было хорошее настроение. По его мнению, он отлично справлялся с заданиями как фирмы, так и Джекоба. После отъезда Оверланда он стал более смело проводить линию, определенную ему в ЦРУ. Переводчица Колосова, кажется, «клонула» на его приманку. Правда, она не обладает нужной информацией, но это — не беда. При желании может собрать. Вот с Ларисой не получилось. Возвращая ему книгу, она спросила, читал ли он ее сам. Услышав отрицательный ответ, порекомендовала:

— Сами не читайте и другим не давайте. Чушь собачья! Нарветесь на неприятность.

Шернер сделал удивленный вид, но внутренне был напуган. Несколько дней ждал, что с ним кто-нибудь заговорит о книге. Но время прошло, и он успокоился. Видимо, Лариса ни с кем не поделилась. Он решил, что с ней не стоит больше связываться, а все усилия сконцентрировать на обработке Колосовой.

Однако самые радужные надежды Шернер возлагал на Валеру. Вилли долго приглядывался к этому официанту. Видел, как он самым беззащитным образом обирает клиентов. Шернер зачастил в ресторан, стараясь обязательно попасть за столик Валеры. Заведение находилось на центральной улице, выходящей на высокий берег реки. В нем всегда было многолюдно. Валера, узнав в Шернере иностранца, всячески угождал ему и при отсутствии свободных мест усаживал за служебный столик. Получая от Шернера богатые чаевые, изгибал перед ним свою мощную спину. В один из вечеров Валера попросил у иностранца разрешения посадить на свободное место за его столиком своего приятеля. Им оказался паренек лет девятнадцати, одетый в потертые джинсы и заграничную рубашку с погончиками. Плюхнувшись на сиденье, он развязно представился:

— Иван! Можете звать просто Джон.

У Джона были нечесаная шевелюра, блуждающие глаза и много нахальства. Глядя на него, Вилли подумал: совсем как некоторые наши юнцы. Молодежь везде одинакова. Правильно говорил Джекоб. Таких и надо, в первую очередь, привлекать на нашу сторону. Но этот парень ему не нравился. С ним опасно иметь дело. Он слишком выделяется.

А Джон между тем брал, как говорят в народе, быка за рога:

— Папаша, как насчет картинок с президентом? Плачу один к трем.

Шернер сделал вид, что не понял. Вопросительно посмотрел на соседа. Джон скривился и досадливо пожал плечами:

— Ну доллары, доллары есть? Экий ты! Плачу за каждую сотню триста рублей.

— А зачем они тебе, — деланно удивился Шернер. — Ведь ты на них здесь ничего не купишь?!

— Ха, ха! Ты что, дед, только на свет народился? Это уж мое дело. Ну так что, лады?

Шернеру надоел этот наглец.

— А если я сейчас милиционера позову? — вопросом на вопрос, наклонившись к соседу, тихо промолвил он.

Перепуганный парень вскочил со стула:

— Ты что, ты что! — воззрился он на американца, — я же пошутил. Очень мне нужны твои доллары.

Он чуть не бегом бросился к выходу из ресторана.

К Вилли сразу же направился Валера. Видно было, что и ему не по себе.

— Он что, вас обидел? — спросил официант.

Вилли весело посмотрел на Валеру:

— Нет, нет. Я рад, что вы меня познакомили с этим забавным парнем. Он ваш друг?

— Как сказать. Просто он здесь часто бывает. Я давно его знаю. Но едва ли мы друзья. Так, некоторые общие дела. Скажу только, что он — неплохой малый.

Шернер понял, что Валера и Джон «работают» вместе. Дождавшись, когда в ресторане остались лишь одиночные подвыпившие гуляки, которых с трудом выпроваживал дюжий швейцар, Шернер позвал Валеру и усадил за свой столик. Они выпили по бокалу шампанского.

— Валера, — обратился Вилли к собеседнику, — мы с тобой уже давно знакомы. Я тебе доверяю. Скажи, разве нужны нам посредники, ну тот же твой Джон? Ведь за версту видно, что он валютчик. Если хочешь делать бизнес, давай делать его вдвоем. Тебе нужны доллары, мне нужны рубли. Наши интересы сходятся. Нам обоим выгодно обойтись без государственного банка. Я буду брать с тебя самый минимум комиссионных, а ты, если захочешь, получишь на перепродаже моих долларов крупную сумму. И никто не будет об этом знать.

Валера напряженно смотрел на Шернера. Видно было, что в нем идет внутренняя борьба. Наконец алчность победила чувство страха перед законом, и он согласен кивнул.

— Только, чур, обмениваться валютой здесь, в ресторане, — поставил он условие. — Мне удобнее, да и более безопасно. Встречаться с вами на улице я не буду. Вдруг за вами слежка. И накроют обоих.

На этом и порешили. В качестве первого взноса Шернер передал Валере пятьсот долларов, получив взамен оговоренную сумму. Несмотря на то, что Вилли явно продешевил, он был доволен сделкой. Валера был для него находкой. Этого парня надо постепенно втягивать в незаконные операции и лепить из него то, что нужно Джекобу. С тех пор они регулярно обменивались валютой. Вилли, передавая доллары, помещал их в красочные журналы, изданные в США. Пусть Валера смотрит заодно, как красиво живут люди на Западе. Недалеко то время, когда Шернер потребует от него плату.

5

Исследовательская и поисковая работа Олега Зайцева позволила сузить круг иностранцев, среди которых мог находиться Шатун. Олега заинтересовал некий Шернер, представитель американской фирмы. Многие отмечали, что этот коммуникабельный человек, каким он зарекомендовал себя в первые месяцы пребывания в городе, в последнее время резко переменялся. Ранее он после рабочего дня, как правило, долго не покидал завод, стремился больше общаться с советскими коллегами, охотно принимал участие в домашних вечеринках. Теперь же, окончив работу, или чем-то занимается в комнате переводчиков, или спешит в город. В гостиницу нередко возвращается поздно вечером. Постоянно носит с собой небольшую японскую фотокамеру. Охотно снимает на заводе всех желающих, причем фотографии получаются довольно высокого качества. И что самое главное: некоторые приметы Шернера сходятся с приметами Шатуна. Лишь водитель такси после того, как долго и внимательно разглядывал фотокарточку Шернера, заявил:

— Точно сказать не могу. Возможно, и не этот человек. Напралину возводить не буду.

Предстояло уточнить некоторые детали в отношении Шернера у заводских переводчиков. Наверняка они могут сообщить какие-то интересные факты. Узнав, что чаще всего с Шернером работает Ирина Колосова, Олег решил побеседовать в первую очередь с ней. Колосова дала Шернеру самую блестящую характеристику: «Это — отличный специалист, хороший, добрый человек, с симпатией относится к нашей стране. Ни в чем плохом не замечен». Она говорила так убедительно, что Олег заколебался. Он вспомнил сомнения таксиста и решил, что, возможно, на этот раз интуиция его подвела. Вероятно, поиск надо продолжать. Олег задумчиво разглядывал фотокарточку Шернера.

— И все-таки нельзя отбросить окончательно версию, что Шатун и Шернер — одно и то же лицо, — раздумывал Олег, — ведь двое очевидцев его опознают. Правда, другие колеблются. Вот и Колосова...

— Нет, тут что-то не так, — решил Зайцев и совсем уж было собрался положить документы в сейф и покинуть управление. В этот момент в кабинет стремительно и шумно ворвался приятель Олега Сергей Остроумов.

Олег и Сергей были ровесниками, одновременно окончили одну и ту же школу, где активно занимались комсомольской работой; вместе поступили в политехнический и там проявили себя хорошими общественниками. С разницей в два-три месяца их зачислили на службу в Управление КГБ. Работали они в разных отделах, встречались не часто, но домами дружили.

— Опять засиделся, — накинулся Сергей на Олега. — Ну-ка, марш к семье! Давно ли провинился?

— Да я сегодня не тороплюсь, — отвечал Олег, — Вера позвонила, что после работы идет на «девичник» — день рождения у сослуживицы. Сижу вот, понимаешь, и смотрю: тот или не тот. Карусель какая-то получается. Казалось: все, вот он — конец нити, разматывай себе не торопясь, пока факт не останется голеньким. Но поговорил с одним человеком, и опять все в тумане. В пору начинать все сначала. А ведь столько времени потрачено. Жаль его, время-то!

— Ты говоришь так, будто сегодня первый день работаешь в нашей «фирме», — возразил Сергей. — Это же правило: анализируешь, исследуешь, отбрасываешь, находишь. Затем найденное вновь анализируешь, исследуешь, отбрасываешь. Такова суть любой исследовательской работы. Что же ты духом пал?

— Не пал я. Просто, кажется, зашел в небольшой такой тупичок.

— Ты же знаешь, что из любого туника можно выйти, — покрути мозгами.

— Да кручу уж, кручу.

Говоря это, Олег машинально вертел в руках фотокарточку Шернера.

— Приведешь в негодность вещественное доказательство, — улынулся Сергей. — Перестань нервничать.

— Да это не вещественное доказательство. Это именно тупик, в который я попал.

— Ну-ка, ну-ка, дай взглянуть. Подожди, ручаюсь, что я этого человека видел и сейчас вспомню, где именно.

Олег знал, что у Сергея действительно цепкая зрительная память. Он воспрянул духом. Скорее всего, Сергей видел Шернера при не совсем обычных обстоятельствах, раз запомнил его лицо. Однако Сергей, внимательно разглядев фотокарточку, отрицательно покачал головой:

— Не могу вспомнить. Но постараюсь. Сейчас, что бы ни делал, буду думать об этой фотокарточке и вспоминать. Лучше бы ты мне ее не показывал. Ну ладно, закругляйся. Проводи меня до какого-нибудь общепитовского заведения. Зоя теперь работает в вечерней школе и мне частенько приходится пользоваться столовой, — пожаловался Сергей.

Летний вечер был так хорош, что, выйдя из управления, друзья, не стовариваясь, повернули на Советскую и неспешно направились в сторону набережной — любимого места гуляния горожан. Несильный ветерок едва слышно шелестел листвой. На улицах было многолюдно.

Олег несколько раз попробовал заговорить с Сергеем, но тот отвечал невпопад, и Олег замолчал. Так они и шли молча в шумной толпе. Дойдя до парапета перед крутым спуском на берег, постояли, посмотрели на заполненный гомонящими людьми пляж и пошли в обратную сторону. Через несколько кварталов Сергей резко остановился и сияющими глазами посмотрел на Олега.

— Вспомнил! — шепотом сообщил он. — Вот здесь я его и видел. Он указал глазами на вход в ресторан, откуда доносились громкие звуки знакомой джазовой музыки.

— Несколько раз мне пришлось здесь ужинать. Этот твой Шатун садится всегда за столик к одному официанту. Такой мощный, крепкий парень. Я всегда, глядя на него, думаю, что ему место не в ресторане, а где-нибудь у станка, за штурвалом трактора, комбайна или с отбойным молотком в руках. Но вообще-то он и официант неплохой, расторопный. Так вот, мне показалось, что этот официант и Шатун довольно близко знакомы. Впрочем, я не догадывался, что Шатун — иностранец. Слушай, Олег, может, он и сегодня здесь? Давай заглянем!

Друзья зашли в полукрытые двери. В зале было много свободных столиков. В этот погожий летний вечер людей не тянуло в помещение. Казалось, что все горожане устремились на берег реки и в Зауральную рощу. Олег и Сергей пристроились за столиком недалеко от входа и стали наблюдать. Оркестранты, вероятно, ушли на перерыв, сцена была пуста. Вдруг Сергей крепко взял Олега за локоть:

— Он?

Олег скосил глаза на столик возле служебного выхода. Конечно же, это он — Шернер! Толстогубое лицо, седые волосы. На столе — бутылка шампанского. Говорили, что кроме шампанского Шернер не пьет никаких спиртных напитков.

Вдруг Олег насторожился. Из двери, ведущей в кухню, показался высокий парень крепкого телосложения, в черном костюме, белой рубашке с галстуком-бабочкой. В руках он держал поднос, уставленный закусками. Это был Валерий Потапов... Когда Сергей рассказывал о своих наблюдениях за общением Шернера с официантом, Олег как-то не подумал о Потапове. Ему и в голову не пришло связать этих двух людей. Но теперь надо было позаботиться о том, чтобы Потапов его не увидел. Он сразу же узнает Олега, официанты, как правило, хорошо запоминают людей. Прошлая их встреча была не очень приятной для Потапова, забыть он ее не мог. Олег потихоньку встал из-за стола и потянул за собой Сергея. Благо, у них еще не принимали заказа. Известно, что в ресторанах с этим не торопятся. Друзья вышли на улицу и остановились под деревом.

— Что же ты так быстро сбежал? Надо было понаблюдать за ними, — непонимающе смотрел на Олега Сергей.

— Да ведь официант-то — Потапов!

— Ну и что?!

— Как, что?! Я ведь с ним год назад беседовал: «балуется» с валютой, но за руку его схватить не смог.

— Тем более, надо разобраться, что за связь у них с Шернером. А если я один пойду? Меня-то ведь они не знают. Сяду поудобнее и понаблюдаю. Ты меня подожди.

И Сергей вновь направился в ресторан. Ждать пришлось долго. Лишь после одиннадцати в дверях показался Шернер, огляделся и неторопливо зашагал по улице. Вскоре швейцар вывел еле стоящего на ногах Сергея, презрительно ворча себе под нос:

— Шляются здесь. Не умеют пить, так не ошивались бы по ресторанам. Мелюзга!

Он прислонил Сергея к стенке и вернулся. Сергей нетвердой походкой направился прочь, миновал несколько улиц, свернул в ближайший на пути переулок. Подождал Олега.

— Ну, старик! С тебя причитается. Я был свидетелем классической валютной сделки, которую совершил этот бугай Потапов и твой дядюшка Сэм. Уверен, что у них все отработано до деталей. Значит, процесс такой: Шернер подал Потапову при расчете двадцать пять рублей. Я это видел четко, сидел в пяти метрах. Тот положил четвертную в карман, а из другого вынул целую пачку червонцев, не менее пятисот-шестисот рублей и передал Шернеру. Убирая со стола, Потапов вместе с посудой прихватил какой-то иллюстрированный журнал и ушел в служебное помещение, а иностранец, развалившись на стуле, внимательно разглядывал посетителей. Возвратился официант буквально через минуту. Они переглянулись. Потапов слегка кивнул. И Шернер быстро ушел, а твоего покорного слугу вытолкали внашею. Хорошо, что не поддали, а то пришлось бы тебе оплачивать мое лечение. Кстати замечу, здесь персонал набирают, наверное, по весу. Рука у швейцара тяжелая.

Олег был готов расцеловать Сергея и прощал ему легкую болтовню. Чувствовал, что тому нужна разрядка.

«Каков Шернер! — думал Олег. — Уж на что Колосова близко его знает, и от нее спрятал свою истинную личину».

Он не сомневался, что в журнале, полученном Потаповым, были доллары. С этого дня Олег начал более обстоятельно интересоваться Шернером. Оказалось, что тот не так безгрешен, как считала Колосова. Ее подруга Лариса Скуратова рассказала, как Шернер пытался подсунуть ей книгу «Армагеддон», а до этого просил перевести на русский язык какой-то библейский текст, который собирался распространить среди прихожан в Никольском кафедральном соборе. Содержания Лариса не знает, так как не взялась за перевод. Она еще тогда подумала: почему бы Шернеру самому не сделать эту работу, ведь он неплохо владеет русским языком? Настораживало Ларису и то, что Шернер в разговорах всегда стремился подчеркнуть свое доброе отношение к советским людям, а действия его свидетельствовали об обратном. Особенно ее возмутило поведение американца во время последней поездки за город, на пикник. Везде, где бы ни останавливались в селах, все иностранцы высыпали из автобуса, с любопытством разглядывали животноводческие фермы, жилые дома, завязывали разговор с деревенскими жителями. Дружелюбно расспрашивали о видах на урожай, о надоях молока, вообще о жизни. Разговор получался интересный. Колхозники охотно отвечали на все вопросы. Сами, в свою очередь, расспрашивали, нравится ли иностранцам работать в нашей стране, скучают ли по дому, какими сельскохозяйственными машинами пользуются у них фермеры для сбора урожая... Лишь Шернер не участвовал в этих беседах. Как только возникал общий разговор, он отходил в сторону и лихорадочно фотографировал заброшенные дома, жители которых переселились в новые усадьбы, старые, вышедшие из строя тракторы, комбайны.

— Это — человек с двойным дном, — заявила Лариса.

...Наблюдения за Потаповым показали, что у него постоянно водятся доллары, он их перепродает по высокой цене через помощников — юнцов, вроде Джона, нигде не работающих, живущих на доходы от спекуляции валютой играничными вещами. Потапов переродился в погоне за наживой в хищника. И разлагал группирующуюся вокруг него молодежь.

Материалы на группу спекулянтов во главе с Потаповым передали в управление БХСС, а о поведении Шернера проинформировали через руководство завода шефа группы американских специалистов Продейла.

Выслушав информацию, Продейл сделал вначале удивленный вид:

— Вероятно, это — досадное недоразумение. Шернер так тепло отзывается о советских людях. Лично я не слышал от него ни одного плохого слова о России. Наоборот, ему здесь нравится, и он просил оставить его по возможности еще на год.

Однако, когда Продейла ознакомили с заявлениями советских граждан, он вынужден был признать, что Шернер действительно скомпрометировал себя в глазах властей.

— Уверен, — заявил Продейл, — что Шернер не хотел нанести кому-либо вред. Он просто — оригинальный человек и своими поступками удивляет даже соотечественников.

Углубляться в эту тему Продейл не стал.

— Понимаю неудовольствие советской стороны неосторожным поведением Шернера и готов принести извинения от фирмы и от себя лично. Думаю, что достаточно будет, если я поговорю с Шернером. Больше он не допустит ничего подобного. О сегодняшнем разговоре я обязан поставить в известность представительство фирмы в Москве.

А через три дня из московского представительства пришел телекс о досрочном откомандировании Шернера в США...

Улетал Шернер с тяжелым сердцем. Сидя в самолете, он с тоской думал о том, что жизнь не удалась. Ему жаль было утраченных возможностей поправить свои материальные дела. Не радовали и предстоящие встречи с Джекобом и шефом. Неизвестно было, как они расценят его провал. Не придется ли пополнить собою ряды безработных? И пленки со снимками, на которых он так надеялся заработать, по настоянию Продейла пришлось передать властям. Боялись, что иначе его могут задержать для разбирательства.

Правда, он надеялся смягчить гнев Джекоба кое-какими сведениями, полученными от Колосовой и Потапова, но в глубине души понимал, что это — не совсем то, что нужно ЦРУ. Да и не сомневался Вилли, что советские органы госбезопасности «выйдут» и на Колосову, и на Потапова, поэтому товар такой для Джекоба не подойдет.

В этом с ним полностью был согласен сотрудник Управления КГБ Олег Николаевич Зайцев.

Содержание

От редакции (3)

Рожденная революцией. *В. Логунов* (5)

Г. САТАЛКИН, С. СТЕЦЮК. Заговор будет раскрыт (15)

М. НОВОХАТСКИЙ. Из записок чекиста (24)

В. ДУБРОВКИНА, С. СТЕЦЮК. «Я остался в Советской России...» (34)

В. АЛЬТОВ. Именем Республики Советов (50)

В. АЛЬТОВ. Из огня революции (62)

И. БОРИСОВ. На стратегическом направлении (72)

В. САВЕЛЬЗОН. Пароль «СК» (88)

Е. ЛЕВЕН. В тылу, на Южном Урале (111)

Н. СОЛОВЬЕВ. Обезврежены своевременно (124)

Г. САТАЛКИН. Поздней осенью в Польше (140)

А. САВЕЛЬЕВ. На глухом полустанке (151)

В. САВЕЛЬЗОН. Легко дышится после грозы (167)

М. ВАЙНШТЕЙН. От возмездия не ушли (187)

В. ЛУКАТИН. С двойным дном (196)

СТРАНИЦЫ НЕЗРИМЫХ ПОЕДИНКОВ

Составители: Владимир Степанович Сидак, Петр Игнатьевич Выприцкий

Редактор В. И. Дубровкина

Художник В. Н. Чесноков

Художественный редактор В. Г. Витлиф

Технический редактор О. Я. Понятовская

Корректор В. И. Мельник

ИБ 1648

Сдано в набор 03.06.88. Подписано к печати 12.12.88. ФВ 01636. Формат 84X108/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая с фотополимерных форм. Усл. п. л. 11,76. Усл. кр.-отт. 11,76. Уч.-изд. л. 13,3. Тираж 30 000 экз. Заказ № 2151. Цена 90 к.